
Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Председатель совета
Бабур АЛИМОВ

Абдулла АРИПОВ
Абдулла АЗАМОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Уткир ДЖУРАЕВ
Хуршид ДОСТМУХАММАД
Николай ИЛЬИН
Тулелберген КАИПБЕРГЕНОВ
Насретдин МУХАММАДИЕВ
Кувондик САНАКУЛОВ
Мухаббат ШАРАФУТДИНОВА

И.о. главного редактора
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Ирода РАХИМОВА

Ответственный секретарь
Зиёдбек УРИНОВ

Республика Узбекистан
Ташкент

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Мухаммад АЛИ. Сахибкиран Амир Темур 3

ПОЭЗИЯ

Усман НАСЫР. Пойдем с тобою в горы (Стихи)..... 7

Тилак ДЖУРА. Тихо ступаю рядом
с твоей луной (Стихи)..... 20

Марина БОГАТЫРЕВА. Хочу писать
большие картины (Стихи) 21

Мухаммад ЮСУФ. Если верой в Завтра
окрылен ты (Стихи) 41

Вика ОСАДЧЕНКО. Как хлеб испечь и вдруг
строку расслышать (Стихи) 44

Андрей ПАВЛЮК. Я вижу золотые
облака (Стихи) 104

Израиль ЛАНДСМАН. Опальные поэты (Стихи)..... 108

Рифкат МАКСУДОВ. Вечная тайна и вечный
вопрос (Стихи) 125

Любовь ТИЛЛЯБАЕВА. Свеча урючины тихонько
пламенела (Стихи) 132

ДЕБЮТ

Светлана ШЕГЛОВА. Раскаленные слезы
расплавленных струн (Стихи) 139

Элбек НАЗАРОВ. «Веселый лифт», или можно ли
доверять технике? (Рассказ)..... 142

ПРОЗА

Абдулла КАХХАР. Тысяча и одна жизнь (Рассказ) 13

Гафур ГУЛЯМ. Воришка (Рассказ) 17

Герман ГЕССЕ. Тропа мудрости (Индусский роман) 25

Ольга ГРИГОРЬЕВА. Синдром страха, или закон
матрешки (Фантастический роман)..... 47

Назар ЭШОНКУЛ. Люди войны (Повесть) 113

Латиф МАХМУДОВ. Миллион штук урюка (Рассказ) ... 129

Сагулла СИЯЕВ. Воспоминание (Рассказ) 136

ПРОСВЕТИТЕЛИ ВОСТОКА

Дилором АЛИМОВА. Махмудходжа Бехбуди 144

ПУБЛИЦИСТИКА

Раъно ЗАРИПОВА. Хафиз Ширази – мой близкий брат... 146

Акмаль САИДОВ. Узбекский «Фауст» 150

Ибодулла ШОЙМАРДОНОВ, Анвар ШЕРОВ.

Достойное воспитание детей – залог успешного
будущего нашего общества 172

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Шамсиддин КАМОЛИДДИН.

К биографии Ахмада Йугнаки 175

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Гульчира ГАРИПОВА. Мифомодель «книги бытия» в
мировой литературе XX века (трилогия Д. Мерезковского

«Христос и Антихрист» и роман Д. Джойса «Улисс») ... 181

Анатолий ЛИХОДЗИЕВСКИЙ. Эстетика комического
Х.Г. Брекенриджа (роман «Современное рыцарство») ... 188

*На второй странице обложки –
панорама города Ташкента.*

*На третьей странице обложки –
картины Марины Богатыревой*

Звезда Востока

2010 № 3-4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Агентством печати и информации
Республики Узбекистан
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А. (4 этаж).
Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Акбарали Мамасолиев

Корректор Светлана Шеглова

Набор и правка текста

Феруза Рахимова

Подписано в печать 10.09.2010.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 16,8. Уч.изд.л. 18,4

Тираж 500 экз. Заказ №

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

Редакция журнала осведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.
(Набор текста в любом формате
с приложением дисков, дискет и
распечаткой)

Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Перепечатка без соглашения с
редакцией не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

публицистика

Мухаммад АЛИ,народный писатель Узбекистана,
лауреат Государственной премии
Республики Узбекистан**Сахибкиран Амир Темур**

Рождение и становление каждой великой личности проходит среди своего народа.

В восточной литературе и в устном народном творчестве существуют сказания и легенды о справедливых царях. Сахибкиран Амир Темур стремился быть именно таким правителем. Он выбрал для себя девиз: *«Справедливость не в силе, а сила – в справедливости»* и следовал ему всю свою жизнь. Эти слова были выгравированы на камне его перстня и на государственной печати. Смысл этих слов в том, что если государство развивается, опираясь на справедливость, то оно будет сильным и могущественным. В этом и была политическая сущность государства Амира Темура. Он требовал от своих подданных беспрекословно следовать этой заповеди. Нарушители строго наказывались. «В городе Самарканде (имеется в виду вся страна – М.А.) соблюдается законность, так что ни один человек не смеет обидеть другого или совершить (какое-либо) насилие без приказа сеньора (Амира Темура – М.А.)...», – так писал в своем дневнике

испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо, который совершил визит ко двору Амира Темура в 1403 году.

* * *

Сахибкиран* Амир Темур родился 9 апреля 1336 года в вилоте Кеш Туркестана (на территории современного Узбекистана) в кишлаке Ходжа Илгор в семье почтенного аксакала из Барлаского племени Амира Тарагая. Его мать Текина Хотун являлась дочерью бухарского шейха Садр аш-Шаръиа.

Появление такой личности в истории было predetermined самим временем той эпохи, так как сложившиеся предпосылки последующих исторических событий требовали выдвижение на историческую арену такого человека, который сумел бы остановить междоусобные войны в стране и укрепить единую власть в государстве.

До обретения независимости Узбекистаном эпоха Амира Темура, как и сама его личность, освещалась крайне тенденциозно. Начиная с 1991 года стали раскрываться объективные исторические данные, дающие возмож-

* Титул, смысл которого означает – рожденный при счастливым сочетании планет Юпитера и Марса.

ность знакомиться с историей во всей ее сложности и неоднозначности. Восторжествовала историческая правда в восстановлении славного имени нашего великого соотечественника. Во главе всех этих добрых начинаний стоял Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов.

В 1993 году в Ташкенте был установлен памятник Амиру Темуру, учрежден орден Амира Темура. Был открыт фонд и музей, посвященные ему.

На международной научной конференции, посвященной 660-летию юбилею Сахибкирана, которая проходила под эгидой ЮНЕСКО 24 октября 1996 года в Ташкенте в докладе Президента нашей страны И. Каримова говорилось о значении культурного наследия эпохи Амира Темура, об Амире Темуре, как государственном деятеле, создавшем сильное и процветающее государство, о его заслугах в области строительства, о его покровительстве наукам, просвещению, и как о талантливом полководце.

Амир Темур был основателем развитого государства, управление которым опиралось не только на военную силу. К сожалению, о нем знали только как о полководце, завоевателе. Книги, написанные о нем на многих языках мира, в большинстве случаев посвящены только этой стороне его деятельности. Это приводило, естественно, к односторонности во взглядах и в оценках его личности. Бурный XIV век, как и все средневековье, был насыщен разрушительными войнами. Амир Темур был человеком своего времени. Эпоха диктовала свои условия и правила, которым нельзя было не следовать. Их игнорирование оборачивалось крахом любых самых благих начинаний. Поэтому при оценке его деятельности необходимо исходить из этих критериев.

Поражает тот факт, что в тот век, когда люди еще не имели полного представления о целостности мира, Амир Темур сумел увидеть его *единым*. Он четко осознавал, что без добрососедских связей с другими странами, невоз-

можно думать о процветании своего государства и народа. Поэтому в Самарканд к его двору прибывали послы из многих государств Азии и Европы. Он также отправлял своих послов в зарубежные страны и, в частности, во Францию – к королю Карлу VI, в Англию – к королю Генриху IV, в Испанию – к королю Генриху III. Считалось, что последняя страна находится на краю Света, ведь тогда еще не был открыт Новый Свет. Благодаря его стремлениям государства Азии и Европы впервые сумели предстать друг перед другом в едином геополитическом пространстве. Амир Темур своим полководческим талантом приостановил военную экспансию Османской империи в Европу, которую ожидала неминуемая катастрофа, а русские княжества – от разорения и зависимости от Золотой Орды.

Как государственный деятель Амир Темур был всегда против кровопролития. *«Девять десятых государственных дел я решал с помощью советов, мероприятий и аудиенций, и лишь десятую часть – с помощью меча»*, – подчеркивал Сахибкиран в своих известных *«Уложениях»*. В решении межгосударственных проблем он прибегал к дипломатическим решениям, стремился улаживать конфликты путем переговоров. Никогда не объявлял войну первым. Происходили дипломатические встречи, обмен послами. Эти усилия давали свои плоды. К примеру, в Азербайджане Шейх Иброхим I – основатель династии Дарбандия (1382–1538), сумел установить добрые отношения с Амиром Темуром – султаном Турана. Он признал его салтанат и поддерживал его в борьбе против хана Золотой Орды Тохтамыша. Историк Низамиддин Шоми писал о Шейхе Иброхиме, что он – «малик Ширвана, высокопоставленный и известный, выделяющийся своим добрым нравом среди других правителей». Благодаря этим его качествам характера и миролюбивой политике Шейх Иброхим, а также его потомки – сторонники такой же позиции долго правили страной, содействуя процветанию своего государства.

Историки сообщают о частных случаях, когда Амир Темура проявлял по отношению к своим противникам снисхождение и великодушно, без злопамятства и мстительности прощал их. Тохтамышхан был прощен четыре раза, а правитель Шибиргана – Зиндачашм опарди – пять раз.

* * *

Известный русский ученый-востоковед В.В. Бартольд назвал Амира Темура «ревностным строителем».

Благодаря воле Амира Темура в стране были возведены новые сооружения, проложены дороги, мосты, разбивались сады, благоустраивались городские кварталы. Одним из первых реализованных им строительных проектов было восстановление защитных стен города Карши еще в 1364 году.

Амир Темура перестроил Самарканд и превратил его в одну из прекраснейших столиц мира. Здесь за достойное вознаграждение работали ученые, искусные мастера и ремесленники из других стран, которым оказывали почет и уважение.

Вокруг Самарканда были разбиты четырнадцать красивейших садов («Боги Бишишт», «Боги Дилкушо» и др.), в каждом из которых были воздвигнуты загородные дворцы. По словам арабского историка Ибн Арабшаха, сады были открыты и доступны для всех людей.

В Кеше, Карши, Ташкенте, Бухаре, Термезе были воздвигнуты великолепные здания, медресе, мечети, дворцы, караван-сарай, базары.

В Ясси над гробницей Ходжа Ахмада Яссави, которого Амир Темура считал своим духовным наставником (Алишер Навои называл его не иначе, как «Шейхом шейхов Туркестана») был построен величественный мавзолей. Был восстановлен разрушенный Чингизханом город Банокат близ Ташкента. Банокат был переименован в Шахрухию в честь младшего сына Амира Темура.

Низамиддин Шоми в своей «Книге побед» приводит такие слова Амира

Темура: «Как мы воздвигнули величественные здания в Туране, пусть и в Иране останутся от высокой светлости (то есть от нас) памятники тоже». Строительные работы велись и за пределами Туркестанской земли, – в Хорасане, Фарсе, Ираке, на берегах реки Мургаб. Грандиозные оросительные работы проводились в Муганских степях Азербайджана, в городе Кабуле и его окрестностях. Была укреплена Дербендская крепость, восстановлен разрушенный в 1221 году Чингизханом город Байлакан, что находится в Карабахе, был проложен канал от реки Аракс в Азербайджане (длина 42 км, ширина 7 м), чтобы обеспечить водой жителей города.

* * *

Велика заслуга Сахибкирана и как покровителя науки и просвещения. Историки констатируют тот факт, что он очень высоко ценил роль науки и знаний, используемых для процветания государства. Он сумел заложить прочный фундамент для развития науки и просвещения. В страну приглашались знаменитые ученые, историки, философы, религиозные деятели, с которыми велись дискуссии на всевозможные темы.

Арабский историк и философ Ибн Халдун, который встречался с Амиром Темура, писал, что интерес к науке и знаниям был очень высок среди членов большой семьи Сахибкирана. Его дети и внуки воспитывались и учились индивидуально, затем продолжали учебу в медресе. Поэтому неспроста среди представителей династии Темуридов было много образованных людей: историков, ученых, поэтов, каллиграфов, меценатов литературы и искусства и т.д. Например, для Мираншаха Мирзо был переведен «Полный свод истории» Ибн ал-Асира. Внуки Сахибкирана – Мухаммад Султан (по велению которого в Самарканде строились медресе, хонако), Бойсунгур Мирзо, Искандер Мирзо были покровителями наук, искусства и искусными каллиграфами. Под покровительством правителя Ширази, дру-

гого внука Сахибкирана – амирзоды Иброхима Султана был создан фундаментальный труд Шарафиддина Али Язди «Книга побед» (1425), который по праву считается наиболее полной правдивой историей об Амуре Темуре. Еще один внук Амира Темура – Мирзо Улугбек был государственным деятелем, ученым, историком, просветителем. В Самарканде он собрал известнейших во всем мире ученых своего времени, построил знаменитую обсерваторию, а главный его труд «Новые астрономические таблицы» содержит изложение теоретических основ астрономии и каталог положений 1018 звезд, определенных с большой точностью. Сочинение Улугбека «История четырех улусов» имеет большое значение как источник при изучении далекого прошлого нашего края.

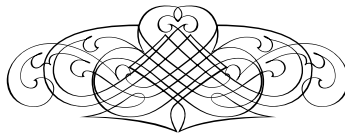
В число учеников Мирзо Улугбека входил Али Кушчи, продолживший его дело. Среди знаменитостей, считавших Мирзо Улугбека своим учителем, особо выделяются: поэт Лутфи; Алишер На-

вои, обогативший мировую литературу целым рядом поэтических шедевров; великолепный миниатюрист Камолиддин Бехзод. Одним из правнуков Амира Темура являлся Захириддин Мухаммад Бобур – основатель государства Бабуридов в Индии, ученый, поэт, написавший индивидуально яркую книгу-документ «Бабурнаме».

Среди современников Амира Темура и Темуридов – историки Гиясиддин Али, Низамиддин Шоми, Муиниддин Натанзи, Хафизиддин Аbru, Мирхонд, Хондамир.

* * *

В 1996 году в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО состоялось открытие выставки под названием «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов». Это стало подтверждением того, насколько были велики и неоспоримы заслуги Амира Темура и Темуридов в развитии и процветании науки, культуры и образования не только в Центральной Азии, но и во всем мире.

ПОЭЗИЯ

Усман НАСЫР

*Пойдем с тобою
в горы*

* * *

Пойдем с тобою в горы.
Давай пойдем!
Мир светел и просторен
Для нас вдвоем...
Нам снег сияньем ясным
Глаза слепит.
Так почему от счастья
Душа дрожит?
Неутолима юность!
Она сейчас
На самых звонких струнах
Играет в нас.
Ее прекрасны взоры,
Бровей излом...
Пойдем с тобою в горы.
Давай пойдем!

* * *

Тихо гаснет на небе
Закат голубиной крови...
Я глаза от него оторвать не в силах.
Ты сказал:
«Вот погаснет закат
И не будет к былому возврата».
Я с надеждою жду день грядущий!..

* * *

Друзья, наведайтесь ко мне. Душа горит.
В ней юность пылкая и опыт в поединке
Сейчас сошлись на узенькой тропинке,
И я не ведаю пока, кто победит.
Душа горит. Мне тяжело. Кровь моя кипит.
Я не рожден для мирного покоя.
На вечную борьбу я обречен судьбою,
Я верю, в схватке сильный победит.

ПУТНИК

Я – путник. Нет конца моей дороги.
Она в глубинах горизонта тонет.
Душа моя текучей болью стонет,
Я вдаль смотрю. В глазах моих тревога.
Чу, черный жеребец мой!

Бьет черный жеребец копытом землю,
Мой черный жеребец.
Достигнет цели в жизни только тот,
Кто через бури устремлен вперед,
Кто жизни беспечальной не приемлет.
Чу, черный жеребец мой!

МОЕЙ ЮНОСТИ

Увидел, как бабочка целует цветок –
И вспомнилась ты, моя любимая.
О, сколько дала ты мне сладких строк!
Ты – древо жизни моей, любимая.

Перевод В.Махалова

* * *

Жизни медоносная пора.
Не с чужою долей я рожден,
Не дую, не лезу на рожон,
И все слаше разума игра.

О, степенность – горький след на лбу!
Но окликнет даль – кричу в ответ,
И в разлуке с будущим поэт
Знает хорошо свою судьбу!

Все желанья вдаль устремлены,
Жеребец мой мчится впереди.
С флейтою капризною в груди
Вышел я на зыбкий свет луны.

Жизнь меня сквозь тернии ведет,
Жизнь моя, ты опыт мой крутой.
Но того, кто разлучен с мечтой,
После всех страданий счастье ждет.

НАСИМЕ

Для меня еще не все прошло.
Не пуста судьбы моей сума,
И чахотка – не большое зло,
Все еще увижу, Насима!
Для меня еще не все прошло!

Так что испытанья впереди –
В схватке жизни, а не на пиру.
Насима! Прольется из груди
То, что жжет ее – и я умру...
Так что испытанья впереди.

А пока гляжу в твои глаза,
В темные глубины двух морей...
Насима! Ведь даже их слеза
Не пригасит жар души моей.
Счастлив я, что впереди – гроза!

СОНЕТ

Стих мой! Милый! И в саду цветы
Посрамить ты можешь – так хорош.
Мне и жизни дал свои черты,
Как душа моя во мне живешь.

Ты вонзен в меня – узорный нож,
Не передам ни мук, ни красоты!
Разве плоть – облатка пустоты?
Боль моя – мой стих, и тем хорош.

Ты навел во времени мосты:
Гейне – сотовариш мой и друг,
Лермонтов вскормил судьбу и дух.

Жизнью же владеешь только ты –
Ты поэзия. Рассвет! Нет, кровь вдали...
Я – Меджнун, а ты – моя Лейли!

Перевод В.Зубарева

* * *

Моя жизнь вся еще впереди.
Сколько мне еще жить суждено?
Разум душу мою берedit,
Память крутит немое кино.
Мысль – дитя дорогое мое.
Так тревожит, волнует меня,
Тайны мира со мной познает –
Тайны ночи кромешной и дня.

ВДОХНОВЕНИЕ

Приходишь, как ливень, и душу терзаешь,
И иглы дождя в мое тело вонзаешь.
Я знаю, что мне умереть суждено,
Любовь я испил, как хмельное вино.
И счастья для сердца не надо иного,
Коль в муках рождается новое слово...

* * *

Час вечерний. Лишь я и луна.
По оврагу прохлады струится.
Над землею плывет тишина,
И на травах роса серебрится.

Шелест листьев и шорохи трав
К милосердию Земли причащают.
Чистый воздух зеленых дубрав
Мою грудь от тоски очищает.

Я однажды пришел в этот мир
И попал во владения лета.
Пил прохладный лесной эликсир,
Веселился и пел до рассвета.

СЕРДЦЕ

Стучи, стучи в моих словах,
Язык поет, тебе лишь вторя.
И две луны – два звездных моря
В моих распахнутых глазах...

Воспой земную красоту
И образ Родины прекрасной,
И, разливаясь через край,
Пылай к другим любовью страстной.

Но если Родину предашь
Или забудешь на мгновенье,
Стань молнией и разорвись,
И освети свое паденье!

Перевод Б.Бурмистрова

МОЙ САД

О, мой сад!
Прекрасен он!
Весь лучами озарен.
Как его цветы люблю.
Я их пью.
На душе
Весенний звон...
Весь лучами озарен.

Если жизнь сорвет, как лист,
Меня будет помнить сад.
За труды мои воздаст,
Из цветов меня создаст...
Даже через тысячу лет
Будет помнить меня сад.

И зазвучат мои стихи.
На века останусь жить!
Будущую жизнь свою
Поколениям отдаю, –
Тем, кому мой сад растить,
Я ж в нем вечно буду жить!
О, как долговечен он!
Весь лучами озарен!

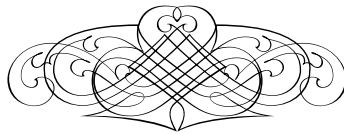
БЕЛЫЙ СТИХ

Словарный мой запас достаточно велик,
С какого слова мне начать теперь?
Как счастлив я, как бесконечно счастлив...
Не оттого ли так приподнят дух!

Прохладная пора – сентябрьская ночь,
Как мать моя кротка она, нежна.
Вот, от костра высокого, большого
Светлеет небо до своих глубин.

Я в этом мире высоко парил,
От радости приобретаю крылья.
И из небесных, сказочных высот
Приветствовал я молодость свою...

Перевод Н.Рашидова

проза

Абдулла КАХХАР

Тысяча и одна ЖИЗНЬ

Последние дни марта. Облака, плывущие по бездонно-голубому небу, затеяли неистовую игру с солнцем. Однако солнце, омытое клочьями облаков, выныривая будто из купели, все ярче, все горячее глядело на восходы, на все живое, еще дремавшее и не ведавшее о наступлении весны.

Миррахимов, человек тшедушный, попал в больницу совсем недавно. Завернувшись в огромный, не по росту, неуклюжий мохнатый халат, сидел он у оконца и смотрел на улицу, словно мыш, которая глазее на мир, высунув мордочку из огромной рукавицы. Вдруг он заволновался: что за чудесная погода, прямо благодать, а он, со здоровыми руками-ногами, должен сидеть взаперти и любоваться на мир из окна!..

Миррахимов хотя и был тшедушен, но обладал густым и могучим басом, – не умел говорить тихо. Прибывшая сестра стала участливо расспрашивать его о здоровье, о настроении. Она стала увешевать его, мол, только терпение поможет больному излечиться от недуга, намекнув при этом на Мастуру Алиеву, с которой всем больным стоит брать пример терпения и выдержки.

Оказалось, что Мастура Алиева, доставленная в больницу в тяжелом состоянии, вот уже восемь месяцев не выходит из палаты; все обитатели больницы уже знают о ней, и многие побывали у нее. Чувство гуманности вдруг обуяло и Миррахимова.

– Давайте навестим эту бедную женщину! Кто знает, сколько ей осталось жить на этом свете... Говорят, она совсем плоха...

– Да, ей-то очень тяжело – сказала сестра и вздохнула. – Легко ли переносить страдания целых десять лет!

Дядюшка Ходжи, лежавший на своей кровати у самого входа в палату и читавший какую-то книгу, вдруг с легкостью, не подобающей его больному и грузному телу, приподнялся и сдернул с глаз очки.

– Неужели десять лет? И десять лет болеет?

– Да, вот уже десять лет. Не прошло, говорят, и года после замужества, как она захворала, бедняжка. Не может есть: пища через горло не проходит. Пишу ей вводят прямо в желудок... Сделали ей там такое отверстие, понимаете... Иногда сама себя питает, иногда муж.

– Муж! Да неужели у нее есть муж?

– Есть. Здесь он. Пять месяцев от нее не отходит!

Дядюшка Ходжи умолк. Наконец он произнес:

– Мало того, что целых десять лет ходил за больной женой, а теперь вот и в больницу пришел...

– И не говорите... – сказала сестра. – Он упросил врачей, и ему позволили поставить в палате кровать для него.

Дядюшке Ходжи не терпелось посмотреть – и не столько на больную, которая так упорно и терпеливо борется с тяжким недугом, сколько на беззаветно преданного ей мужа. Он встал, решительно запахнул халат, повязался кушаком и сунул ноги в тапочки.

– А ну, пошли! Видно, святые это люди, надо навестить.

Сестра побежала предупредить Мاستуру и ее мужа о предстоящем визите.

Спустя минуту мы уже шли по длинному коридору, ища десятую палату; впереди шествовал, выпятив огромный свисающий живот, дядюшка Ходжи. У входа в палату нас вежливо и почтительно встретил молодой человек с большими, искрящимися глазами, смуглый, как индус. Выразив каждому из нас свою признательность, он пригласил нас в палату. Мы вошли. В эту минуту солнце нырнуло под облака, и в палате потемнело, как в сумерки. С кровати, что стояла слева от громадного окна, вдруг послышался слабый, нет, скорее мягкий голос:

– Добро пожаловать!.. Спасибо, что пришли! Только человек придает силы человеку... большое вам спасибо!.. Акрамджан, пригласите присесть.

Солнце снова выглянуло, и мы увидели Мастуру... Перед нами лежал не человек, нет, не больной человек, а мертвец, настоящий мертвец с пожелтевшей, как пергамент, кожей, – кожа до кости. И только глаза, большие глаза смотрели на нас... Представьте себе человека, сидевшего перед гробом и вдруг увидевшего, что у покойника задергалась нога или рука, – как бы почувствовал себя этот человек? Точно так же чувствовали себя и мы, глядя на ее глаза, сверкавшие на мертвенно-бледном лице.

Молодой человек, приветливо встретивший нас, видимо, муж Мастуры, принес нам стулья. Присели только Миррахимов и я. Дядюшка Ходжи остался стоять, грузным своим телом загородив от нас Мастуру. Я придвинул ему стул и хотел было дернуть его за полу халата, как вдруг заметил, что у дядюшки Ходжи колышется живот... Я удивился: чему бы ему так смеяться? И взглянул ему в лицо... Он стоял белый как полотно! Заметив, что дядюшку Ходжи обуял страх, сестра забеспокоилась и с тревогой сказала ему:

– Ах, дядюшка Ходжи, я и забыла дать вам лекарства! Идемте, идемте! – И она поспешно увела его из палаты.

Я забеспокоился, как бы дядюшка Ходжи, выйдя в коридор, не потерял сознание, не грохнулся на пол. Но, слава богу, обошлось.

Хотя сестра и увела дядюшку Ходжи под благовидным предлогом, но было уже поздно: Мастура все увидела. Некрасиво получилось, нехорошо. Я и Миррахимов сидели, не зная, что сказать, куда девать глаза. Я все же отважился незаметно взглянуть на больную. А Мастура, улыбаясь бескровными губами, повернулась к мужу.

– Запишите-ка, Акрамджан, в свой дневник: пришли меня навестить трое храбрецов, и один со страху удрал, а двое остались, не в силах бежать.

И она засмеялась, засмеялась сухо, отрывисто, словно ребенок.

От ее шуток, особенно от ее смеха, по спине у меня забегали мурашки, но потом мне вдруг показалось, что с лица Мастуры сошла мертвенная бледность, будто живительная свежесть, переполняющая ее глаза, передалась щекам. Миррахимов что-то забормотал было, извиняясь за дядюшку Ходжи, но Мастура оборвала:

– Не беспокойтесь, такие вещи на меня не действуют, – сказала она. – Акрамджан, расскажите-ка им историю с гробом... нет, я сама им расскажу! Так вот было это лет пять с лишним назад. Как сейчас все помню... Выпал густой снег. Лежу я вот так же, как теперь, напротив окна, Акрамджан сидел и, кажется, штопал себе носки... Вдруг вижу – распахнулась наша калитка и показывается что-то красное! Смотрю, удивляюсь: гроб! Двое друзей Акрамджана ташат к нам во двор гроб! Сердце во мне так и екнуло... Ах, беда какая, думаю, неужели я уже умерла?.. Не успела я прийти в себя и сказать что-то Акрамджану, как те двое прислонили гроб к стене

и вошли в комнату. Увидели они меня живую, ихватила их кондрашка, совсем как давеча вашего дядюшку Ходжи. Акрамджан тоже сидит себе и ничего не понимает... В то время мне и в самом деле было очень плохо, того гляди, ноги протяну. И вот увидел кто-то в автобусе плачущего мальчишку, подумал, что это мой братишка плачет, и пошли-поплыли слухи о моей смерти... Ну, а гроб потом сожгли в печке... Вот я и говорю, все эти страхи на меня совсем не действуют. Они действуют на людей, которые ожидают смерти, да ведь я-то не ждала и ждать не собираюсь! Если уж на то пошло, я не верю даже, что человек может ожидать своей смерти, то есть готов совсем отказаться от своих надежд. Даже совсем больной человек, который вот-вот умрет, у которого и язык уже не повинуется, и смотрит он, как будто прощается со своими близкими... А я и это не считаю признаком смерти: нет, он не прощается, а смотрит на своих близких с надеждой, ожидает, что они скажут ему: рано, рано ты собрался сводить счеты с жизнью... ты не умрешь. Эту вот надежду я и считаю самой сильной, самой важной для человека в жизни...

Акрамджан очень радовался тому, что Мاستура оживилась, беседуя с нами, но он тревожился и беспокоился за жену, как бы эта беседа не утомила ее, и всячески старался заставить говорить нас, говорил сам, чтобы дать больной передышку.

– А вы чем больны? – спросил он Миррахимова.

Тот назвал сразу три болезни.

– Ах, боже ты мой!.. – воскликнула Мастура. – В таком маленьком теле? Да как же уместились целых три болезни?

Раздался хохот. Особенно весело и заразительно смеялся сам Миррахимов, Акрамджан, с нетерпением ожидавший окончания разговора о болезнях, тот час подхватил шутку, брошенную Мастурой, и оказалось, что он на редкость остроумный человек; мы на время вовсе забыли о всяких недугах, шутили и смеялись напропалую. И когда наша непринужденная беседа неожиданно оборвалась – из-за могучего баса Миррахимова, – мы были огорчены. Врач, проходя по коридору, видимо, услышал неподобающий месту смех Миррахимова и, приоткрыв дверь, заглянул в палату. Он пристально поглядел на Мастуру и, заметив, что она утомлена, выставил нас за дверь. Акрамджан тоже вышел. Он долго и взволнованно выражал нам свою благодарность, уверяя, что любезность, которую проявили мы, навестив больную, придаст ей много сил и бодрости. Благодарность была во всем его существе, особенно в его больших, чуть увлажненных глазах. Мы не сомневались, что он готов расстаться даже с глазом, если б знал, что это доставит жене хотя бы минутную радость.

Мы вернулись к себе в палату. Дядюшка Ходжи лежал на своей кровати и, отдуваясь, прихлебывал сладкий чай. Никто не заговорил о неприятном случае: ни он, ни мы. Да и сами мы, Миррахимов и я, ни слова не вымолвили до самого вечера: мы были погружены в мысли о Мастуре и не находили, что сказать, как выразить свои впечатления, свои чувства.

Наступила ночь. Больные улеглись. Дядюшка Ходжи уже спал и похрапывал. Миррахимов то и дело ворочался с боку на бок и, заметив, что я тоже не сплю, приподнял голову:

– У этой женщины не одна душа – тысяча и одна, поверьте! – сказал он. – Душа в ней едва теплится, как огонек угасающей свечи. А если и угаснет, то не раньше, чем зажжет другую из оставшейся тысячи! Вот эта надежда и не подпускает к ней смерть!

После долгого молчания он снова заговорил:

– А муж ее, муж-то? Я вам скажу, что и ему дана тысяча и одна молодая жизнь, но он все отдает своей Мастуре...

Мало ли, много ли прошло дней, но вот мы расстались. Миррахимов уехал к себе домой, а дядюшка Ходжи укатил на курорт.

Спустя много времени судьба снова забросила меня в эти края. Я не мог, проезжая мимо больницы, не заглянуть в нее. Расспросив сестру, я узнал, что через час Мастуру кладут на операцию. Пять месяцев отговаривали ее врачи, уверяя, что с операционного стола она уже не встанет, но ничего не помогло: Мастура решила, дала расписку, в которой соглашалась на рискованную операцию.

Я хотел зайти в палату и проведать ее; я подумал, что мое посещение и дружеское слово придадут ей хоть немного силы и бодрости, но врачи не допустили меня к ней.

Когда наступило назначенное время, Мастура вышла из палаты, поддерживаемая с двух сторон сестрой и Акрамджаном. Однако, выйдя из палаты, она отстранила их и пошла твердым шагом, сама добралась до операционной, сама открыла дверь и скрылась за нею. Все внимание Акрамджана было сосредоточено на жене, и он не замечал меня. А Мастура хотя и увидела меня, но прошла молча: небось не узнала.

Я не стал дожидаться конца операции; мне было известно, что врачи не очень-то охотно шли на нее; мне было понятно и состояние больной; я подумал, что женщина, бесстрашно смотрящая в глаза смерти, похожа на человека, вдруг оказавшегося в тьме кромешной и запевшего, чтобы заглушить свой страх. Вечером я решил позвонить в больницу, и, честное слово, рука моя отчаянно дрожала. Но, слава богу, операция прошла удачно. Так мне по крайней мере сообщили.

Я уехал и долго ничего не знал о судьбе Мастуры. Я часто вспоминал ее и желал выздоровления и многих лет жизни этой женщине, у которой оказалось столько сил и терпения, чья душа была прочнее железа. И когда спустя три года, я встретил Акрамджана с какой-то незнакомой женщиной, я готов был горько, по-ребячьи расплакаться.

Нигде праздники не проходят так весело, интересно и красочно, как в Голодной степи, ибо люди, съехавшиеся сюда со всех областей республики, завезли с собою свои песни и танцы. На этом празднике мне довелось побывать в Гулистанском районе, среди своих хороших друзей. Акрамджана с незнакомой мне женщиной я повстречал именно здесь, в Гулистане. У обочины дороги сидела верхом на лошади и что-то ела смуглая женщина среднего роста, стройная, – сама молодость. Акрамджан был занят тем, что затягивал подпругу своего коня. Увидев меня, он что-то тихо сказал женщине. Она ловко спешила, и оба торопливо направились к нам. И женщина, и Акрамджан поздоровались со мной, как со старым другом. Но сколько я ни силился, сколько ни пытался отогнать далекое виденье, мне это не удалось: так и стояла у меня перед глазами та больная, что медленно вышла из палаты и потом исчезла в дверях операционной. И не смог я приветствовать их так же горячо, искренно, как они меня. С Акрамджаном я еще кое-как обнялся, а женщине нехотя протянул руку.

– Вы меня не узнаете? – спросила молодая женщина и, легко нагнувшись, сорвала листок подорожника, росшего на бровке арыка.

– Простите, не могу припомнить... – пробормотал я.

Женщина откусила листок подорожника и, пожевав, спросила:

– Ну, а теперь? И теперь не хотите узнавать?

Узнал! Узнал ее по глазам! Женщина, чьи глаза щедро дарили радостную улыбку миру, была Мастура!

Я растерялся и спросил, сознавая, что говорю явную глупость:

– Что же вы делаете в этих краях?

Она засмеялась.

– Да вот работаю, теперь у меня силы хоть отбавляй.

Мы беседовали долго. Муж и жена провожали меня довольно далеко, ведя своих лошадей за поводья. Потом мы простились, супруги вскочили на лошадей и ускакали. Я смотрел им вслед, и они казались мне орлами, парящими над раздольной степью. Когда они почти слились с горизонтом, один из всадников вдруг резко повернул обратно и поскакал к нам. То была Мастура. Подъехав на несколько шагов, она крикнула:

– Прошу вас, передайте от меня поклон дядюшке Ходжи! – и ускакала к Акрамджану, дожидавшемуся ее где-то на горизонте.

Вернувшись в город, я стал разыскивать дядюшку Ходжи, чтобы исполнить желание Мастуры. Но, увы, я узнал печальное известие: дядюшка Ходжи, оказывается, умер.

Перевод А. Рахими

проза

Гафур ГУЛЯМ

Воришка

Мама у нас умерла весной семнадцатого года. Отца мы к тому времени уже давно лишились, и никого, кроме старенькой бабушки, Ракии-биби, у нас теперь не оставалось. Отчетливо помню, как по вечерам она укладывала нас на айване на рваный рябой палас – единственный представитель рода ковровых, что уцелел в доме – а сама ложилась с краю, точно оберегая бедное свое гнездо с птенцами. Это была усохшая, пригнувшаяся к земле старушка, ростом немного выше нас: ей перевалило за восемьдесят, но она неустанно хлопотала и сохраняла единственную слабость: привычку к насваю.

Однажды осенью, когда мы уже спали на айване, тесно прижавшись друг к другу – ночи заметно похолодали, – что-то меня разбудило. В квадрате черного низкого неба меж стенами и крышей висели надо мной Семь разбойников, и оттуда же – так мне показалось в первый миг – доносился угрожающий бас. Наверное, он и разбудил меня; в следующее мгновение я понял, что бас доносится с крыши, а ему отвечает ласковый голос бабушки. Было, пожалуй, время третьих петухов.

– Ну и что, воришка? Дальше-то что? – говорила бабушка.

Воришка! Надо же!.. Я затаил дыханье и оглядел двор. Он был просторный и совершенно пустой. К айвану примыкала стена дядиного дома. Самого дяди дома не было – он ночевал с семьей за городом. Полагалось бы испугаться, но бабушкин голос был привычно ласков, как воркованье старенькой голубки, и страха я не испытал – один жгучий интерес. Еще бы! Ночью нас вор навестил. То-то завтра пойдет разговор по махалле! А я-то – как разукрашу все своим дружкам! Лишь бы поверили... Но вор – вот ведь недотепа! Нашел куда забраться... Да у нас в доме с лопатой иши – ничего не найдешь...

Вор попал к нам случайно. Перебираясь с крыши на крышу, он угодил на дядину, и, пока раздумывал, как быть дальше, в носу у него отчаянно засвербило – от пыли или от ветерка; он чихнул во всю силу своих легких, а бабушка, которая лежала без сна с насваем под языком и все думала свою горькую думу, выплюнула насвай, глянула наверх и увидела на крыше мужской силуэт.

– Воришка? – спросила она.

– Э-хмм...

Бабушка привстала, опершись на локоть.

– Послушай-ка меня, сынок, – сказала она. – Я тебя учить не хочу, у тебя свои дела, у меня свои, каждый добывает хлеб по-своему. Но работа у тебя тонкая, пока насморк, отдохнул бы, отлежался, подумал бы о себе, а то ведь пропадешь ни за что...

– Заглохни, старая, – сказал вор зловешим басом. Помолчал в темноте, словно обдумывая, потом добавил помягче: – А и верно, старушка ... ночное чиханье – не в пример громче... – Снова помолчал – и опять ворчливо: – А ты, старая, ежели все разумеешь, и помолчать бы могла, не заметить. Ночь, дрыхнуть надо!

– Ну, и не заметила бы, – сказала бабушка, – а тебе что толку? Взять у нас так и так нечего...

Вор только засопел.

– О-ох, воришка, сыночек мой, – горестно заворковала Ракия-биби. – Спать-то надо, да я не могу. На душе кручина, вот и кручусь, днем по двору, ночью на постели. Все думаю, все думаю...

– О чем думаешь-то? – сказал вор, и бас у него еще помягчел, словно в него добавили маслица. Я услышал, как он стал снимать чапан.

– Как о чем? – бабушка даже удивилась. – Сам, что ли, не поймешь? Вот о них, о четырех сиротках... Во-он лежат... Время, сам знаешь, какое, сироты – разве сладят они с таким миром? И пожалеть-то – кому? Дядя-арбакеш, так он, бедолага, со своей семьей мыкается. Едим, только б ноги не протянуть. Во всем доме продать нечего – ни одной-то вешицы...

– Ни одной... – повторил вор неопределенно, и непонятно было, то ли он подтверждает, то ли высказывает сомнение.

– А они, несмышлениши, – продолжала бабушка, – когда еще вырастут? Когда хлеб добывать начнут? Я-то – доживу ли? Дотяну? Из четверых – один мальчик, и ему-то тринадцати нет. А девочек – три, мал мала меньше... А и вырастут – кто на них позарится? Кто за них денежки выложит – на тряпье, да на сватовство, да на угошень?.. Как тут не думать! Ох, горяшко мое, беда, сыночек, беда, воришка...

Судя по звукам, доносившимся с крыши, полночный гость расстилал чапан. Потом он сочувственно спросил:

– Четверо, говоришь? Да-а... И у меня на шее – не меньше: двое ребятишек, да жена, да мать-старуха. Вроде тебя... Курице – и той сколько зерна надо, а четыре рта чем наполнить? Четыре лепешки заработать – и то душу на кон поставишь. Иди, кланяйся, хоть с метлой, хоть стрелой, хоть тешой, хоть душой...

Человек на крыше, покряхтев, улегся и продолжал:

– А по правде тебе сказать, бувиджан, аллах меня ни силой, ни умом не обидел. Думаешь, я по своей воле но ночам гуляю?.. Я, если хочешь знать, и семьянин настоящий... и ремесленник, дай бог каждому! Кавуши шил – всем на зависть! Ан нет! Не прокормишься ремеслом! Все перевернулось!.. Сел на трон Керенский – думали, войне конец, а вышло наоборот. Еще пуше воюют! И все ремесла прахом пошли. Для кавушей, к примеру, кожа нужна, клей, гвозди, лак. Так сырье – дороже готового! Я работай, и я приплати?..

– Неужто, сынок, так тебе и скитаться по крышам?

– А чем заняться-то? – Вор, похоже, снова приподнялся и сел. – Ну, хотел я ташишкой на базаре заделаться. Так простой народ нынче оптом-то ничего не закупает, помалу берут да сами и ташат! А у богачей – колеса. Они богатеют, богачи-то, а мы нишаем! Так-то вот, бабушка... Недавно Бува-ата, лучший мастер в махалле, весь свой набор сапожный – все колодки, да молотки, да иглы, да гвоздочки – все на пуд кукурузной муки сменял! И правильно сделал. Дехканам нынче не до обуви... И все ремесленники разорились, не одни мы: и ткачи, и медники, и кожевенники... даже домла в мактабе – и тот с голоду землю лижет! Это учитель-то! А тут – и ложки постного масла не наберешь...

– Да пропади они пропадом с этой проклятой войной! – сказала бабушка. – Воистину это светопреставление и есть, а, сынок, а, воришка?.. И что только будет с моими сиротами?.. Да и ты?.. С горя грех на душу берешь... Только не туда ты ходишь, сынок, ей-богу. Лазил бы к кому побогаче. Тут вот рядом, в махалле, и Карим-кары живет, торговец ситцем, и подрядчик Адьлходжабай, и Матьякуббай, промышленник... Вот у кого добра не счесть. Младенцы – и те на золоте едят! Продырявил бы у них крышу – хоть разжился бы!..

– Эх, старая, – сказал вор, вздохнув, и тут его голос показался мне очень знакомым, – рассуждаешь глупей своих несмышленишей. Да разве к богачам заберешься! И стены толстые, и крыши железные, и псы злые, каждый с тельца. Раздерут на части, после не соберешь... Ха! Адылходжабай, говоришь? Да у него двор еще и городской с винтовкой стережет... Не-ет, хоть тяжка забота, а в Сибирь неохота...

– Ты прав, сынок, прав. А все же и тут поосторожней будь, а то справят тебе волчью свадьбу...

Вор, должно быть, снова лег – или уселся, подложив под себя ноги.

– И ты права, буви, – сказал он и после паузы продолжал доверительно: – Вот я тебе расскажу. Недавно я из сарая Ариф-вонючки четырех кур с петухом спер...

– Да ну! – бабушка оживилась. – Ну, молодец! Ведь они, проклятушки, могли тебя хуже любого чиха выдать! Раскудахтались бы!..

– А я пузырек с водой прихватил... подкрался, набрал в рот воды – да как брызну на них!.. Глупей курицы-то никого нет. Подумали, дождик, головы под крыло, а я их по одной – и в мешок!..

– Ай, сынок! – восхитилась бабушка. – Как ты догадался!

– Слушай дальше, дальше слушай... Я-то упер, да Ариф-вонючка, видно, пронюхал. Взял я петуха – и отнес эликбаши Рахманходже. Ариф-вонючка к нему – и видит своего петуха!.. Ну, и умылся. Задом, задом – и домой.

– А что этот Рахманходжа?

– Неплохой человек. С ним, мать, можно договориться. В прошлом году меня в мардикеры записали, отправить хотели куда-то. Я – туда-сюда, туда-сюда – набрал полсотни рублей. Прихожу к нему: «Вот, мол, эликбаши-ата, все, что имею...» Помог – оставили меня. Приличный человек.

– Ну, дай бог счастья ему и деткам! А теперь слушай меня, воришка, слушай, сыночек, скоро светать начнет. Вон уж светлая звезда вышла! Ты по тутовнику-то скользни вниз, там рядом пень ореховый. Дам тебе топор, отколешь пару шепок, кумган поставим. Сын-то нам вчера две кукурузные лепешки оставил – попьем чай все вместе...

Вор помолчал.

– Нет уж, старая, – сказал он вдруг прежним басом. – Пень вам расколю, а чай сами пейте. Ни к чему мне свое лицо показывать...

– Вай, сынок! И мы тоже люди. Неужто так и уйдешь от нас с пустыми руками?..

Вор буркнул что-то неразборчивое.

– погоди, – продолжала бабушка, – что ж тебе взять?.. А-а, слушай, там в мехмонхоне казан лежит полупудовый. Было время, три семьи из этого казана ели!.. Бедно жили, а дружно. Теперь вот осталась одна я с сиротками. Когда-то им этот казан сгодится!.. Так возьми, сынок, казан! Продашь, проживешь с семьей день-другой...

Вор помолчал секунду.

– Нет, – сказал он вдруг сдавленным голосом, – не возьму, мать, не такой уж я... – он снова замолк, как бы стараясь с собой справиться, и когда заговорил снова, то, видно, старался, чтобы вышло подобнее. – Что это ты, мать, так отчаиваешься. Днем-то твои сироты небось веселятся, бегают. Краешек лепешки-то уж для них найдется. А там – вырастут. Обязательно вырастут, мать, увидишь! И казан пригодится, может, еще мал будет!.. Дай бог нам дожить до их тоев! Прошай, бувиджан, зря уже...

– Ну, прошай, воришка, не забывай нас...

* * *

Неделю спустя я услышал на улице знакомый голос. Потом я не раз встречал этого человека, но ночной истории не рассказал никому. Только порой, когда проснешься ночью, снова слышится мне этот разговор, пока я лежу, прикрыв глаза.

Перевод А. Наумова

ПОЭЗИЯ

Тилак ДЖУРА

*Тихо ступаю рядом
с твоей луной*

* * *

Качнулись вслед мне кроны тополей.
Осталось детство в их наклонах строгих.
Запутался в ветвях бумажный змей –
Воздушный змей дней наших босоногих.

О, лабиринты детских троп,
Что вывели нас к жизни вдохновенной!
Теперь пустынный ветер нам ласкает лоб,
Теперь летим в объятия вселенной!

И в нашу цель мы натянули лук.
Идем, подобно молнии, сверкая.
Нам тяжесть не делить под тучами разлук,
Когда встает пространство, разделяя.

Но в сердце не померкнет тот ручей,
Что был нам бурною рекой в порогах.
Сегодня память матери нежней
Своих детей целует босоногих!

Качнулись вслед мне кроны тополей,
Осталось детство в их наклонах строгих!

* * *

Осень, брожу в сумерках влажных твоих.
Листья твои – цветы моего венка.
Моря тревожный гул в этот час затих.
Берег морщинист, как дедушкина рука.

Каждый твой лист под дрожащей росой нов.
В тело мое вселяется трепет твой.
Ночи твоей раздвинув темный покров,
Тихо ступаю рядом с твоей луной.

Окна твои – я пришел, чтоб стучаться в них.
Чувства мои как огонь, а душа – легка.
Осень, брожу в сумерках влажных твоих.
Листья твои – цветы моего венка.

Перевод Татьяны Гутиной

ПОЭЗИЯ

Марина БОГАТЫРЕВА

Хочу писать большие картины

Марина Богатырева – известный ташкентский художник, искусствовед и поэт. Ее работы отмечает нетрафаретный взгляд на природу эстетического, где все увиденное, любая деталь или подробность, выхваченные, казалось бы, неподготовленным и ничего не перерабатывающим взглядом, обрастают художественной значимостью, попадая в русло обобщающей мысли или определенного душевного состояния

художника. Напряженные поиски Нового в искусстве подталкивали Марину к экспериментированию, к поиску нестандартных форм, иного характера художественного видения. И как в изобразительном искусстве, где она сопрягала возможности живописи и фотографии, так и в поэзии Марины совмещаются фактографическая наблюдательность, живописная пластичность и уникальные свойства слова в передаче внутренних состояний и мысли человека.

Марина Богатырева была участницей Ташкентских фестивалей поэзии, ее стихотворения печатались в альманахе «Малый шелковый путь», журнале «Звезда Востока», а ее своеобразные живописные композиции не раз украшали обложку данного издания.

СОБАКА ПАВЛОВА

Дорога утекала плавно
За горизонт, где дикий плес.
А рядом шла собака Павлова,
Хороший пес, приличный пес.

Мы подружились с той собакой,
Ее особенный рефлекс
Был мил – она давала лапу,
Когда я кушала бифштекс.

Когда в угрюмой непогоде
Мы с ней брели по мостовой,
Собака, вопреки природе,
Своей кивала головой.

Кивала в такт шагам неспешным,
Как будто чуяла вину
За этот дождь, за ветер встречный,
За все, что я не назову,

Не полюблю и не осмыслю,
Не дожалею, не допью...
И все ее собачьи мысли
В ее же голове убью –

Я крикну: «Фас!» и брошу палку,
И вот она уже бежит...
Хорошая собака Павлова,
И пар из пасти чуть дрожит.

* * *

Хочу писать большие картины,
Хочу писать маленькие картины,
Хочу писать средние картины.
Не знаю, какие картины хочу писать,
Смутно их вижу – ведь живопись умерла!

Сказали, что живопись умерла,
Но после смерти опять воскресает.
Сказали, что воскресает опять,
Только теперь уже не такая.
А какая? Теперь, после смерти, какая?
Такая, как триста лет спустя?
Или такая же, как вчера,
Что я видела на подоконнике
Моего знакомого (сумасшедшего) –
Такая же навязчивая.

Или она должна быть незаметной, пустынной, холодной?
Я беру холст и не знаю,
Что с ним делать.
Незримые критики смотрят взглядом орла,
Приготовились прыгнуть.
И сразу: «Не то, не вписались в «мэйнстрим»,
И на стену мы вас не повесим».
Но здесь нет мэйнстрима (о чем мы грустим),
И потом, у меня свои стены.

Что если открыть новое направление – «Да пошли вы!»?
Но здесь нет критиков и бояться нечего,
И не нужно открывать нового направления.
Потом все бросаю, иду в магазин,
И не знаю, зачем иду в магазин...

* * *

Какой-то средней руки поэт
открыл буфет, достал пакет,
взял из него шесть конфет
и положил в вазу.
Хотел их съесть, но не сразу,
а прежде написать стихоТВОРЕНИЕ,
и не какое-нибудь там *умопостроение*,
а чтобы шедевр «невинный» родился
(то есть чтобы Чудо совершилось само).

Но без конфет у поэта не получается,
и он заварил чаю.
Потом пошел снег, и он уже отчаялся
написать нечто самосовершенствующееся,
а конфеты
все таяли и таяли в животе поэта.

P.S. Поэт решил: «Чудес не бывает,
нужна долгая кропотливая работа».
И уснул.
Конфеты назывались «Чудо»...

* * *

Как веки наши странно тяжелы.
По запотевшему стеклу руки скольжение.
И зеркала, в которых не отражены
Ни шепот наш, ни наше наваждение.

Как безвозвратно канул мир на час
В немую тень густых переплетений.
И только ветви за окном на нас
Еще глядят в неведомом волнении.

* * *

Коврик и кухня
Варево жизни
Слепое время

Трется о ноги
Старая кошка
Мягкими лапами
Забирает бремя

Тапочки бантики
Теплая кухня
Мягкие лапки
Варево жизни
И после, после
Мягкими лапками
Время

* * *

Я люблю ночи твоей
черный клей.
В волосах твоих рука не заблудится,
не заблудится в руках твоих блудница.
Тьма проламывает тело,
загибает его страницу.
Отпусти.

Душно дышать под землей Азерота.
Рвота, плети из-под земли.
Мы приходим и сами себя отражаем,
в отраженьях себя рождаем,
в отраженьях, во мгле,
в погребальном сукне
время опережаем
не по скрижалям.

* * *

Глаза слипаются, сейчас увижу сон,
Где белый слон, где красный слон,
Где синий слон.
Про изумрудного слона увижу сон.
В глазах его купаются чинары
И пальмы всюду с острою листвою.
Красивый сон разбух, как мармелад,
Как пряник с медом липовым. Густой
Оркестр музыку съедает-поедает,
Поет певица (певчая звезда).
Во сне все это не надоедает,
Но мне пора, пора, пора, пора!

проза

Герман ГЕССЕ

Тропа мудрости

Индуcский роман¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЫН БРАХМАНА

Под сенью родительского дома, на солнце речного берега у лодок, в тени садового леса, в тени смоковниц вырос прекрасный сын брамана, юный сокол Сиддхарта, вместе с Говиндой, своим другом, сыном брамана. Солнце покрывало загаром его белые плечи на берегу реки, при купании, при священных омовениях, при жертвенных обрядах. Тень вливалась в его черные очи – в манговой роще, при играх мальчиков, при песнях матери, при священных жертвоприношениях, при поучениях ученого отца и беседах мудрецов. Давно уже Сиддхарта принимал участие в этих беседах; вместе с Говиндой, упражнялся он в словесных состязаниях, в искусстве созерцания, с целью самоуглубления. Уже он в состоянии был беззвучно произносить слово «Ом», это слово слов, – беззвучно выговаривать его при дыхании и выдыхании, с сосредоточенной душой, с челом, озаренным сиянием ясной мысли. Уже в глубине своего существа он познавал Атмана², непреходящего, со вселенной единого.

Радость наполняла сердце отца при виде сына, столь одаренного, жаждущего знания: великого мудреца и священнослужителя провидел он в нем, князя среди браманов.

Блаженством преисполнялась грудь матери, когда она глядела на сына, когда видела, как двигался, садился и вставал Сиддхарта, сильный, прекрасный, как ступали его стройные ноги, с какой отменной благопристойностью он ее приветствовал.

Любовь зарождалась в сердцах юных дочерей браманов, когда Сиддхарта проходил по улицам города, с лучезарным челом, с царственным взором, с узкими брами.

Но всех больше любил его Говинда, его друг, сын брамана. Он любил очи и чарующий голос Сиддхарты, любил его походку и исполненные благородства движения, любил все, что делал и говорил Сиддхарта – а всего больше любил его душу,

¹ Журнальный вариант. Г. Гессе. Тропа мудрости. Издательство «Петроград». Ленинград – Москва. 1924.

² В памятниках Ведийской литературы Атман (что значит – дыханье) – «дыхательная» сила, действующая и творящая в глубине каждой индивидуальной жизни. С течением времени из этого представления об Атмане создалась идея всеобъемлющей, всеживляющей мировой души. В более поздних частях Веды Атман отождествляется с Брамой.

его огненные мысли, его пламенную волю, его высокое призвание. Ибо знал Говинда – не рядовым браманом станет его друг, не небрежным исполнителем жертвенных обрядов, не алчным продавцом заклинаний, не тщеславным пустым краснобаем, не злым и коварным жрецом, – как не будет «он» добродушным глупым бараном в многоголовом стаде. Нет, не будет этого! Да и он – Говинда – не хотел стать одним из тех браманов, каких существуют десятки тысяч. Он хотел следовать во всем за Сиддхартой, за любимым, чудным. И если Сиддхарта когда-нибудь станет богом, если он приобщится к сонму лучезарных, – тогда и он, Говинда, последует за ним, – как спутник, как слуга и копыносец, как тень.

Все любили Сиддхарту. Во всех он вселял радость, для всех был утехой.

Но сам он, Сиддхарта, не ведал радости, не знал утех. Гуляя по розовым дорожкам сада, среди смоковниц, сидя под голубоватой сенью Роши Созерцания, совершая ежедневные очистительные омовения, принося жертвоприношения в тенистой глубине манговой роши, с отменной благопристойностью в каждом своем движении, всеми любимый, всем радуя взоры, – сам он, однако, не находил радости в своем сердце. В струях речных вод, в мерцании ночных светил, в сиянии солнечных лучей, мелькали перед ним образы, носились неугомонные мысли. Грезы и душевную тревогу навевали на него и курения жертвенного фимиама, и стихи Риг-Веды, и поучения древних браманов.

И Сиддхарта познал муки неудовлетворенности. Он почувствовал, что любви родителей, любви Говинды, его друга, недостаточно чтобы навсегда и всецело осчастливить, успокоит и насытит его. Он догадывался, что его достопочтенный отец и другие его учителя – мудрые браманы – уже передали ему большую и лучшую часть своей мудрости, что они уже перелили все свое богатство в его алчущий сосуд, – но не наполнился сосуд, не удовлетворена мысль, не успокоилась душа, не умиротворено сердце. Омывания вещь хорошая, – но не водою же смыть грех, утолить жажду души, унять тревогу сердца? Превосходны жертвоприношения и вознесение молитв к богам – но разве этого достаточно? Разве жертвоприношения дают счастье? А боги? Действительно ли творцом мира был Праджapati³, а не Атман – Он, Единственный, Всеединый? Ведь и боги существа сотворенные, как я и ты, подчиненные времени, преходящие... И хорошо ли в таком случае, правильно ли, имеет ли смысл приносить им жертвы? Кому же приносить жертвы, кому поклонятся, как не Ему, Единственному, Атману? И где искать Атмана, где он пребывает, где бьется его извечное сердце? Где, как не в собственном Я, в его сокровенной глубине, в том Неуничтожаемом, что каждый носит в себе? Но где же, где это Я, это сокровенное, это начало начал? Оно не в плоти и не в крови, не в мысли и не в сознании, – учат мудрейшие. Где же оно тогда? Существует ли иной путь, чтоб проникнуть туда, к этому Я, ко мне, к Атману. И стоит ли его искать? Увы, никто не может указать этот путь, никто не знает его, – ни отец, ни наставники и мудрецы, ни священные жертвенные песнопения. Все-то они – браманы и их священные книги – знают, всем-то и даже более, чем всем, они интересовались – творением мира, происхождением речи, пищи, дыхания, соотношением чувств, деяниями богов. Бесконечно много знают они, – но какую цену имеет все это знание, если не знаешь Единого и Единственного, важнейшего, единственно важного?

Правда, во многих стихах священных книг, в особенности в Упанишадах⁴ Сама-веды говорится об этом сокровенном, изначальном. Дивные это стихи! «Твоя душа – это весь мир» – гласят они. И еще в них говорится, что человек в состоянии сна –

³ Праджapati – главенствующий над всем существующим – произвел из себя миры с богами и людьми, пространством и временем, мыслью и словом. С дальнейшим развитием религиозно-философской мысли эта роль творца переходила к Атману – Бrame.

⁴ Упанишады – древнейшие философские и теософические сочинения индусов, относящиеся к периоду 1000–600 лет до н.э., отличаются свободой философской мысли.

глубокого сна – входит в свое сокровенное Я, пребывает Атмане. Дивная мудрость звучит в этих стихах; все знания мудрейших собрано тут и высказано в магических словах, – чистое, как пчелами собранный мед. Нет, нельзя не относиться с глубочайшим уважением к столь огромным запасам знания, собранным и сохраненным бесчисленными поколениями мудрых браманов. Но где те браманы и жрецы, где те мудрецы и подвижники, которым удалось не только постигнуть, но и воплотить в жизнь это глубочайшее знание? Где тот чародей, который сумел бы это пребывание в Атмане во время сна перенести в бодрственное состояние, в жизнь, в действие, в слово и дело? Многих почтенных браманов знал Сиддхарта. Прежде всего – своего же отца, чистого, ученого, почтеннейшего из почтенных. Достоин преклонения был его отец: кротостью и благородством дышало его обращение, чиста была его жизнь, мудро было его слово, утонченная и возвышенная мысль отражалась на него челе. Но и он, – столь много познавший, – видал ли он блаженство? Жил ли он в мире с самим собой, не был ли он лишь ищущим, жаждущим? Разве не приходилось ему, чтобы утолить свою жажду, снова и снова черпать из священных источников, – из жертвоприношений, из книг, из беседований с браманами? Зачем ему, безупречному, надо каждый день смывать грех, каждый день совершать очищение – каждый день проделывать все сызнава? Разве Атман не живет в нем, разве не течет в его собственном сердце первоисточник? Его-то – этот первоисточник – и надо отыскать в собственном Я. Им-то и надо овладеть. Все же остальное лишь искание, лишь хождение окольными путями, блуждание.

Таковы были мысли Сиддхарты, вот что его мучило, причиняло страдание.

Часто он повторял слово из одной Упанишады Чандоджья: «Во истину имя Брами – Satyam. – Воистину тот, кто постиг его, ежедневно вступает в небесное царствие». Подчас оно и ему казалось таким близким, это небесное царствие, но им ни разу не удалось достигнуть его окончательно, утолить жажду вполне. И среди всех мудрых и мудрейших, которых он знал, поучениям которых внимал, не было ни одного, кто достиг бы вполне этого небесного царства, ни одного, кто утолил бы всецело эту вечную жажду.

– Говинда, – сказал однажды Сиддхарта своему другу, – Говинда, милый, пойдем под банановое дерево – будем упражняться в самопогружении.

И они пошли к банановому дереву и сели под ним – тут Сиддхарта, а в двадцати шагах от него Говинда. И Сиддхарта, садясь, готовый произнести слово Ом, – шопотом повторил стих:

*«Ом – есть лук, душа – стрела,
А Брама – цель для стрел,
В ту цель попасть старайся ты».*

Когда прошло время, посвященное самопогружению, Говинда поднялся с места. Уже наступил вечер, пора было приступить к вечернему омовению. Он окликнул Сиддхарта, но тот не отозвался. Сиддхарта сидел, всецело погруженный в самого себя – глаза его неподвижно глядели в даль, кончик языка слегка высунулся между зубов, – казалось, он даже перестал дышать. Так он сидел, погруженный в созерцание, мысля Ом и душа его была стрелой, устремленной к Бrame.

Однажды, через город, в котором жил Сиддхарта, прошли саманы – три странника – аскета, высохшие, угасшие люди, не старые и не молодые, с покрытыми пылью и кровью плечами, почти нагие, опаленные солнцем, окруженные одиночеством, чуждые и враждебные миру, пришельцы и исхудалые шакалы в царстве людей. Знойным дыханием безмолвной страсти веяло от них, – дыханием изнуряющего радения, беспощадного самоотрешения.

Вечером, когда миновал час созерцания, Сиддхарта сказал Говинде:

– Друг мой, завтра с рассветом Сиддхарта уйдет к саманам: он станет – саманой.

Говинда побледнел, когда услышал эти слова, когда в неподвижном лице друга прочитал решимость – непреклонную, как пушенная из лука стрела. И сразу, с первого же взгляда Говинда понял: «Вот оно – началось! Уже Сиддхарта вступает на свой путь, уже начинается свершаться его судьба, а с нею и моя». И он стал бледен, как сухая кожица банана.

– О, Сиддхарта! – воскликнул он, – позволит ли твой отец?

Сиддхарта взглянул на него, как пробудившийся от сна. С быстротой стрелы он прочел то, что происходило в душе Говинды, прочел его страх, прочел его покорность.

– О, Говинда, – сказал он тихо, – не будем расточать напрасно слов. Завтра с наступлением дня я начинаю жизнь саманы. Не будем больше говорить об этом.

И Сиддхарта вошел в горницу, где на плетеной циновке сидел его отец. Он стал за его спиной и стоял так до тех пор, пока отец не почувствовал, что кто-то стоит позади него. И сказал браман:

– Ты ли это, Сиддхарта? Поведай же то, что ты хочешь сказать.

И ответил Сиддхарта:

– С твоего позволения, отец, я пришел сказать тебе, что сердце велит мне завтра покинуть твой дом и уйти к аскетам. Стать саманой – вот в чем мое желание. Да не воспротивится этому отец мой!

Браман молчал – молчал так долго, что звезды успели переместиться в маленьком окошечке и изменить свое расположение, пока в горнице длилось молчание. Безмолвно и неподвижно, со скрещенными руками, стоял сын, – безмолвно и неподвижно сидел на циновке отец. Звезды же передвигались по небесному своду. И сказал отец:

– Не подобает браману говорить резкие и гневные слова. Но гнева исполнено мое сердце. Да не услышу я эту просьбу из твоих уст вторично.

Медленно поднялся с места браман. Сиддхарта же продолжал стоять, безмолвный, со скрещенными руками.

– Чего же ты ждешь? – спросил отец.

– Ты знаешь! – ответил Сиддхарта.

В гневе покинул горницу отец; в гневе он отыскал свое ложе и опустился на него.

Прошел час, а сон все еще не сомкнул его очей. Тогда браман встал, прошелся по комнате и вышел из дому. Через маленькое окошечко заглянул он в горницу и увидел, что Сиддхарта стоит на том же месте, скрестив руки, непоколебимый. Белели в сумраке его светлые одежды. С тревогой в душе вернулся отец на свое ложе.

Прошел еще час, а сон все не приходил. Тогда браман снова встал, ходил взад и вперед, вышел из дому и увидел, что луна уже взошла. Через окошечко заглянул он в горницу – Сиддхарта стоял все на том же месте, со скрещенными руками, и лунный свет играл на его обнаженных коленях. И полон заботы, вернулся отец на свое ложе.

И снова он приходил – через час, через два, заглядывал в маленькое окошечко; Сиддхарта все так же стоял – при свете луны, при свете звезд, в темноте. Каждый час, молча, браман выходил, заглядывал в горницу, видел неподвижно стоящего, – и сердце его наполнялось гневом, тревогой, трепетом и горем.

Но когда в последний час ночи, перед рассветом, он вышел опять, то вошел в горницу и, взглянув на стоящего юношу, который показался ему выросшим и каким-то чуждым сказал:

– Чего ты ждешь, Сиддхарта?

- Ты знаешь.
- Ты все будешь стоять так и ждать, пока не наступит день, полдень, вечер?
- Я буду стоять и ждать.
- Ты устанешь, Сиддхарта!
- Устану.
- Ты умрешь, Сиддхарта!
- Умру.
- Ты предпочитаешь умереть, чем слушаться отца?
- Сиддхарта всегда слушался отца.
- Так ты отказываешься от своего намерения?
- Сиддхарта сделает то, что прикажет ему отец.

Первый проблеск зари проник в горницу. Браман увидел, что колени Сиддхарты слегка дрожат. Но в лице Сиддхарты не было дрожи. В бесконечную даль были устремлены его глаза. И понял отец, что Сиддхарта уже не с ним, не в родном доме, что он уже покинул его.

Тогда отец дотронулся до плеча Сиддхарты и сказал:

– Ты пойдешь в лес и станешь саманой. Если в лесу ты обретаешь блаженство, приходи научить и меня. Если же постигнет тебя разочарование, вернись, и мы снова будем вместе творить жертвоприношения богам.

Он снял руку с плеча сына и вышел из дому. Сиддхарта пошатнулся, когда сделал первый шаг. Но он овладел своими членами, поклонился отцу и пошел к матери.

Когда при первых утренних лучах, медленно, онемевшими ногами, он покидал еще спящий город, у последней хижины поднялась какая-то съездившаяся фигура и присоединилась к страннику. Это был Говинда.

– Ты пришел! – сказал Сиддхарта и улыбнулся.

– Я пришел, – сказал Говинда.

У САМАН

Вечером того же дня юноши догнали высохших аскетов-саман и выразили свое желание стать их спутниками и учениками.

Саманы согласились.

Сиддхарта подарил свое платье бедному встреченному по дороге браману. Теперь он имел на себе только повязку вокруг чресел и кусок материи без швов землистого цвета, служивший ему плащом. Пищу он принимал только раз в день и притом лишь такую, которая не была приготовлена на огне.

Он постился пятнадцать дней подряд. Постился двадцать восемь дней. Тело его исхудало, щеки обтянулись. Знойные грозы горели в его ставших огромными глазах. На высохших пальцах выросли длинные ногти, подбородок оброс сухой, всклокоченной бородой. Ледяным становился его взгляд, когда он встречал женщин; уста кривились презрением, когда он проходил через город с нарядно одетыми людьми. Он видел, как торговали купцы, как отправлялись на охоту князья, как родственники оплакивали своих покойников; видел непотребных женщин, предлагающих свои ласки, врачей, хлопочущих у ложа больных, жрецов, назначающих день посева, видел обменивающихся ласками влюбленных, кормящих грудью матерей. Но все это казалось ему не стоящим его взгляда, все это была ложь, смрад, от всего смердело ложью, все имело только видимость смысла, счастья, красоты, на самом же деле было несознаваемым тленом. Горечью отзывалось все в мире. Мукой была вся жизнь.

Одну только, единственную цель ставил себе Сиддхарта: опустошать свою душу, вытравить из нее всякие стремления и желания, всякие грезы, всякие радости и страдания. Умереть для самого себя, перестать быть Я, обрести покой в опустошенном сердце, самоотрешившейся мыслью быть готовым к приятию чуда – такова была

эта цель. Когда все личное будет преодолено и умрет, когда смолкнут в сердце все желания и страсти, тогда должно будет проснуться основное, сокровеннейшее в человеческом существе, – то, что уже есть «Я» – великая тайна.

Молча выстаивал Сиддхарта под отвесно падающими солнечными лучами, обжигаемый болью, сгорая от жажды, и стоял до тех пор, пока не переставал чувствовать и боль, и жажду. Молча стоял он в дождливое время года; с волос его струилась вода на озябшие плечи, на мерзнувшие бедра и ноги – стоял до тех пор, пока и плечи, и ноги не переставали осязывать холод, пока они не утрачивали всякую чувствительность. Молча садился он среди усеянных шипами растений; из обожженной кожи капала кровь, из нарывов выступал гной, но Сиддхарта продолжал сидеть, как пригвожденный, не двигаясь с места, и сидел до тех пор, пока кровь не переставала течь, пока он не чувствовал более ни уколов, ни жжения.

Сиддхарта сидел прямо, как столб, и приучался сберечь дыхание, довольствоваться как можно меньшим количеством воздуха, приучался и совсем задерживать дыхание; вместе с дыханием, он приучался замедлять и биение сердца, уменьшать число его ударов, пока сердце почти совсем не переставало биться.

Под руководством старейшего из аскетов, Сиддхарта упражнялся в самоотрешении самопогружении, по новым правилам саман. Вот белая цапля пролетела над бамбуковым лесом. И Сиддхарта тот час же воспринимал цаплю в свою душу, летал над лесами и горами, сам становился цаплей, пожирая рыб, голодал вместе с цаплей, кричал голосом цапли, умирал смертью цапли. Мертвый шакал лежал на песчаном берегу, и душа Сиддхарты входила в труп, становилась мертвым шакалом, лежала на берегу, вздувалась, смердела, растерзывалась гиенами и коршунами, превращалась в скелет, становилась прахом и развеивалась по полю. Но испытал смерть, разрушение и распыление, изведав мутное опьянение круговорота, душа Сиддхарты возвращалась назад, снова томимая жаждою и, как охотник, вновь высматривала лазейку, через которую можно было вырваться из круговорота вещей туда, где наступал конец закону причинности, где начиналась чуждая страданию вечность. Он умерщвлял свои чувства, умерщвлял свою память; он ускользал из своего «Я» в тысячу чужих оболочек, становился животными, падалью, камнем, деревом, водой, но всякий раз, пробуждаясь, – при свете ли солнца или сиянии месяца – снова находил себя, снова становился «Я», носился в круговороте, чувствовал жажду, подавлял ее, и вновь томился жаждой.

Многому научился Сиддхарта у саман, много путей узнал он, чтобы уйти от «Я». Он научился отрешаться от своего «Я» путем страдания, добровольным претерпением боли, голода, жажды, усталости. Он достигал самоотрешения и путем размышления, удалением из своего ума всяких представлений. Этими и другими путями он научился достигать желаемого – тысячи раз он покидал свое «Я», часами и днями пребывал в «Не-Я». Но хотя этими путями он уходил далеко от «Я», конец каждого пути неизменно подводил его обратно к «Я». Хотя бы Сиддхарта тысячу раз ускользал от «Я», пребывал «Ничто», пребывал в животном, или камне, – неминуемым было возвращение, неизбежно наступал час, когда он снова находил самого себя, – при свете ли солнца, в сиянии ли месяца, в тени или под дождем – снова становился Я и Сиддхартой и снова испытывал муки вынужденного кружения в круговороте.

Рядом с ним подвизался и Говинда, его тень; он шел теми же путями, подвергал себя тем же истязаниям. Редко говорили они между собою о чем-нибудь ином, помимо того, что требовалось служением и упражнениями. Иногда они вдвоем отправлялись по деревням, чтобы выпрашивать пищу для себя и своих наставников.

– Как ты полагаешь, Говинда, – спросил однажды Сиддхарта, когда они шли побираться, – как ты полагаешь, подвинулись мы вперед? Достигли мы какой-нибудь из наших целей?

На что Говинда ответил:

– Мы учились и продолжаем свое учение. Ты, Сиддхарта, станешь великим саманой. Ты быстро усвоил все упражнения – старые саманы часто восторгались тобой. Ты со временем станешь святым, о, Сиддхарта!

Но Сиддхарта заметил на это:

– Я смотрю на дело иначе, друг мой. Всему, чему я доньше научился у саман, я мог бы научиться скорее и более простым путем. В любой харчевне квартала, населенного публичными женщинами, среди извозчиков и игроков в кости, я мог бы, о друг мой Говинда, научиться тому же.

И сказал Говинда:

– Ты шутишь, Сиддхарта. Каким образом ты мог бы у таких жалких созданий научиться самопогружению, задерживанию дыхания, нечувствительности к голоду и боли?

И Сиддхарта тихо, словно говоря с самим собой, ответил:

– Что есть погружение? Что означает оставление своего тела? Какой смысл имеет пост или задерживание дыхания? Все это – бегство от «Я», все это лишь кратковременное бегство от мук своего бытия, кратковременное самоусыпление, дабы не чувствовать страдания и бессмысленности жизни. Но то же временное освобождение, ту же кратковременную бесчувственность погонщик волов находит на постоялом дворе, когда выпьет несколько чашек рисового вина или перебродившего кокосового молока. Тогда он перестает чувствовать свое Я, перестает чувствовать страдание жизни; на короткое время ему удается одурманить себя. В своей чаше с рисовым вином, над которой он задремал, он находит то же самое, что находят Сидхарта и Говинда, когда путем продолжительных упражнений выходят из своей телесной оболочки – пребывают в Не-Я. Вот как обстоит дело, о, Говинда!

И сказал Говинда:

– Ты говоришь так, друг, хотя и ты знаешь, что Сиддхарта не погонщик волов, а самана не пьяница. Правда, тому, кто пьет, удается одурманить себя, он находит временное освобождение и покой, но ведь его самообман проходит, и он убеждает себя, что все осталось по-старому; он не стал мудрее, не приобрел познаний, не поднялся на высшую ступень.

Но Сиддхарта заметил на это с улыбкой:

– Не знаю, я никогда не напивался, но что я, Сиддхарта, в своих упражнениях и самопогружениях нахожу лишь временное усыпление и так же далек еще от мудрости, от искупления, как ребенок в чреве матери, это-то я знаю, о, Говинда, это-то я хорошо знаю...

И в другой раз, когда оба они вышли из лесу, чтоб попросить в деревне для своих братьев и учителей немного пищи, Сиддхарта снова заговорил о том же:

– Ну, что же, Говинда, как по твоему – мы на верном пути? Ближе ли мы стали к познанию и искуплению? Не вертимся ли мы, в сущности, в круге – мы, рассчитывавшие вырваться из круговорота?

И ответил Говинда:

– Многое мы узнали, Сиддхарта, и многое еще остается нам узнать. Нет, мы не вертимся в круге, мы поднимаемся вверх. Наш круг – это спираль, на несколько ступеней мы уже поднялись выше.

И сказал Сиддхарта:

– Сколько по твоему лет старейшему самане, нашему достопочтенному учителю?

Ответил Говинда:

– Лет шестьдесят, верно, будет нашему старшому.

А Сиддхарта на это:

– Шестьдесят лет прожил он на свете, а Нирваны не достиг. Он проживет и семьдесят, и восемьдесят. И мы с тобой проживем столько же, будем подвизаться, будем поститься и размышлять, а Нирваны все-таки не достигнем, – ни он, ни мы. О,

Говинда, сдается мне, из всех саман, существующих в мире, быть может, ни один не достигнет Нирваны. Мы тешим себя надеждами, мы приобретаем знания и умения, которыми сами себя дурачим. Но того, что одно только и является существенным, – настоящего пути мы не находим.

– Не говори таких страшных слов, о, Сиддхарта! – сказал Говинда. – Возможно ли, чтобы среди стольких ученых мужей, среди браманов и стольких ищущих и подвигающихся святых мужей, ни один не нашел настоящего пути?

Сиддхарта же голосом, в котором звучало столько же печали, сколько насмешки – тихим, немного печальным, немного насмешливым голосом ответил:

– Скоро, о, Говинда, друг твой оставит стезю саман, по которой так долго шел вместе с тобой. Я томлюсь жаждой, о, Говинда, а на том долгом пути, пройденном вместе с саманами, я ни капли не утолил этой жажды. Все время я жаждал познания, все время меня осаждали вопросы. Год за годом расспрашивал я браманов, вопрошал священные Веды, обращался к благочестивым саманам – год за годом... Быть может, о, Говинда было бы столь же умно и целесообразно обращаться с такими вопросами к птице-носорогу или к шимпанзе. Сколько времени я потратил и все еще трачу на учение, а пришел лишь к тому выводу, что ничему нельзя научиться. Мне кажется, на самом деле нет ничего такого, что мы называем «учением», есть только, о, друг мой, знание, и оно везде, оно – Атман, оно во мне и в тебе, и в каждом существе. И у меня является мысль, что этому знанию ничто так не враждебно, как желание знать, как учение...

Но тут Говинда остановился среди дороги, воздел руки к небу и проговорил:

– Не пугай, о, Сиддхарта, своего друга такими речами! Воистину, твои слова пробуждают тревогу в моем сердце. Подумай только: к чему же тогда все благочестивые молитвы, к чему высокопочтенное сословие браманов, что толку в святости саман, если, как ты говоришь, ничему нельзя научиться? Что же, Сиддхарта, станется со всем, что на земле почитается священным, ценным, достойным уважения?

И Говинда тихо, про себя, проговорил стих из Упанишад:

*«Кто мыслями, с чистой душой, погрузиться в Атман,
Словами не выразить сердца его блаженство».*

Сиддхарта же молчал. Он обдумывал слова, сказанные ему Говиндой, и старался продумать их до конца.

– Да, – размышлял он, стоя с опущенной головой, – что же в таком случае остается от всего, что кажется нам священным? Что вообще остается? Что сохраняет свое значение?

И он покачал головой.

Однажды, когда оба юноши пробыли уже около трех лет у саман, разделяя с ними их подвижническую жизнь, до них какими-то путями дошла не то подлинная весть, не то слух, молва: будто явился некто, прозванный Готамой, возвышенным, Буддой, и будто, этот некто преодолел в себе страдания мира, и остановил колесо возрождений. Окруженный учениками, он странствует по земле, возвещая свое учение. Ниший, не имеющий ни дома, ни жены, в желтом одеянии аскета, но с ясным челом, блаженный. И браманы, и князья склоняются перед ним и становятся его учениками.

Эта молва, этот слух, эта сказка то и дело возникали вновь, звучали то здесь, то там. В городах об этом говорили браманы, в лесу саманы. Снова и снова имя Готамы-Будды доходило до юношей, поминаемое то добром, то злом, сопровождаемое то славословиями, то хулой.

Подобно тому, как в стране, опустошаемой чумой, когда возникнет слух, что там-то и там-то находится человек, мудрец, ученый, который одним только словом или дуновением уст своих в состоянии излечить всякого, заболевшего чумой – слух

этот быстро разносится повсюду, все говорят о нем: одни с верой, другие с сомнением, третьи тотчас же пускаются в путь, чтобы разыскать этого мудреца, этого спасителя. Точно так же пронеслась по стране эта благоуханная молва о Готаме-Будде, мудреце из рода Сакия. Этот Будда, по словам верующих, обладал высшим знанием, он сохранил память о своих прежних существованиях, он достиг Нирваны и никогда больше не должен будет вернуться в круговорот, никогда не погрузится вновь в мутный поток перевоплощений. Много чудного и невероятного рассказывалось о нем – будто он творит чудеса, будто он поборол дьявола и беседует с богами. Враги же и неверующие говорили, что этот Готама – тщеславный совратитель, что он проводит свои дни в излишествах, презирает жертвоприношения, что он не обладает никакой ученостью, не признает подвижничества и истязания плоти.

Дивно звучала молва о Будде, какими-то чарами веяло от рассказов о нем. Ведь мир в самом деле страдал недугом. Тяжелым бременем была жизнь, а тут, в этой молве, словно забил целебный родник, зазвучала благая весть, полная утешений и высоких обетований. Везде, куда только проникал слух о Будде, во всех странах Индии юноши приходили в возбуждение, сердца их наполнялись томлением и надеждой. В городах и селах сыновья браманов радушно принимали всякого странника и пришельца, если он приносил какую-нибудь весть о нем, о Возвышенном, о Сакия-Муни.

И к саманам в лесу, к Сиддхарте и Говинде, проникла эта весть, – проникала медленно, по капле, но каждая капля была чревата надеждой, каждая капля была чревата сомнением. Между собой оба друга мало говорили об этом, так как старейший из саман относился неприязненно к этой молве. Он слышал, что этот якобы Будда раньше был аскетом и жил в лесу, но потом вернулся к мирской жизни и наслаждениям, и это внушило ему дурное мнение о Готаме.

– О, Сиддхарта, – сказал однажды Говинда своему другу, – я сегодня был в деревне и один браман предложил мне войти к нему в дом. Там оказался сын брамана из Магадхи, который видел Будду собственными глазами и слышал его проповедь. Поистине, у меня дыхание сперлось в груди, и я подумал: «О, если бы я, если бы мы оба, Сиддхарта и я, сподобились услышать учение из уст Того Совершенного!». Скажи, друг мой, не пойти ли и нам туда, чтобы слушать проповедь самого Будды?

И ответил Сиддхарта:

– Я всегда, о, Говинда, полагал, что ты останешься у саман, всегда думалось мне, что ты мечтаешь лишь о том, чтобы прожить свои шестьдесят или семьдесят лет, все более совершенствуясь в тех знаниях и подвигах, которые украшают саману. И что же? Оказывается, что я слишком мало знал Говинду, мало проникал в сердце, оказывается, что ты, дорогой, хочешь вступить на новую стезю и идти туда, где Будда возвещает свое учение.

И сказал Говинда:

– Тебе угодно насмеяться надо мной – что-ж, смейся, Сиддхарта! Но разве и в тебе не проснулось желание услышать это учение?.. И не ты ли когда-то говорил мне, что уже не долго будешь ходить по стезе саман?

Тогда Сиддхарта засмеялся своим особенным, ему одному свойственным смехом, и голосом, в котором звучала и легкая печаль, и легкая насмешка, сказал:

– Ты прав, Говинда. Верно то, что ты говоришь, и верно ты запомнил мои слова. Но припомни и другое, сказанное мною тогда же, а именно: что я утратил веру во всякие учения и проповеди, что у меня мало доверия к словам, которые мы слышим от учителей. Но все-таки, милый, я готов услышать проповедь Будды, хотя сердце говорит мне, что лучший плод его учения мы уже вкусили.

Говинда же сказал:

– Твоя готовность радует мое сердце. Но скажи, как понять твои слова? Каким образом мы могли вкусить лучший плод от учения Готамы еще раньше, чем услышали учение?

И сказал Сиддхарта:

– Будем наслаждаться этим плодом и ждать дальнейшего, о Говинда! Плод же которым мы и теперь уже обязаны учению Готамы, заключается в том, что оно побуждает нас покинуть саман... Даст ли оно нам еще иное и лучшее, о друг мой, покажет будущее – будем ждать этого со спокойным сердцем.

В тот же день Сиддхарта сообщил старшему из саман, что они порешили уйти от них. Он высказал это решение с скромностью, какая подобает младшему и ученику по отношению к старшему, но самана рассердился, что оба юноши хотят оставить его, возвысил голос и осыпал их грубыми бранными словами.

Говинда испугался и пришел в замешательство. Сиддхарта же подошел к нему близко и шепнул на ухо:

– Сейчас я покажу старику, что кое-чему научился у него.

И, подойдя вплотную к самане, с сосредоточенной душой, он взглянул ему прямо в глаза, приковал к себе его взгляд, заставил его замолкнуть, подчинил его волю своей и мысленно приказал ему сделать то, чего он желал от него. И старик замолк, взгляд его стал неподвижен, воля была парализована, руки повисли бессильно – он всецело подпал очарованию Сиддхарты. Мысль же последнего овладела аскетом, и тот должен был совершить то, что она внушала ему. И вот старик стал отвешивать поклоны, делать благословляющие жесты и бормотать напутственные пожелания. Юноши же ответили поклоном на поклоны, поблагодарили за добрые пожелания и ушли прочь.

По дороге Говинда заметил:

– О, Сиддхарта, ты вынес от саман гораздо больше, чем я ожидал. Трудно, очень трудно зачаровать старого саману. Поистине, если бы ты остался у них, то скоро научился бы ходить по воде.

– У меня нет никакого желания ходить по воде, – сказал Сиддхарта. – Пусть старые саманы тешат себя подобными штуками!

ГОТАМА

В городе Саватхи каждый ребенок знал имя Возвышенного Будды; в каждом доме с готовностью наполняли чашу для сбора подаяний, безмолвно протягиваемую учениками Готамы. Ближе от города находилось любимое местопребывание Готамы, роща Джетавана, которую богатый купец Анатхапиндика, ревностный почитатель Возвышенного, подарил ему и его ученикам.

В эти места и направляли все рассказы и ответы, которые оба молодых аскета получали на свои расспросы о местопребывании Готамы. И когда они прибыли в Саватхи, то в первом же доме, перед которым они остановились, прося подаяния, им предложили пищу. Они приняли угощение, и Сиддхарта спросил женщину, подававшую им кушанье:

– Велико наше желание, о, милосердная, узнать, где пребывает Будда Достопочтеннейший. Мы оба саманы и пришли из лесу, чтобы увидеть его, Совершенного, и услышать учение из его собственных уст.

И женщина ответила:

– Поистине, в надлежащее место попали вы, саманы из лесу. Знайте, в Джетаване, в саду Анатхапиндики, пребывает Возвышенный. Там вы, странники, можете и ночь провести – там достаточно места для всех тех бесчисленных, что стекаются сюда, чтобы внимать поучениям Возвышенного.

Тогда обрадовался Говинда и радостно воскликнул:

– Итак, наша цель достигнута, и путь наш кончен! Но скажи нам, о мать, странствующих, знаешь ли ты его, Будду, случилось ли тебе видеть его собственными глазами?

– Много раз видела я Возвышенного, – ответила женщина. – В иные дни вижу, как он проходит по улицам, безмолвно, в желтом плаще, как он молча протягивает у дверей домов свою чашу подаяний, как он уносит наполненную чашу.

С восторгом прислушивался к ее словам Говинда. Он готов был еще долго расспрашивать и слушать ее, но Сиддхарта заторопил его продолжать путь. Они поблагодарили и пошли дальше, не имея даже надобности расспрашивать о дороге, так как немало странников и монахов из общины Готама направлялись туда же, в Джетавану. И хотя они прибыли туда ночью, но в роше царило большое оживление: то и дело прибывали новые люди, слышались возгласы, разговоры и расспросы о пристанище. Оба саманы, привыкшие к жизни в лесу, скоро и бесшумно отыскали себе местечко для ночлега и проспали там до самого утра.

Когда взошло солнце, они с изумлением увидели, какая огромная толпа верующих и любопытных провела тут ночь. По всем дорожкам чудной роши расхаживали монахи в желтом одеянии; другие сидели под деревьями, погруженные в созерцание или занятые духовной беседой. Похожим на город был этот тенистый парк, в котором люди кишели, как пчелы в улье. Большинство монахов направилось в город с чашами для подаяний, чтоб собрать припасов для полуденной трапезы, единственной в течении дня. Сам Будда, Просвещенный, отправлялся по утрам за сбором подаяний.

Сиддхарта увидел его и тот час, точно по наитию свыше узнал. Он увидел тихо идущего скромного человека, в желтой рясе, с чашей для подаяний в руках.

– Взгляни туда, – тихо сказал Сиддхарта Говинде, – вон идет Будда!

Говинда внимательно взглянул на монаха в желтой рясе, с виду будто ничем не отличавшегося от сотен других монахов.. И скоро так же сказал себе:

– Это он!

И оба пошли вслед за Буддой, не спуская с него глаз.

Будда шел своей дорогой со скромным видом, погруженный в думы. Его спокойное лицо не было ни радостно, ни грустно, оно как будто освещалось улыбкой изнутри. Со скрытой улыбкой, тихо, спокойно, напоминая здоровое дитя, шел вперед Будда, нося свое одеяние и ставя ногу так же, как и все его монахи, по точно предписанным правилам. Но лицо его и походка, его тихо опущенный взор, его тихо свисающая рука и даже каждый палец на этой тихо опущенной руке дышали миром, дышали совершенством. В них не чувствовалось никаких исканий, никакой раздражительности, от них веяло кроткой, неувядаемой безмятежностью, неугасаемым светом, ненарушимым миром.

Так шел Готама, направляясь в город за подаянием, и оба саманы узнали его по одному только этому безграничному спокойствию, по безмятежности всей его внешности, в которой не было заметно никаких исканий и желаний, ничего деланного и принужденного, в которой все было – свет и мир.

– Сегодня мы услышим учение из собственных его уст! – сказал Говинда.

Сиддхарта оставил это замечание без ответа. Он не особенно интересовался самим учением. Он не ожидал услышать что-нибудь новое – ведь ему, так же как и Говинде, уже не раз приходилось слышать о содержании проповеди Будды, хотя и в передаче из вторых и третьих рук. Но он внимательно глядел на голову Готама, на его плечи, ноги, на тихо опущенную руку, и ему казалось, что каждый сустав на каждом пальце этой руки учил, говорил, дышал, благоухал, сияя правдой. Этот человек, этот Будда, был правдив до кончиков ногтей. Этот человек был святой. Никогда Сиддхарта не испытывал по отношению к другому человеку такого благоговения; ни один человек не внушал ему такой любви.

Оба юноши следовали за Буддой до самого города и молча вернулись назад, так как намерены были в этот день воздержаться от пищи. Они дождались возвращения Готама, видели, как он вкушал трапезу в кругу своих учеников – даже птичка не насытилась бы тем, что он съел – видели, как он удалился под сень манговых деревьев.

А вечером, когда жара спала, и лагерь оживился, все собрались вокруг Будды. Тогда и они слышали его проповедь. Они прислушивались к его голосу.

И даже самый голос его был совершенен, звучал совершенным спокойствием, был полон мира. Готама излагал учение о страдании, о происхождении страдания. Спокойно и ясно текла его тихая речь. Страданием была жизнь, полон страданий был мир, но избавление от страдания найдено: спасется от него тот, кто пойдет путем Будды. Кротким, но твердым голосом говорил Возвышенный, излагая свои четыре главных истины, излагая восьмеричный путь к искуплению. Терпеливо шел он обычным путем поучений – путем примеров и повторений. Ясно и тихо парил его голос над слушателями, – как свет, как звездное небо.

Когда Будда, с наступлением ночи, закончил свою проповедь, некоторые из прибывших странников выступили вперед и высказали свое желание вступить в общину и стать его учениками. И Готама принял их, говоря:

– Вы слышали учение, слышали, чего оно требует. Придите же к нам и живите в святости, дабы положить конец всякому страданию.

И тут – о, диво – выступил Говинда, всегда такой робкий, и со словами: «И я прибегаю к Возвышенному и его учению»⁵, – попросил принять его в среду учеников, и был принят.

Вслед за тем, как Будда удалился для ночного отдыха, Говинда горячо обратился к Сиддхарте:

– Сиддхарта, не подобает мне делать тебе упреки. Оба мы слышали Возвышенного, слышали его учение. Говинда внял ему и стал его учеником. Ты же, столь почитаемый мною, неужели не хочешь идти по стезе спасения? Неужели ты еще колеблешься, хочешь обождать?

Сиддхарта словно пробудился от сна, услышав слова Говинды. Долго глядел он в лицо друга. Потом тихо, без малейшей насмешки в голосе, произнес:

– Говинда, друг мой, наконец-то ты сделал решительный шаг, наконец-то сам избрал свой путь. Всегда, о, Говинда, ты был лишь моим другом, всегда шел только следом за мной. Часто думалось мне: неужели Говинда никогда не сделает шага самостоятельно, без меня, по собственному почину? И вот ты возмужал, наконец, и сам избираешь свой путь. Да пройдешь ты его до конца, о мой друг! Да обретешь ты на нем спасение!

Но Говинда, не совсем поняв его слова, повторил свой вопрос тоном нетерпения:

– Отвечай же, прошу тебя, мой милый. Скажи мне, хотя иначе и быть не может, что и ты, мой ученый друг, избереешь своим прибежищем Возвышенного Будду.

Тогда Сиддхарта положил свою руку на плечо Говинды:

– Ты не расслышал моего напутственного пожелания, о, Говинда. Я повторю его. Да удастся тебе пройти этот путь до конца! Да обретешь ты на нем спасение!

Тут только понял Говинда, что друг покинул его, и залился слезами.

– Сиддхарта! – жалобно воскликнул он.

Сиддхарта же ласково сказал ему:

– Не забывай, Говинда, что ты отныне принадлежишь к саманам Будды. Ты отрекся от родины и родных, от своего сословия и собственности, отрекся от собственной воли, отрекся от дружбы. Так требует устав, так требует Возвышенный. Ты сам захотел этого! Завтра, о, Говинда, я расстанусь с тобой.

Долго еще оба друга ходили по роше, долго лежали они, не находя сна. И снова и снова Говинда умолял друга сказать ему, почему он не хочет обратиться к учению Готамы, какой недостаток он находит в этом учении. Сиддхарта же на все просьбы отвечал словами:

⁵ «Я прибегаю к прибежищу Будды, учения и общины» – сакраментальная фраза, которую должен был произносить каждый при вступлении в число монахов, учеников Будды.

– Успокойся, Говинда, учение Возвышенного превосходно, как могу я находить в нем недостатки?

Рано утром один из старейших монахов, последователей Будды, обходил парк, сзывая всех новопоступивших учеников, чтобы облачить их в желтые рясы и наставить о первых правилах и обязанностях их нового звания. Тогда Говинда сделал над собою усилие, еще раз обнял своего друга молодости и присоединился к шествию послушников.

Сиддхарта в глубокой задумчивости стал прохаживаться по роше. Тут навстречу ему попался Готама, и после почтительного приветствия, ободренный взглядом Будды, полным доброты и кротости, юноша попросил у Возвышенного позволения говорить с ним. Безмолвным наклоном головы тот выразил согласие.

Тогда Сиддхарта сказал:

– Вчера, о, Возвышенный, я имел счастье слушать твое дивное учение. Вместе с моим другом я прибыл издалека, чтобы услышать его. И вот мой друг остается с твоими учениками, он принял твое учение. Я же снова отправляюсь в странствие.

– Как тебе угодно, – учтиво заметил Возвышенный.

– Слишком смела моя речь, – продолжал Сиддхарта – но мне не хотелось бы уходить от Возвышенного, не высказав перед ним с полной искренностью своих мыслей. Сблаговолит ли Достопочтенный уделить мне еще минуту внимания?

Будда молча кивнул головой в знак согласия.

– Одно, о, Возвышенный, – продолжал Сиддхарта, – в особенности восхищает меня в твоём учении.

Это его совершенная ясность и убедительность. Цельной, нигде и никогда не прерываемой цепью рисуешь ты мир, вечной цепью, сплетенной из причин и последствий. Никогда и никем эта мысль не была так ясно осознана, так бесспорно доказана. Поистине, сильнее должно забиться в груди сердце каждого брамана, когда он, при свете твоего учения, увидит, что все в мире неразрывно связано между собой, что в нем нет пробелов, все ясно, как хрусталь, и ничто не зависит от случая, но зависит от произвола богов. Хорош ли этот мир или нет, есть ли жизнь в нем страдание или благо – это остается вопросом. Быть может, оно и не существенно. Но единство мира, взаимная связь всех явлений, одинаковая подчиненность всего, как великого, так и малого, одному и тому же закону причинности, возникновения и смерти – все это ярко выступает в твоём возвышенном учении, о, Совершенный. Но это единство и естественная преемственность всех вещей, судя по твоему же учению, все же прерывается в одном месте. Через один маленький пробел в этот мир единства вторгается нечто чуждое и новое, чего раньше не было и чего нельзя не показать наглядно, ни доказать словами – это именно твое учение о преодолении мира, об искуплении. Однако, благодаря этому маленькому пробелу, этому маленькому прорыву, этот вечный, проникнутый единством мировой закон разбивается и теряет силу. Прости, что я высказываю это возражение.

Тихо, бесстрастно выслушал его Готама. Своим кротким, благожелательным и ясным голосом ответил ему Совершенный:

– Ты слушал учение, о, сын брамана, и благо тебе, что ты так глубоко вникал в него. Ты нашел в нем пробел, ошибку. Продолжай и дальше вдумываться в него. Но избегай, любознательный, дебрей мнений и споров из-за слов. Не в мнениях дело, каковы бы они ни были – прекрасны или безобразны, умны или нелепы, каждый волен соглашаться с ними или отвергать их. Но учение, которое ты слышал от меня, не мнение, и не в том его цель, чтобы объяснить мир для людей любознательных. Его цель иная – искупление и избавление от страданий. Вот чему учит Готама – и ничему иному.

– Да не прогневается на меня Возвышенный, – сказал юноша. – Не затем, чтобы спорить, препираться из-за слов, я позволил себе так говорить с тобой. Воистину, ты

прав, не во мнениях дело. Но позволь мне заметить еще одно: ни на одно мгновение я не усомнился в тебе. Ни на одно мгновение не возникало во мне сомнение в том, что ты Будда, что ты достиг той высшей цели, к какой стремятся столько тысяч браманов и сыновей браманов. Ты нашел спасение от смерти. Ты достиг этого собственными исканиями, собственным, тобой самим пройденным путем – размышлением, самоуглублением, познанием, просветлением. Но не принятием какого-нибудь чужого учения. И моя мысль, о, Возвышенный, такова – никому не достичь спасения, благодаря какому бы то ни было учению. Никому, о Достопочтенный, не сумеешь ты передать и высказать словами и поучениями, что испытал ты в час просветления. Многие содержат в себе учение просветленного Будды, многих оно научит жить по правде, избегать зла. Но одного нет в этом столь ясном, столь высоком учении – в нем не раскрыта тайна того, что Возвышенный пережил сам, он один среди сотен тысяч. Вот, что думалось и выяснилось мне, когда я слушал тебя. И вот причина, почему я снова пускаюсь в странствие. Не затем, чтобы искать другого, лучшего учения – такого, я знаю, нет, – а затем, чтобы порвать со всеми вообще учениями и учителями, и одному либо достигнуть своей цели, либо погибнуть. Но часто буду я вспоминать, о Возвышенный, тот день и час, когда мои очи зрели святого.

Глаза Будды смотрели в землю; тихим, совершеннейшим бесстрашием сияло его непроницаемое лицо.

– Пусть твои мысли, – медленно проговорил он, – не окажутся заблуждениями. Желаю тебе достигнуть своей цели. Но скажи мне: видел ли ты толпу моих саман, моих многочисленных братьев, прибегнувших к учению? И думаешь ли ты, чужой самана, что для них всех было бы лучше отказаться от этого учения и вернуться к мирской жизни с ее страстями?

– Далека от меня подобная мысль! – воскликнул Сиддхарта, – пусть они все остаются верными учению, пусть достигают своей цели! Не подобает мне судить других. Только для себя, для себя одного, я должен составить себе суждение, должен избрать одно, отказаться от другого. Мы, саманы, ищем избавления от Я. Если бы я стал одним из твоих учеников, о Возвышенный, то, боюсь, мое Я только с виду успокоилось бы, нашло бы только призрачное искупление, в действительности же продолжало бы жить и даже выросло бы еще более, ибо тогда самое учение и моя приверженность к нему, моя любовь к тебе и общность монахов стали бы моим Я.

С полуулыбкой, с непоколебимой ясностью и приветливостью во взоре, Готама взглянул юноше в глаза и попросался с ним едва заметным движением.

– Ты умен, мой друг, – сказал Возвышенный, – и умно умеешь говорить! Остерегайся, однако, чрезмерного умствования.

И дальше проследовал Будда, но взгляд его и полуулыбка навсегда запечатлелись в памяти Сиддхарты.

«Никогда, ни у одного человека я не видел такого взгляда, такой улыбки, – думал Сиддхарта, – никогда не видал я, чтобы кто-нибудь так сидел и ступал, как он. Желал бы и я быть в состоянии так глядеть и улыбаться, сидеть и ходить – так непринужденно и величаво, так сдержанно и открыто, так по-детски просто и таинственно. Поистине, так может смотреть, ступать только человек, проникший в сокровенную глубину своего Я. Ну, что ж – постараюсь и я достигнуть того же!»

«Одного только человека видел я, – продолжал свои размышления Сиддхарта, – одного единственного, перед которым я должен был опустить глаза. Ни перед кем больше я не стану опускать глаз! Ни одно учение уже не может соблазнить меня, раз я не поддаюсь учению этого человека.

Многое отнял от меня Будда, – думал Сиддхарта, – многого лишил он меня, но еще больше подарил мне. Он отнял у меня друга, человека, который верил в меня, а теперь верит в него, который был моей тенью, а теперь стал тенью Готамы. Но зато он подарил мне Сиддхарту, подарил меня самого...»

ПРОБУЖДЕНИЕ

Покидая рошу, где пребывал Будда и где остался его друг, Сиддхарта почувствовал, что в этой же роше он оставил за собой и всю свою прежнюю жизнь, что он навсегда расстался с нею. И это ощущение так захватило его, что он ни о чем более не мог думать. Медленно продолжая свой путь, он старался разобраться в самом себе. Словно человек, нырнувший в глубокую воду, он спустился на самое дно этого ощущения, к его причинам, ибо в выяснении причин, – полагал он, – и состоит цель мышления; только путем такого выяснения ощущение становится познанием и не улетучивается, а приобретает сущность и начинает излучать тот свет, который в нем заключен.

Медленно продолжая свой путь, Сиддхарта предавался размышлениям. Прежде всего он установил, что уже перестал быть юношей, что он возмужал.

Установил, что, подобно змее, сбрасывающей с себя старую кожу, освободился от того, что существовало в нем, что сопутствовало ему в течение всей его молодости – от желания иметь наставников и учиться у других. Последнего учителя, встреченного им на своем пути, даже его, величайшего и мудрейшего из учителей, святейшего Будду, он покинул: он должен был уйти от него, не мог принять его учения.

И, еще более замедляя свои шаги, погруженный в свои мысли, Сиддхарта спрашивал себя:

– Чему же, собственно, ты хотел научиться от учителей и из их учений, и чему именно, сколько тебя ни учили, они все-таки не сумели научить тебя?

И пришел к заключению:

– Познать Я, его смысл и сущность – вот, чего я добивался. Я хотел отрешиться от этого Я, побороть его. Но не мог. Я мог только обманывать его, убегать от него, прятаться от него. Поистине, ничто в мире не занимало в такой степени мои мысли, как это мое Я, как та загадка, что я живу, что я представляю отдельное, обособленное, от всех других существо, что я – Сиддхарта. И ни о чем другом в мире я не знаю так мало, как о себе – о Сиддхарте.

Погруженный в размышления, медленно продвигающийся вперед странник остановился, пораженный этой мыслью, и тотчас же из последней выскочила новая мысль, следующая: «То, что я ничего не знаю о самом себе, что Сиддхарта остался для меня таким чуждым и неизвестным, обусловлено одной только причиной: я боялся самого себя, я убежал от самого себя. Я искал Атмана, искал Брахму, я стремился разобрать свое Я по частям, очистить его от всех оболочек, чтобы отыскать в его неизведанной глубине ядро всех этих оболочек, – Атмана, жизнь, Божественное, первооснову. Но себя-то самого я при этом потерял...».

Сиддхарта поднял глаза и оглянулся кругом. Улыбка заиграла на его лице, и все его существо пронизало такое чувство, точно он пробудился от долгого сна. Он двинулся дальше, но теперь он шел бодрым скорым шагом, как человек, знающий, что ему нужно делать.

– О, – думал он, вздохнув с облегчением, – теперь я не дам больше Сиддхарте ускользнуть от меня. Не стану больше посвящать все свои мысли и жизнь Атману и страданию мира. Не стану больше умерщвлять и разрушать себя, чтобы найти за развалинами какую-то тайну. Ни Йога-Веда, ни Атхарва-Веда или какое-либо другое учение не будет больше руководить мною. К самому себе я поступлю в учение, у самого себя я буду изучать тайну, именуемую Сиддхартой.

Он стал оглядываться кругом, словно в первый раз увидел мир. Как прекрасен был этот мир, как разнообразен, как странен и загадочен был мир! Пестрели синие, желтые, зеленые краски, текли небо и река, поднимались лес и горы, – все было так прекрасно, загадочно и волшебным, а посреди всего этого великолепия – он, Сиддхарта, пробуждающийся, на пути к самому себе. И все это – желтое и голубое, лес и река – впервые лишь входило в Сиддхарту через глаза, – все это не было больше чарами Мара⁶ или покрывалом Майи⁷, не было больше бессмысленной и случайной множе-

⁶ Мара (от корня mar – умереть) – первоначально бог смерти, превратился ко времени Будды в образ искушителя, возбуждающего тщеславие и жажду наслаждений, враждебного познанию.

⁷ Майя – сила обмана, благодаря которой обманчивый призрак, созданного мира кажется чем-то существующим.

ственностью мира явлений, столь презренной в глазах глубоко мыслящего брамана, который пренебрегает множественностью и ищет единства. Синее было синим, река была рекой, и хотя и в голубом, и в реке, и в Сиддхарте пребывало в скрытом виде единое и божественное, но, ведь, в том именно и заключалось свойство и смысл божественного, чтобы здесь быть желтым или синим, там – небом или лесом, а тут Сиддхартой. Смысл и сущность были не где-то вне вещей, а в них самих, во всем.

– До чего я был глух и туп! – думал Сиддхарта, быстро идя вперед. – Если кто-нибудь, читая рукопись, хочет доискаться ее смысла, то не станет же он презирать знаки и буквы и называть их обманом, случайностью, ничего не стоящей оболочкой. Нет, он будет разбирать и изучать их с любовью, букву за буквой. Я же, желавший прочесть книгу моего собственного существа, я, ради какого-то заранее предположенного смысла, смотрел с пренебрежением на знаки и буквы; я называл мир явлений призрачным, называл свои глаза, свой язык – случайными, лишенными всякой ценности явлениями. Нет, теперь всему этому конец! Я проснулся. Я в самом деле проснулся. Я как будто сегодня только родился.

Но, дойдя до этого пункта в своих размышлениях, Сиддхарта внезапно остановился, словно увидал под ногами змею.

Ибо внезапно ему стало ясно еще одно: раз он действительно как бы проснулся или родился вновь, то должен начинать жизнь сызнова, начинать ее с самого начала. Когда в это самое утро он покидал рошу Джетавану, рошу Возвышенного, уже наполовину проснувшийся, уже по пути к самому себе, то у него было намерение – и оно казалось ему таким естественным, само собой понятным – вернуться на родину к своему отцу. Но теперь, в ту самую минуту, когда он остановился, словно увидал на дороге змею, в нем проснулось и сознание: «Да ведь я уже не тот, чем был. Я уже не аскет, не жрец, не браман. Что же я стану делать дома, у отца? Изучать священные книги? Приносить жертвы? Упражняться в самоуглублении? Да ведь с этим всем уже покончено, всего этого уже не будет на моем пути».

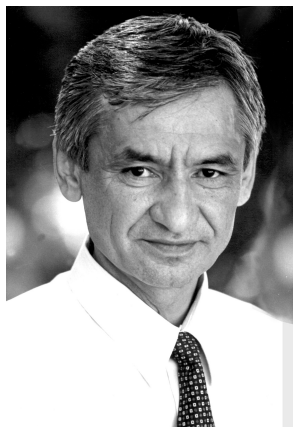
Словно окаменев, стоял Сиддхарта на одном месте. На миг сердце его остановилось; он почувствовал, как оно, словно маленькая птичка или зверек, похолодело и сжалось в груди, при мысли о том, до чего он одинок. В течение многих лет он жил без родины и не чувствовал этого. Теперь он почувствовал. Все это время, как бы он не отрезался от самого себя, он оставался сыном своего отца, оставался браманом, человеком высокого звания, ученым. Теперь же он был только Сиддхартой, правда, проснувшимся, но ничем больше. Он глубоко перевел дух и вздрогнул от холода. Никто не был так одинок, как он. Всякий человек благородного звания, всякий ремесленник принадлежал к своему сословию, находил у таких же, как он, благородных или ремесленников, убежище, делил их жизнь, говорил их языком. Не было такого брамана, который бы не причислял себя к браманам, не жил бы в их обществе, – не было такого аскета, который не нашел бы прибежища среди саман. Даже наиболее уединившийся от людей лесной отшельник не бывает совершенно одинок; и он имеет общение с подобными ему, и он принадлежит к известному классу, заменяющему ему родину. Говинда стал монахом, и тысячи монахов стали его братьями; они носили такое же, как он, платье; имели такую же, как он, веру; говорили таким же, как он, языком. Но он, Сиддхарта, кому он близок? Чью жизнь будет он разделять? С кем у него общий язык?

Из этого мгновения, когда окружающий мир как бы растаял и отошел от него, когда он стоял одинокий, как звезда на небе, – из этого мига душевного холода и упадка духа Сиддхарта вынырнул с резче выраженным, чем раньше, крепче сжавшимся Я. Это был последний – он чувствовал это – трепет пробуждения, последняя судорога рождения. Вслед за этим он снова двинулся в путь и зашагал быстро и нетерпеливо, но не домой, не к отцу, не к старой жизни...

(Продолжение следует)

Перевод Б. Прозоровской

ПОЭЗИЯ

Мухаммад ЮСУФ

*Если верой в Завтра
окрылен ты*

ЧЕЛОВЕК

Злая ночь проглатывает звезды.
Мрак такой, как будто бы навек.
Если в эту ночь не сдержишь слез ты,
Значит, ты и вправду человек.

Крик новорожденного ребенка,
Новой жизни дерзостный разбег.
Если верой в Завтра окрылен ты,
Значит, ты и вправду человек.

У любви – отравленные стрелы.
Утешенья жажду – слышу смех.
Если боль мою со мной разделишь,
Значит, ты и вправду человек.

На тропе истории не счислить
Грозных дат, свинцовых страшных вех.
В час тяжелый верил ты в Отчизну –
Значит, ты и вправду человек.

От рассвета до заката жизни
Труд верша не для себя – для всех,
Нужен дальним ты и нужен близким,
Значит, ты и вправду человек.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Ты с кувшином к воде тропу протори,
Ты на мяту зеленую посмотри,
Ты с большим арыком поговори,
Распроси весенней воды струю
Про любовь мою.

О тебе, с тобой – все мои мечты.
Веры нет? Спроси у любой звезды.
Словно их лучи, мои сны чисты.
Разгадай меня, пойми, позови
Ради моей любви.

Надо мной потешается весь кишлак.
У прелестных девушек смех в глазах.
Пожелаю им счастья и всяких благ.
Пусть они красивее... Но знаю я –
Ты любовь моя.

МАРУХСКИЙ ПЕРЕВАЛ*

Взвод
Вмерз в лед.
Пулю встретив грудью,
Боец погиб
Там, где белизна
Ледниковых глыб.
Через двадцать лет,
Через двадцать бездн
Здесь нашел его тело
Пастух-черкес.
Схоронил солдата
Седой Кавказ.
Был узбеком боец,
Был он черноглаз.
Его имя –
Саттар?
Садык?
Сатвалды?
Кто ответит?
Молчат вековые льды.
Кто узнает?
Пустынен простор небес.
Здесь нашел его тело
Пастух-черкес.
Чьим любимым сыном
Был тот боец?
Чьим он братом был?

* В 1962 году на Кавказе в ледниках Марухского перевала пастух-черкес Муродин Кучкаров обнаружил трупы солдат семнадцати национальностей, среди них было тело воина-узбека С.Мухиддинова.

Кто его отец?
Кто он –
Тот, кто в гордые горы врос?
Чтоб оплакать его,
Вам не хватит слез.
Слез не хватит у девушки,
Что была,
Как душа, верна,
Словно день, светла.
Он ушел в огонь,
Превратился в лед.
Сорок лет любимая
Слезы льет.

Здесь беззвучна скорбь.
Тишина окрест.
Здесь нашел его тело
Пастух-черкес,
Кто сиянье солнца
Забыл, незряч,
Потому что глаза ему
Выжег плач.
Пусть придет сюда,
Где камень и лед,
Пусть над братской могилой
Прозренья ждет.
Здесь жестокой памяти
Замкнут круг.
Здесь нашел тела их
Черкес-пастух...

Гордецы,
Не умеющие молчать,
Что с трибун вешают:
«Родина – Мать!»,
Кто Отчизне сын,
Знает лишь она.
Чьею кровью
Жизнь ваша спасена?
Там, где горы вонзаются
В грудь небес,
Встретил вашу совесть
Пастух-черкес.

Перевод Г. Резниковского

ПОЭЗИЯ

Вика ОСАДЧЕНКО

*Как хлеб испечь и вдруг
строку расслышать*

* * *

Чем семь раз небо набело мерить,
лучше сразу порви.
Ведь в конце-то концов, твоя вера –
просто дело любви.

Бабья дурь или вечная верность –
все равно, как всегда,
ты опять у зовущего ветра
спросишь «С кем?» и забудешь «Куда?»...

* * *

То холодом по спине,
то жарким толчком в груди
о тех, кто живет во мне
и ждет меня впереди;

и воздух забит битком –
их много еще в пути;
и сердце, как снежный ком,
растет, чтобы всех вместить.

* * *

Желание простого ремесла –
не этого тяжелого горенья,
не жара ненадежного творенья,
а чтобы вещь слагалась и росла,

чтоб это я несла ее в руках,
а не была простым придатком речи.
Все это было б и умней, и легче.
Я не сумею. Никогда. Никак.

* * *

Стесняешься имени, путаешь возраст.
От нас остается не пепел, а воздух –
заполненный ветром и листьями воздух,
которому имя иметь не пристало.

И катится день, как большая повозка,
и ты улыбнешься на небо устало.
Плутаешь, петляешь чужими местами.

Никем не открытый летающий остров
плывет над домами, плывет над мостами...

* * *

На белом свете, на свету –
Забиться в шель, постель, нутро.
Пока все листья не сметут,
пока судьбу не доpletут.
Пока здесь так светло.

Весну удержишь на весу, –
но столько дней в календаре,
и каждый позовет на суд
и все узнает по лицу,
и не спастись в норе.

Тебе готов и стол, и дом,
и нужно брать пример.
А ты тоскуешь о другом:
в горячем небе голубом
быть точкой без примет.

* * *

Юлии Ермоловой

Метет полы, перебирает маш;
кусает по привычке карандаш,
когда строка, как надо, не выходит;
соседке отвечает о погоде.
И видит то, что вижу я сама:
как наверху, цепляясь за дома,
небесный свод летит, не хочет падать.
И поднимает желтый лист на память.

А впереди стоит и ждет зима.

* * *

Все сочтены – молча движутся вдоль стены.
Вечный маршрут от прихожей до проходной.
Мало ли что стихи и цветные сны.
Мой Крысолов однажды придет за мной.

Это другие могут дышать легко,
это для них льется на мир рекой
белого солнца горячее молоко,
не становясь ни мукою, ни строкой.

Это они безмятежно вступают в ад,
не онемев от ужаса и тоски –
в танец зарплат и трат, в карусель утрат,
хрупкого тела яростные тиски.

Им, первородным, правила и права.
Нам – отторжение, как себя ни трави:
мы с Крысоловом носим внутри слова,
словно игла бродит всю жизнь в крови.

* * *

Взаимоисключающие вещи –
как, скажем, человечья жизнь и вечность,
в которой человеку места нет;
как хлеб испечь и вдруг строку расслышать,
да так и не понять, что будет выше.
И что, в конце концов, нужнее мне.

* * *

Будут верно служить до последнего часа,
охранять твою жизнь до последнего часа,
и за то, чтоб всему у тебя получаться,
отвечать перед строгим небесным начальством,
и ты будешь спокоен в руках их и счастлив,
до последнего часа беде непричастен, –
а потом в твою дверь постучатся.

И тогда твои светлые ангелы отлетят под блаженное пенье.
Уводим из любимого дома, ты споткнешься на первой ступени.
И обрушится ужас снаружи и воздух исчезнет.
Что с того, что ты жил так, как мог и старался быть честным?
Что с того, что вину признавать ты учился с рожденья?
Впереди только холод, решетки и стены, блаженное пенье,
и недвижно лежит, сберегая тебя и калеча,
тяжесть божьей ладони на хрупких плечах человечьих.

* * *

Сердобольные божи ангелы только зря напрягают зрение.
Человеческий род сегодняшний не намного милей вчерашнего.
Весь прогресс неизменно сводится к большей легкости убиения.
Остальное выходит неважно.

Отчего же такие радуги, небеса с проливными грозами,
Отчего светит солнце щедрое даже в наши паучьи сети?
Где-то рядом всегда присутствует, над любыми смеясь
вопросами,
беспричинное милосердие.

проза

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Синдром страха, или закон матрешки

Фантастический роман

21

Рита, как тигрица в клетке, шестой день металась по своей «пятизвездочной тюрьме». Ее голову посещали самые мрачные мысли.

Все, если завтра Олег не приедет, то это точно будет «все»! Он ведь обещал приехать через три, максимум, четыре дня, а уже прошла неделя! Господи, что делать-то! Может, его выследили и что-то с ним сотворили! Может, тоже под замком держат, испытывают что-нибудь, или подписывать заставляют! А может, а может... Нет! О таком «может» она даже думать не хотела!

И как же ей все выяснить? Как выбраться-то отсюда? Видеть она уже не может ни эти коттеджи, ни двор, ни бассейн, ни охранника со странным лицом! И ведь никто, никто не знает, что она в этих горах! Не приведи боже, если с Олегом что-то случилось, то ведь и некому дать указание, чтобы ее отпустили... и искать-то ее здесь никто не будет, потому что кроме Олега и его мерзкого телохранителя никто и не знает, где она!

– Так, жду еще день, максимум, два... да, жду максимум два дня, а потом... На крыльях что ли отсюда улетишь? А потом... охраннику по голове чем-нибудь дам – вот что «потом»! Выберу удобную минуту и... дам так, чтобы он вырубился! Правда, если этот бугай сразу не отключится, то он меня одной левой в порошок сотрет! А может, и не сотрет, ему ведь охранять ее велели?

Вечерело. Рита, занятая своими тяжелыми мыслями, бесцельно ходила по двору, а за ней бегал красавец кот, получивший кличку Барсик.

– Хорошо, хоть ты рядом со мной, – обратилась к нему Рита, – спасибо тебе, кошарик. Интересно, почему я тебя сначала не замечала? Ты где жил, где прятался? Может быть, в этом бунгало?

Она подошла к «зеркальной» копии своего коттеджа и потянула за ручку двери. К ее великому удивлению, та спокойно открылась. Ну, надо же! А она все эти дни думала, что дом на запоре, поскольку в нем никто не живет. Барсик тут же проскользнул внутрь и исчез.

– Барсик! Барсик! Кис, кис, кис... Где ты? Куда ты там запропастился? Иди сюда!

Рита вошла в коттедж и стала оглядывать комнаты и искать своего кота, без которого ей теперь было просто страшно.

Этот коттедж «заполнял» ровный шум. Ритка выглянула в окно, на котором, кстати, не было решетки, в отличие от окон в ее коттедже, и увидела, что дом стоит на обрывистом берегу, над самой рекой. Река была неширокой, но, по всей видимости, глубокой и бурной. Вот она и издавала этот ровный, мощный и как бы приглушенный шум. Да, отсюда тоже не сбежишь, эта река вмиг проглотит и не поперхнется! Она, конечно, умела плавать и неплохо, но не настолько, чтобы решиться плюхнуться в эти темные, вскипающие иногда белыми бурунами воды.

Она уже хотела отойти от окна и задвинуть тяжелую золотистую штору, как вдруг услышала звук открываемой входной двери.

«Это, наверное, охранник мотается с проверкой, а я в чужом коттедже», – подумала она.

Недолго думая, она быстро забралась на широкий подоконник, задвинула штору и замерла, оставив маленькую шелочку – подглядывать. Шаги приближались, тяжелые, неспешные, и у Ритки стало сильно колотиться сердце. А если охранник подумает, что в коттедже никого нет, и закроет его на ключ, и что потом делать – громко кричать, чтобы выпустил? А если это не охранник, тогда кто? За время своего проживания она никого не видела здесь, никого, кроме этого «охранника» и Олега.

Шаги замерли около двери «ее» комнаты. Невидимый «некто» остановился, замер, как бы размышляя – входить или не входить, и... вошел. Это был Олег! И вошел он как-то странно: так ходят или лунатики, или роботы. Хорошо, что Ритка, от изумления лишившаяся на несколько секунд дара речи, не соскочила с подоконника и не понеслась к нему, потому что в комнате вдруг раздался голос, который вовсе не принадлежал Олегу. От новой неожиданности она чуть не свалилась с подоконника, но чудом удержалась и замерла:

«Господи! А этот голос-то откуда? Кто это говорит-то? Ведь в комнате было совершенно пусто, когда я вошла!».

От страха Ритка не поняла, что сказал этот чужой голос и что ему Олег ответил. Ее кровь бежала по жилам так, что, казалось, она шумит подобно мощной реке за окном. Затаив дыхание, прислушалась.

– Ну, что ж, ты молодец, все выполняешь так, как надо, – прозвучал красивый мужской баритон, лишенный каких бы то ни было эмоций. – Ты хороший раб!

«Что это он такое говорит, – мысленно изумилась Ритка, – что это еще за «раб» такой? Боже мой! – догадалась она, – они все-таки схватили Олега и, наверное, сделали ему какой-то укол, потому что вид у него... вид (Ритка уже более внимательно оглядела Олега), ну, точно – как у робота или лунатика: лицо застывшее, глаза пустые, бездумные... Ужас! Точно! Ему что-то вкололи! Может на наркотик посадили, сволочи!».

– Сейчас ты пойдешь к своей самке Рите (к самке! – вновь изумилась и оскорбилась Рита), будешь любить ее и уговоришь спокойно пожить здесь еще дней пять-шесть, чтобы она не нервничала и не переживала. Затем мы с тобой отвезем ее в Москву. Ты ей об этом скажи, объясни ей, что там она будет в полной безопасности. Накажи ей особо, чтобы она берегла себя и своего ребенка! Чтобы берегла ребенка, которого ты безумно любишь! Ты понял меня?

– Да, господин, – безжизненным голосом произнес Олег.

От этого тусклого голоса и беспрекословного послушания Олега владельцу красивого баритона («господин», это ж надо!) Ритка просто впала в ступор. Чтобы ее милый кому-то позволил вот так с собой разговаривать, называть себя

рабом, отдавать приказы! Да это просто невысказано! Владея серьезными боевыми приемами и очень несговорчивым, в определенных ситуациях, характером (не случайно они с Умидом служили в спецвойсках), он бы этого хмыря, который разговаривает с ним таким барским тоном, давно бы уже по стенке размазал! Идиота из него сделали!

– Ну, вот видишь, какой он молодец, – обратился вдруг к кому-то баритон, и ему тут же ответил мелодичный женский голос (что опять-таки крайне изумило Ритку – еще и женщина! Да откуда они взялись то здесь, из тайника какого-то вылезли что ли?):

– Да, действительно молодец!

Послышались легкие шаги, и Рита в свою шелочку увидела около Олега... красотку из зеркала! Вот тут она чуть не закричала во весь голос! Как сдержалась? Боженька, наверно, пожалел и лишил голоса. В этот момент она поняла, откуда взялись эти двое – из зеркала, огромного зеркала, впаивающего в стену и обрамленного прекрасной резьбой по ганчу. Следующий удар она получила, когда увидела обладателя баритона, тоже подошедшего к Олегу: им оказался его телохранитель!

«Это с кем же я рядом в машине ехала целых два часа? Это кто же он такой? Не случайно его красивое лицо вызвало у меня недоверие. Телохранитель – вот он кто! Из зеркала появились оба, из зеркала! Мистика, бред, но это так! Уверена, что так! Они и Ксюху убили! Из зеркала пришли и убили, я это сразу почувствовала, а Кимуля мне не поверила! Да кто же они такие? Или я так дико сошла с ума и все, что сейчас вижу, – только мои ненормальные галлюцинации?»

– Джастин, – обратилась красотка к баритону, и Рита снова насторожилась, ловя каждое слово, – он должен прийти в норму, – кивнула она в сторону Олега, – перемещение для него было сильным потрясением, а эта Рита не должна видеть его таким бледным, с блуждающими глазами, иначе она ему не поверит и еще чего доброго выкинет какой-нибудь фокус.

– Ты права, Ло!

Темнело, и Рита уже плохо различала выражение лица Олега, которому приказали лечь на широченную кровать.

– Отдохни, поспи, – ласково и убаюкивающе звучал голос Ло. – Часа через два ты, свежий и бодрый, встанешь и отправишься в коттедж и выполнишь свое задание «Прямо зомбирует!» – подумала Ритка.

Олег замер на кровати.

– Ну, все, можно оставить его здесь, в течение двух часов он будет крепко спать, а мы с тобой пока весело поохотимся... – тихо засмеялся Джастин, – мне очень понравилась охота в горах!

– Да, милый, – проворковала в ответ Ло, – отдохнем немного, развеемся. Люди здесь доверчивы, как непуганые птицы в заповедном лесу, да и кровь их чище, чем кровь городских.

– Конечно! В ней бурлит здоровая энергия воздуха, солнца и гор! Чудесная кровь!

Ритка почувствовала, что сейчас просто грохнется в обморок. О чем это они говорят? Какая кровь? Они что, убивают людей и пьют кровь? Сатанинская секта какая-то, что ли? Да во что же это Олег влип, а заодно и ее втянул?

– Да, – снова прозвучал спокойный и немного задумчивый голос «телохранителя», – завтра его свадьба с Еленой (у Ритки аж уши встали, как у охотничьей собаки) и ответственный для нас момент по внедрению плода в нее. Затем перевоз второй самки (Рита поняла, что «вторая самка» – это она, Рита) в Подмоскovie и тоже ответственная операция по замене ее плода на наш (это еще что такое, что

еще за «замена» такая? – лихорадочно соображала Ритка), – ну, и надежда, что через пять месяцев (почему через пять-то?) на земле появятся новые – здоровые, красивые и полноценные аланты.

«Аланты? Это еще кто такие», – подумала Рита.

– Да, милый, да, у нас все должно получиться!

– А как ты себя чувствуешь, Ло? – с тревогой и нежностью в голосе проговорил Джастин.

– Прекрасно! – она погладила свой живот. – Он развивается, растет, и я счастлива!

– Молю Великих Богов алантов сохранить жизнь и тебе, и нашему ребенку!

– Я верю, что все будет хорошо! Верю!

– Об одном прошу тебя, не перемешайся сейчас по Зазеркалью без меня! «По зазеркалью! – ахнула про себя Рита, – я права, я права... они умеют что-то делать с зеркалами, сатанисты чертовы».

– Ну, – нежно засмеялась Ло, – ты уже чрезмерно опекаешь меня, милый, я давно научилась управлять Тропами, не стоит так волноваться!

– И все-таки, я прошу тебя...

– Джастин, – резко переменяла тему Ло, и ее тонкие ноздри вздрогнули и резко «задышали», как у породистой лошади, – Джастин, тебе не кажется, что в этой комнате стоит уж очень сильный запах человека? Может быть, здесь есть кто-то еще?

Ритка замерла. Наверное, это как-то выделяется страх, переполняющий ее, и эти страшные кровопийцы учуяли ее присутствие! Вот сейчас они на нее и поохотятся, и в горы им ходить не надо будет, вот он, обед, на подоконнике топчется! Она задержала дыхание, затаилась, как мышь в норе, только сердце сильно и больно колотилось в грудной клетке.

– Самцы людей пахнут сильнее, чем самки, – услышала она голос Джастина, – вот тебе и показалось, милая.

Обнявшись, они двинулись к двери, но тут Ритка нечаянно пошевелилась. Аланты мгновенно обернулись и стали внимательно и настороженно осматривать комнату. Джастин медленно пошел в сторону окна, Ритка поняла, что как только этот красивый монстр отдернет занавеску, она тут же умрет от разрыва сердца. Еще секунда и... и тут из-под занавески вышел кот.

Джастин и Ло с неодобрением уставились на него: коты были их заклятыми врагами. В отличие от людей, они могли перемешаться по некоторым измерениям, видеть и осязать любую спиритическую субстанцию, распознавать алантов и не бояться их. Вот и сейчас этот огромный кот, страшно сверкнув своими зелеными глазищами, ощерил клыкастую пасть, выгнул спину дугой и громко зашипел.

Джастин отступил назад. Глаза Ло, уставившейся на кота, полыхали холодным зеленым огнем, и Ритка уже не соображала – где она, что с ней, кого она видит в свою шелочку? Разве могут у человеческого существа вот так гореть глаза, как фары автомобиля?

– Мерзкий кот... – пробормотал Джастин, – ладно, Ло, пойдем отсюда... Ни Олегу, ни Ритке эта дрянь не причинит вреда: люди любят этих тварей и как-то уживаются с ними. Одно слово – животные! Пойдем, не волнуйся.

Наконец, отвратительная парочка скрылась за дверью. Рита еще выждала немного, боясь, что они вернуться, и решила соскочить с подоконника, но вдруг поняла, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой – от пережитого дикого ужаса ее, наверное, парализовало. Из глаз по щекам, по носу потекли горячие слезы страха, злости, бессилия и жалости к самой себе.

В этот момент Барсик вскочил на подоконник и начал тереться об ее ноги, ласково мурлыча и как бы уговаривая: «Не бойся, они ушли, не бойся, мур-р, мур-р, мур-р...». Ритка почувствовала, что может шевелиться (слава богу – может!) и, вздохнув с облегчением, с трудом спустилась на пол и тут же села, прислонившись спиной к стене. Кот забрался к ней на колени, потерся лобастой головой о Риткину щеку, лизнул своим шершавым языком ее подбородок.

Ритка «слышала», как постепенно успокаивается бешеный ритм сердца, восстанавливается нормальное кровообращение, а с ним вместе восстанавливается и способность соображать. Она подняла руку и ласково погладила Барсика по мягкой пушистой спине.

– Спасибо тебе, мой хороший, мой красивый, спасибо... ты спас меня... если бы не ты... то... то сейчас бы мной уже наверняка пообедали...

Рита не раз слышала об обществе сатанистов: смотрела об этом документальные и художественные фильмы, читала в газетах и журналах, но, во-первых, никогда не придавала этому особого значения, а во-вторых, почему-то искренне считала, что это все сказки. И вот – на тебе, оказалось, что они все-таки существуют. Бред какой-то! И она, Рита, попала к ним в лапы! Точнее, как-то попал Олег, а уже от него потянулась цепочка...

Тут Рита вспомнила про Олега, который тихо, не шевелясь, лежал на кровати. С трудом поднявшись, она кинулась к нему.

– Олег, Олег, проснись! – трясла она его за плечи, но он никак на это не реагировал.

«Что делать? Что делать? – лихорадочно соображала она, вглядываясь в его бледное лицо. – Так, надо потихоньку вернуться в свой коттедж. Часа через два Олег очнется и придет к ней, тогда они и решат, что делать. Убивать их сейчас эти монстры не собираются, собираются увезти отсюда... Значит, у них еще есть время. Сейчас главное как-то поговорить с Олегом, привести его в нормальное состояние, если... если только он умом не тронулся».

От этих мыслей Ритке стало страшно. Взяв Барсика на руки, она вышла из «зеркального» коттеджа, и, быстро перебежав огромный двор, скрылась за своей дверью, закрыв ее на замок. Сейчас она успокоится, придет в себя и подумает... хорошо обо всем подумает...

– Ну, ладно, Лен, я пойду, – Сабина поцеловала подругу в щеку, – а то вроде бы и не поздно еще, но уже почти темно. Сейчас быстро темнеет. Завтра у тебя ответственный день и ты должна отлично выглядеть, поэтому отдохни как следует, выпись!

– Да... честно говоря, волнуюсь немного. Что меня вдруг понесло, и я так скоропалительно решила снова выйти замуж! (При этих словах Сабина внимательно посмотрела на Елену, которая не первый раз в разговоре с ней искренне удивлялась своей поспешности).

– Ты знаешь, Лен, – Сабина ласково погладила ее по плечу, – ты просто устала от одиночества. Человек не должен жить один! Это неправильно! Люди, которые живут одни, по сути дела, несчастные люди! Они или брошены кем-то на произвол судьбы, или бросили сами, совершив, таким образом, большой грех, или вот как ты, оказались одинокими в силу трагических обстоятельств. Так что твое желание иметь рядом с собой живую душу – вполне понятно и закономерно, и даже твоя спешка, в общем-то, объяснима. Я тебе уже говорила, что и сама поначалу сильно удивилась такому твоему решению, но, подумав, поняла: это решение потому было «скорым», что тебе страшно одной, страшно... (при этих словах Елена

как-то затравленно посмотрела на свою подругу: откуда она может знать о ее Великом Страхе?). Не заметив ее взгляда, Сабина продолжала:

– Был бы ребенок, ты бы чувствовала себя иначе, а так... каждый день приходиться в пустой дом... Это ужас!

– Да, да, ты права, Сабина! Это действительно ужас!

– Да и потом, Лена, почему ты должна лишаться возможности попытаться стать матерью? Годы идут, летят эти годы... это тоже надо учитывать. Так что все нормально! Правильное ты приняла решение. Бог милостив, глядишь – и забеременеешь!

– Ой, Сабиночка, это будет самый счастливый день в моей жизни! – с искренней надеждой на такое чудо воскликнула молодая женщина.

– Ну вот, так что все закономерно, не мучай себя, отдохни и спокойно готовься к свадьбе.

– Да пышной свадьбы и не будет, ты же знаешь, ни мне, ни Олегу это не надо...

– Да неважно, пышной она будет или нет! Невеста должна выглядеть как невеста! А ты у нас настоящая русская красавица, ты еще завтра в ЗАГСе всех молоденьких затмишь! – весело улыбнулась Сабина, искренне любясь тонкими и благородными чертами лица Елены, ее высокой стройной и ладной фигурой.

– Ну, уж ты скажешь, подружка! – засмеялась Елена, – это ты меня любишь, поэтому тебе и кажется, что я красавица.

– Да нет, – покачала головой Сабина, – «не кажется», а так оно и есть на самом деле. Мой муж тебя Снежной Королевой величает, ты и действительно на нее чем-то похожа.

– Ну, ничего себе! В Снежные Королевы попала! – снова засмеялась Елена, – даже и не знаю: радоваться такому комплименту или задуматься.

– Ну, все, ладно, пока, подружка, я побежала, завтра мы с Гафуром подъедем, как договорились.

– Да уж, не опаздывайте Сабина Ахматовна, вы ведь мой свидетель!

– Да уж постараюсь, Елена Михайловна, не опоздать!

Глядя ей в след, Елена думала: «Ну, кто скажет, что у этой тоненькой стройной женщины двое сыновей! Со спины она и вообще как юная девушка смотрится... Счастливая! И дай ей Бог!».

Темнело, и Елена поскорее зажгла во всем доме свои настенные фонарики. Этот вечерний ритуал уже вошел у нее в привычку, правда, после того жуткого сна с мертвыми волками и заколдованным замком ничего ее больше не тревожило. Ничего и никто. Елена убедила себя в том, что это все нервы. Она даже решила заехать в неврологическую клинику, но, подойдя к одноэтажному зданию и увидев его ярко-розовые стены с красной отделкой (очень «успокаивающая» цветовая гамма), почему-то сразу же передумала здесь лечиться. Олег сейчас уехал по срочным делам, будет у нее завтра утром. Регистрация назначена на два, а вечером – ресторан.

Елена устала думать о том, правильно она поступила или нет, решившись снова выйти замуж, да еще и за Олега, которого долгое время терпеть не могла! Но... время идет, люди взрослеют, меняются... Олег стал совсем, совсем другим... И детей, оказывается, любит, вон как он в горах с Анваром и Рустамкой играл! Любит ли она его? – Елена задумалась, прислушиваясь к себе. Сама себе она может честно сказать – Нет. Вот Виктора любила. А в Олеге очень ошутим мужчина, во всем: в том, как он смотрит, как берет за руку, как улыбается, как произносит самые невинные фразы... В горах он поцеловал ее в щеку, пожелав спокойной

ночи. Невинный поцелуй, а она вспыхнула вся и потом сама устыдилась своей реакции. И в то же время с ним спокойно. Да, с ним спокойно, потому что он такой сильный, уверенный. С ним в доме не страшно! Вот поэтому и решилась выйти замуж.

Эта честная констатация факта мучила Елену больше всего! Получается, обманывает человека! Обманывает потому, что, во-первых, боится жить одна (и боится по-настоящему, до дрожи в коленях!), а во-вторых, потому что все-таки надеется родить ребенка. Очень, очень надеется!

Елена легла спать. Последнее время она даже успокоительное на ночь не пила, и это ее радовало. Мало приятного каждый день глотать лекарство! Да еще и снотворное! Мысли плескались в голове тихо, наплывая и откатываясь, как ласковый, шепчущий о чем-то прибор.

Проснулась внезапно, но, «проснувшись», поняла, что спит, что сейчас она – во сне, однако от осознания этого ей не стало легче: сердце сжал ледяной страх; стали ватными, вялыми, непослушными губы, руки, ноги... Неужели это никогда не кончится! Тело не слушалось, было «чужим», но каким-то образом пересилив себя, она приподнялась и села в кровати, облокотившись о подушку. Комната была залита странным голубоватым сиянием, то ли от яркой луны, то ли еще от чего... Свет настенного фонарика терялся в этом голубом сиянии и еле-еле тлел красновато-желтым пятном. И вдруг она увидела, как сквозь стену медленно проступает фигура человека... Это было настолько жутко, что ей захотелось рвануться, закричать, выскочить из комнаты, из дома... Она задрожала, напряглась и... и не смогла ничего сделать: сидела и смотрела, не в силах шевельнуться. Она уже знала, что это Виктор. Фигура проявилась, черты лица обрели четкость, и Елена поняла, что не ошиблась: перед ней, действительно, стоял Виктор, только теперь он был одет в старые спортивные штаны и футболку. Так он работал во дворе, в гараже, когда был дома. Лицо его было очень бледным, печальным. И вдруг Елена услышала тихий голос, хотя явно видела, что губы Виктора не шевелятся:

– Леночка, милая, любимая моя, не бойся, прошу тебя, не бойся... я не причиню тебе вреда... я не хотел тебя напугать, но... ты боишься, и мне от этого плохо... не бойся, прошу тебя... я не подойду ближе... не трону тебя... мне просто надо тебе что-то сказать... очень-очень важное сказать... ты сможешь меня выслушать?

Елена с трудом кивнула головой, ее дыхание было тяжелым, прерывистым, подбородок дрожал, и она ничего не могла с этим поделать.

– Я больше не приду, не буду тебя пугать, хотя мне так приятно быть в доме, чувствовать твое присутствие, но больше не приду, не бойся... Я нашел путь вернуться в этот мир только затем, чтобы предупредить: тебе грозит опасность! Ты в беде! Не выходи замуж... не позволяй Олегу надевать кольцо, которое делает его рабом!

«Господи! О чем он говорит? Какое кольцо? Каким рабом?» – подумала Елена.

Фигура Виктора стала дрожать и таять...

– Мне тяжело задерживаться здесь... Лена, послушай меня, немедленно уезжай, скройся, потому что вокруг тебя – зло. И это зло воплощено...

И вдруг, в дополнение к ужасу, сковавшему ее, Елена пережила еще один страшный стресс: из зеркала, расположенного как раз напротив ее кровати, выплыла... да, да, именно так – выплыла, проявившись в расплавленном зеркальном проеме, потрясающей красоты женщина. Сначала Елене почему-то показалось, что это ее новая знакомая, Лола, но нет... не она, хотя какое-то удивительное

сходство между ними наблюдалось, но эта красавица была темноволосой. Елена смотрела на нее, как зачарованная. Незнакомка протянула в ее сторону руку, раскрыв свою ладонь так, будто хотела отгородиться от Елены. Вторая ладонь была направлена в сторону Виктора. Зазвучали слова... странные, на совершенно незнакомом языке. Звуки переливались, сплетались, то затухали до шепота, то лились, как нежная песня, то звенели, жестко и резко, как бьющиеся насмерть стальные клинки. Произносилось древнее заклятие. От ладони в сторону Елены потянулся ослепительный ярко-голубой луч. Страх тут же отпустил ее, стало очень хорошо, по телу разлилось тепло и сладкое умиротворение... она медленно сползла по подушке вниз и через секунду уже крепко спала.

В сторону Виктора из ладони бил луч красный, как кровь. Он стал пленником этого луча, он не мог исчезнуть, не мог уйти в свое измерение. Клэр, а это была именно она, убедившись, что Елена спит и утром, если и вспомнит что-то, то будет искренне считать свои воспоминания сном, просто странным сном – и все, не больше, повернулась к Виктору и злобно прошипела:

– Я предупреждала тебя, чтобы ты не совался не в свое дело... Ты не существуешь больше в этом измерении! Ты рискуешь, появляясь здесь! Ты нарушаешь Закон, появляясь здесь! Ты не можешь не знать, что в этом измерении ты в моей власти, я могу распылить, уничтожить твою душу, и тогда ты действительно исчезнешь и никогда уже больше не сможешь переродиться, не сможешь вернуться в этот мир! Ты решил потерять свою бессмертную душу?

– Нет.

– Тогда убирайся и никогда не появляйся здесь больше! Никогда! Эта женщина наша! Для тебя она потеряна навсегда! Смирись с этим! Я бы уничтожила тебя прямо сейчас, но не хочу нарушать Высший Космический Закон. Однако если ты еще раз встанешь на моем пути, если ты еще раз попытаешься что-то сказать Олегу или Елене, то я его нарушу, и тогда ты превратишься в ничто. Ты понял? Убирайся!

Из руки Клэр хлынул мощный огненный фонтан, и спирт исчез.

Рита была в шоке: никакого разговора с Олегом не получилось. Она ведь слышала все, сидя на подоконнике, а потому наперед знала, что он будет делать и говорить.

Так оно и получилось: Олег говорил о том, что очень и очень любит ее, что надо еще немного подождать, что через неделю-другую они улетят в Москву и там их никто уже не найдет. Говорил: главное – беречь ребенка и саму себя, не нервничать, не волноваться, все будет хорошо! Снова ласкал и целовал ее, и совершенно не слушал того, что она пыталась ему сказать, а рано утром собрался и уехал, еще раз напомнив, что максимум через пять дней вернется, и тогда кончится ее вынужденное заключение. И все у них будет прекрасно!

«Да, Олег невменяем, это точно. Они что-то сделали с ним, загипнотизировали. Он теперь как зомби – ужас!».

Так, – оборвала свои размышления Рита, – обо всем об этом можно думать, и думать, и думать, пока голову не сломаешь! Только все это пустые размышлялки. А надо действовать! Сейчас у нее одна проблема – выбраться отсюда! Это надо сделать в обязательном порядке, иначе и ее зазомбируют и увезут черт знает куда! И уж тогда точно конец! Ведь они еще и что-то сделать с ней собрались? Что там этот «телохоронитель» говорил о замене плода... мол выташим и своим заменим?

И тут Рита, до конца осознав смысл сказанного, онемела от ужаса!

«Подожди, подожди, – торопливо обратилась она с жалостливой просьбой к самой себе, – то есть, это как? Это что же такое получается? Это значит, они сделают ей операцию, убьют ее ребенка и вместо него внедрят в нее какого-то своего паршивого сатаненка! Для этого и увезут ее в Подмосковьё». Ритка задумалась на секунду, вспоминая «разговор», и, утвердительно кивнув головой, произнесла вслух:

– Точно, он сказал: «в Подмосковьё»... Значит именно там у них сатанинская секта... Вот мерзость-то! Внедрят в нее какую-то гадость, и через пять месяцев она родит им... А ее ребенка убьют! Так ведь они то же самое говорили и о Елене? С ней тоже собираются проделать такой же фокус! Причем, сразу же после ее свадьбы с Олегом! Которая состоится завтра! Нет, не завтра, а сегодня, сегодня она уже состоится! Это еще что за свадьба? Вот блин, на почве своего дикого страха забыла у Олега спросить об этом!

Ритка вскочила на ноги и заметалась по комнате: что делать, что делать? Как отсюда удрать? Как? У нее на окнах решетки, через забор не перелезешь, через гараж и ворота не пройдешь (там охранник застучает – уже пробовала, знает). Остается один путь: через окно «зеркального» коттеджа и в реку... Если сумеет выплыть – спасена, если нет... Ну, а если нет, то лучше уж река, чем стать подопытным кроликом у сатанистов! И так и так погибать, но река все-таки даст шанс... должна дать... Ритка попросит ее об этом!

Так, сейчас она дождет охранника, который скоро должен принести ей завтрак, спокойно погуляет по двору, чтобы этот тип ничего не заподозрил, затем постарается незаметно «нырнуть» в «зеркальный» коттедж, а уж из него прямоком в реку, а там... а там уж как сложится. Бог милостив, не оставит ее! По крайней мере, Рита очень и очень на это надеется! Но уж если она выплывет и сумеет вернуться, – тогда устроит этому подлецу Олегу и его мерзкой Ленке свадьбу! Такую свадьбу им устроит – на всю жизнь запомнят!

Через некоторое время охранник принес завтрак. Ритка, как всегда, буркнула ему: «Спасибо» и начала есть. Из-под своих полуопущенных век охранник сонно и равнодушно посмотрел на нее и вышел во двор. Вскоре Ритка услышала, как захлопнулась за ним узорная калитка, запирающаяся на замок и выходящая в соседний двор, в котором был дом хозяев «зеркальных» коттеджей.

Покончив с завтраком, немного полежала, чтобы унять тошноту. Пососала дольку лимона... вроде бы стало легче, встала и вышла во двор. Было не осеннему тепло, но небо затягивало тучами, собирался дождь.

«Как нарочно, – сразу занервничала Ритка, – все как нарочно! Да что же это так не везет-то, а! Вчера была чудесная погода, солнце, а сегодня, когда ей в реку лезть – так на тебе, еще и с неба вода лить будет! Может быть, отложить все на завтра?» – подумала она и тут же отрицательно покачала головой – «Нет... нельзя... все надо сделать сегодня, потому что в горах резко может похолодать, в один день осень зимой сменится, и тогда – все! В реке вода и летом-то ледяная, а уж сейчас».

Рита со страхом и тоской посмотрела на дверь «бунгало» и, тревожно вздохнув, направилась к ней. Впереди, как и в прошлый раз, бежал Барсик, весело помахивая пушистым хвостом.

Проскользнув в дверь, Ритка быстро подошла к окну и открыла его. Шум мощной реки сразу же усилился, и Риту всю передернуло от страха. Барсик вскочил на подоконник и потерял об ее руку головой.

– Ах, ты мой хороший! Спасибо тебе за все, красавец мой, пушистик, спасибо! – Ритка нежно поцеловала кота в нос. – Ну, все, прощай, кошарик... Я бы тебя

обязательно с собой забрала от этого противного охранника, но, сам видишь, не знаю, что со мной будет. Вот такие дела, – Рита тяжело вздохнула, и обреченным голосом добавила – ладно, пошла я, что будет, то будет...

Она вылезла в окно и стала потихонечку спускаться с достаточно крутого обрыва, но поскользнулась, не удержалась и, ободрав себе руки и ноги, буквально съехала в ледяную воду реки, которая тут же подхватила ее и понесла. Ритка задыхнулась, потом заорала, но тут же, нахлебавшись воды, истерично забила руками и ногами, стараясь выплыть из стремнины ближе к берегу, однако мощный поток играючи нес и крутил ее, как шепку.

«Неужели конец! Нет! Мамочка! Нет! Нет! Не хочу умирать, не хочу! – бешено крутилось у нее в голове, – не хочу, не хочу. Вон, вон впереди здоровый камень, надо к нему, надо зацепиться, чтобы река не унесла дальше... надо зацепиться...»

Ритка изо всех сил колотила руками по воде и медленно, очень медленно, но все-таки стала выбираться из стремнины.

Елена проснулась и теперь просто лежала, прикрыв глаза. Вроде бы всю ночь спала, а тело налито какой-то свинцовой тяжестью, усталостью, как будто и не отдыхала вовсе.

«Что это со мной, – с грустью думала она, – старею что ли? Не рано ли стареть-то? Тогда почему такая вялость? Или я так нервничаю из-за предстоящей свадьбы? – Елена прислушалась к себе, – да, если честно признаться, то, действительно, нервничаю. Еще и сон какой-то дурной приснился... – Елена напряглась, вспоминая «дурной» сон. – Нет, не вспомнить... каша в голове... каша, но ведь снилось же что-то... что-то важное! По крайней мере, так кажется... Нет, не вспомнить! Не получается». «Важное» стало невспоминаемым, неуловимым, как рыбка, которая выскользнула из рук и исчезла в воде: ошущение в руках есть, а рыбки нет.

– Ну, нет, так нет, – вслух произнесла Елена, открыла глаза и села на кровати. – Надо вставать и приводить себя в порядок. Сегодня у нее ответственный день – свадьба.

«Боже мой! Да разве ж она думала, выходя замуж за Виктора, что в ее жизни будет еще одна свадьба, что она потеряет мужа и снова выйдет замуж? В мыслях такого не было – и вот. Обручальное кольцо, которое когда-то одел ей на палец Виктор, она со слезами спрятала в заветную коробочку; сегодня другой мужчина оденет другое кольцо... Кольцо... – Елена запнулась в своих мыслях, ее сон был связан с кольцом... точно!... что-то было про кольцо! Но что?.. нет, не вспомнить...»

Она решительно тряхнула головой и взглянула на часы – девять. Давно пора быть на ногах! Сильно потеряла лицо руками, как бы отгоняя все ненужные мысли, встала и пошла в ванную. Встав под душ, открыла сильную струю прохладной воды и... задохнулась от наслаждения: «Боже, какое чудо эта вода!».

«Боже, какая мерзость эта вода! Не останавливаться, только не останавливаться... – плясали лихорадочные мысли Риты, – надо бороться с этой мерзкой водой, иначе смерть... иначе все... надо бороться, еще, еще немного... – Она отчаянно молотила руками и ногами, – если она не уткнется в этот камень – все... все... унесет... унесет... унесет...»

Взмах, еще взмах, еще ...нет сил... ну... еще немного... еще!.. – Рита, не веря в то, что у нее получилось, вцепилась в высокий мокрый камень, прилипла к нему,

но свирепый поток упрямо и зло пытался отодрать ее и снова швырнуть в стремнину... «Нет, нет... только не это, только бы удержаться...»

– Помогите! – прильнув всем телом к камню и крепко обняв его, во все горло завопила Ритка, – Помогите!

До берега было недалеко, но она боялась оторваться от спасительного «якоря», боялась, что вода, доходившая ей сейчас до пояса, сшибет ее с ног, закрутит и снова понесет, а она уже не сможет больше плыть, нет сил на это, нет...

– Помогите! Помогите!

– Сейчас, сейчас! – прокричал ей в ответ мужской голос с берега, – держитесь! Я иду, не бойтесь! Иду!

Сквозь слезы и брызги, застилавшие глаза, она увидела бегущего к ней высокого мужчину... затем почувствовала его сильные руки и, с трудом оторвавшись от камня, намертво вцепилась в них. Через минуту они уже были на берегу, и Рита, осознав, что она спасена, впала в какое-то полуобморочное состояние.

Все закрутилось-завертелось в ее перепуганном и помутненном сознании, замелькало картинками калейдоскопа: доброе старушечье лицо в цветном платке, молодая женщина, стягивающая с Ритки мокрую кофту и джинсы и чем-то натирающая ее заledenевшее тело, мужчина, считающий пульс на ее руке, снова старушка, пытающаяся напоить ее горячим крепким чаем, снова молодая женщина и мужчина, которые уже везут ее куда-то в машине, а у Ритки перед глазами все плывет, тело периодически сотрясает озноб, хоть она и переодета в сухое белье и укрыта теплым одеялом.

Очнувшись, она увидела над собой женщину в белом халате и поняла, что это врач.

– Где я? Что со мной?

– Тихе, тихе, не волнуйтесь... Вы упали в реку, но вас спасли... так что все хорошо, все хорошо, – тихим, спокойным голосом проговорила женщина в белом халате. – Вас привезли к нам, в больницу. Не беспокойтесь ни о чем... сейчас вам нужен отдых... лежите, я попозже зайду к вам. Кстати, как ваше имя?

– Рита, то есть... Маргарита...

– Вы где живете?

– В Ташкенте...

– Может быть, надо сообщить вашим родным, что вы живы?

– Да... да... я попозже позвоню, если вы... если мне... – Рите было тяжело говорить, язык заплетался, как у пьяной.

– Хорошо, хорошо... позже поговорим, когда вам станет лучше, а сейчас отдохайте, постарайтесь уснуть.

Рита закрыла тяжелые, будто свинцом налитые веки, и провалилась в тяжелый сон.

В вестибюле гинекологического отделения врача ждал высокий крепкий мужчина лет тридцати. Именно он привез спасенную им женщину в клинику, и ее сразу же увезли на операционный стол, поскольку она истекала кровью.

– Что с ней, доктор? Как ее состояние?

– Вы ее муж?

– Нет, я... скажем так, я ее спаситель. Она тонула... я уже объяснял ситуацию кому-то из ваших врачей... сейчас это не имеет значения. Вы лучше скажите, что с ней?

– Она была беременна... Вы не знали об этом?

– Нет, но предполагал. Я, как и вы, тоже врач, только специализация другая. Мы с сестрой постарались как можно скорее доставить ее к вам. Но почему вы сказали «была»?

– К сожалению, именно «была», потому что она потеряла дитя. Это реакция организма на то страшное потрясение, которое она перенесла, спасая свою жизнь. А может быть, и ударилась обо что-то, когда плыла, там ведь такое течение – не шутки...

– Да, Чаткал – река серьезная, шутить не любит, это точно... А сейчас она как себя чувствует? Что-нибудь еще угрожает ее здоровью?

– Сейчас она уснула, и будем надеяться, что никаких серьезных осложнений не будет, женщина молодая, здоровая, сильная, хотя сами понимаете, после купания в ледяной реке... – врач с сомнением покачала головой. – Ну, в любом случае, даже при самом хорошем исходе, от насморка и кашля ей не отделаться. Это в самом лучшем случае!

– Конечно, конечно, я понимаю.

– Ну, что ж, приходите завтра, коллега, завтра картина прояснится, там и поговорим. Кстати, как ваше имя, отчество?

– Сергей Насырович, – ответил мужчина и тут же спросил:

– Извините, а эта девушка не назвала вам свое имя? Дело в том, что ей было так плохо, когда мы ее «выловили» из реки: ее так трясло, что она двух слов связать не могла.

– Маргарита. Она мне сказала, что ее зовут Маргарита, и живет она в Ташкенте. Я поняла так, что у нее есть родные, и она будет им звонить. Но пока... Сергей Насырович, кто будет оплачивать ее лечение? У нас сейчас, сами понимаете, хозрасчет...

– Не волнуйтесь, я все оплачу.

Врач внимательно посмотрела на него, покачала головой (непонятно – одобряя его поступок, или осуждая, или удивляясь ему) и сказала:

– Да... в наше время такие люди, как вы, большая редкость... Ну, тогда пройдете в бухгалтерию: первый взнос вы сделаете сегодня, а остальное в зависимости от того, как долго пробудет у нас эта девушка... ну, а с родными ее вы, видимо, свяжетесь сами...

22

– Леночка, ты довольна? Тебе понравилось, как прошла наша свадьба? – Олег наклонился, перевернул ее руку ладонью вверх и нежно поцеловал.

– Да, Олег, да... все было очень мило! И ресторан вы с Умидом хороший выбрали, уютно и готовят хорошо. Ой, пить хочу, умираю! – Елена сбросила с ног изяшные серебристые туфельки и побежала на кухню. Олег отправился следом.

– Что вам подать, мадам: сок, кофе, чай? А может быть, шампанского? – он сдернул висевшее около мойки полотенце, перекинув его через руку и склонился в подобострастном поклоне вышколенного слуги.

– О, какой сервис! – голосом светской леди, произнесла Елена и грациозно села на стул, выпрямив спину и чопорно сложив на коленях руки. В вечернем свете завораживающе искрилось великолепное, как бы покрытое серебристым инеем, облегающее платье, подчеркивающее красоту ее фигуры; в тон платью горели в ушах бриллиантовые серьги.

– Как ты красива! – с искренним восхищением в голосе воскликнул Олег, – Гафур правильно называет тебя Снежной Королевой. Ты, действительно, сама Сказка!

Елена улыбнулась, потом демонстративно нахмурилась и голосом избалованной и недовольной дамы произнесла:

– Вы, кажется, предлагали мне сок, сэръ?

– О, да, мадам! Сейчас в ваших прелестных ручках будет бокал с освежающим напитком!

Открыв холодильник, он достал охлажденный апельсиновый сок и наполнил бокалы.

– Вы спасли меня, верный рыцарь, – проговорила Елена, сделав несколько жадных глотков, – теперь можете требовать любой награды!

– Ах, какие вы произнесли неосторожные слова, очаровательная леди, потому что я потребую этой награды! – и уже другим голосом, немного осипшим от накопившего на него желанья, тихо и жестко произнес:

– И потребую немедленно!

– В пределах разумного, сэръ, в пределах разумного! – попыталась исправить положение невеста, но Олег уже не слушал ее: наклонившись, он подхватил свою жену на руки и понес в направлении спальни.

Елена вдруг испугалась и торопливо зашептала:

– Ну, Олег... ну, ты что?... ну, подожди, подожди... что мы, как дети, ей богу... отпусти меня, слышишь!... я сама пойду... Олег...

Но Олег не слышал и не слушал ее: войдя в спальню, он бережно опустил свою прекрасную ношу на кровать и припал к ее губам жадным и страстным поцелуем. Елена попыталась взять себя в руки, потому что ее сдержанной натуре был совершенно чужд вот такой бурный неистовый шквал чувств, но поняла, что не сможет этого сделать. Шквал подхватывал ее, поднимал на гребень крутой волны и... скапывал в бездонную глубину так, что замирало сердце и останавливалось дыхание.

И вдруг... Елена почувствовала, что ее тело стало невесомым, что она просто теряет сознание и летит, летит, летит в какой-то темный бездонный колодезь. Все тело онемело... нет страха, нет боли, а только равнодушное отупение и бесконечный полет в никуда...

Олег с отсутствующим взглядом стоял рядом с кроватью.

– Ляг и спи, жди свою жену, – прозвучал голос Джастина.

– Хорошо, господин.

Джастин легко взял на руки Елену и шагнул в сторону зеркала, около которого его ждала Клэр. Несколько раз она провела руками над «спящей» женщиной, нараспев проговаривая какие-то заклятия, затем открыла проход в зеркале, и они исчезли в его мерцающем тоннеле.

Через четыре часа Елена лежала в постели рядом со своим спокойно спящим мужем. Она тоже крепко спала. На бледном лице застыло выражение страдания, губы были плотно сжаты. В ее теле пульсировала новая жизнь, крохотный эмбрион совершенно чуждого человеку существа.

– Ну, что ж, будем надеяться, что ответственная и опасная операция прошла успешно, – сказала Клэр, глядя на спящую Елену. – Через три дня мы будем знать это наверняка, потому что если что-то пойдет не так, она просто умрет, а вместе с ней умрет и наша великая надежда.

– Будем надеяться, Клэр, – тихо проговорил Джастин, который тоже очень внимательно всматривался в лицо Елены. С неприязнью покосившись на Олега, он подумал и добавил:

– Клэр, можно сделать так, чтобы в памяти Елены осталось только хорошее воспоминание о ночи? Этому-то я просто прикажу, – кивнул он на Олега, – а вот если она проснется с ощущением чего-то неприятного, болезненного, то у нее может возникнуть негативная реакция на него. Это было бы нежелательно, сама понимаешь.

– Она не чувствовала боли, но... подспудный страх, стрессовое состояние... Да, ее мозг мог зафиксировать это на подсознательном уровне. Ты прав, она может связать свои неприятные ощущения с Олегом и это осложнит их отношения, а значит, отразится и на ее отношении к ребенку. Недопустимая ситуация! Ну, что ж, попробую, хотя работать сейчас с ее памятью сложно, но... все-таки попробую.

Джастин кивнул головой и отошел в сторону, а Клэр, приложив свои тонкие изяшные пальцы к вискам Елены, начала «работать».

Щеки и губы Елены порозовели, лицо приобрело спокойное и умиротворенное выражение, сжатые в кулак руки, расслабились. Теперь она действительно просто спала и даже, возможно, видела приятный сон, потому что улыбалась.

Аланты оставили счастливых молодоженов одних. Через несколько дней надо будет заняться Ритой.

Зеркало «расплавилось» и поглотило шагнувших в него алантов.

Ло быстро перемещалась по Тропе, направляя ее так, чтобы в кратчайший срок оказаться в нужном месте: Клэр просила ее проведать Риту, то есть тайно понаблюдать за ней. Не сегодня-завтра они устроят так, чтобы Олег вместе с ней уехал в Подмоскovie. Там, в тихом и уютном месте, рядом с чудесной березовой рощей находится частная клиника, профилирующаяся на неврологических заболеваниях. Это официальная сторона заведения. О неофициальной стороне знают только аланты. Работа с пациентами здесь двойственная: большую часть приезжающих сюда людей прекрасно лечат высококвалифицированные специалисты; меньшую часть (пишу для алантов!) обслуживают специальные врачи, которые тщательно отбирают для этого необходимый «материал». Система отработанная, продуманная, не вызывающая никаких подозрений.

Клиника пользуется большой популярностью, поскольку пребывание в ней действительно возвращает здоровье людям с расшатанной нервной системой, оставляя у них самые приятные воспоминания.

Прямо в березняке стоят небольшие, великолепно оборудованные коттеджи, в которых живут пациенты, приехавшие из самых разных городов и стран. Тишина, великолепная природа, целительный чистый воздух и мастерство врачей оказывают положительное воздействие на нервную систему людей, расстроенную бешеным ритмом жизни, колоссальным потоком информации и бесконечными стрессами.

Как раз здесь, в этой чудесной лечебнице, Рита, после тайно проведенной операции, и поживет какое-то время, месяцев пять, считая, что прячется от жестоких врагов Олега. Он будет периодически приезжать к ней и стараться, чтобы она ни в чем не нуждалась, была спокойна и счастлива от осознания того, что ее сильно, очень сильно любят и заботятся о ней и о ребенке. Главное – о ребенке!

Ло перемещалась, не видя и не чувствуя того, что рядом с Тропой с той же скоростью перемещалась Мерцающая Богиня. Она слышала клятву Ло, Она поняла клятву Ло, и теперь внимательно следила за Ло. По всей видимости, самец-алант начал выполнять свое обещание: он готовит для нее эту самку, умеющую с такой скоростью перемещаться по Тропам. Значит, вскоре Джастин в обмен на находящуюся у нее Тану отдаст ей Ло, выманив ее с Тропы в призрачный и обманчивый мир Зазеркалья. Тогда Она мгновенно внедрит в ее плод Часть себя, и тут же отпустит, и будет надеяться на то, что это сильное существо не погибнет, как человеческое, что энергетический сгусток постепенно созреет в ней, и, на-

питавшись силой иного мира, вырвется, выплеснется, захватывая пространство и открывая Богине путь.

Ло достигла нужного ей зеркального барьера и внимательно оглядела спальню того коттеджа, в котором жила Рита, – пусто; переместилась в другую комнату, где тоже висело зеркало, – пусто! В ванной комнате ее тоже не было. Может быть, она во дворе? Ло осторожно вышла из зеркала и выглянула в окно, выходящее в огромный двор, – пусто! Куда же эта Рита могла подеваться? Ло снова метнулась к зеркалу и мгновенно переместилась в коттедж напротив: может быть, она забрела туда, да там и уснула? Комнаты второго коттеджа тоже пусты, только в спальне, где они так приятно отдыхали с Джастином после охоты, было настежь открыто окно, выходящее к обрывистому берегу, скатывающемуся к быстрой и глубокой реке.

Исчезла! Ло не верила своим глазам. Исчезла из такой неприступной крепости! Охранник выпустить ее не мог – это исключено, поскольку он – раб. Конечно, не такой ценный, как Олег, рассчитанный на долгие годы верной и преданной службы, а временный, для выполнения одного конкретного задания: следить за их пленницей. Этот временный раб (он же хозяин коттеджей, превращенный ими просто в охранника) отравлен слюной алантов, поскольку и она и Джастин балуются с ним, потихоньку посасывая его кровь. Он боится их до дрожи и никогда не нарушит полученного приказа. Вскоре его надо будет убить, потому что слюна алантов плохо влияет на людей: через некоторое время охранник может превратиться в настоящего монстра, и тогда справиться с ним будет сложнее; да и бед такое страшное существо натворит немислимых – это Ло знает точно (одно время Избранные считали, что достаточно укусить жертву, и человек переродится в аланта, но, увы, получались жестокие кровожадные и неуправляемые монстры, которых пришлось уничтожать).

Так, охранник выпустить не мог! – подвела Ло итог своим размышлениям, – значит, остается один путь – через окно и... и неужели Рита решилась броситься в эту страшную реку!? По всей видимости, она сошла с ума! Только алант может справиться с бешеными водами такой реки, только алант или... или очень, очень сильный человек-самец, но никак не женщина! Они были уверены в том, что ей даже в голову не придет выпрыгивать из этого окна! Ведь это самоубийство! А она решилась: Ло чувствовала ее запах, ведущий за окно... Значит, погибла! Значит, Елена – единственная их надежда! Единственная! Это риск! Надо срочно искать замену Рите.

Ло стояла у окна, смотрела на реку, освобождавшуюся от легкой дымки утреннего тумана, на горы, вершин которых уже коснулся луч холодного осеннего солнца, и снова и снова представляла себе, как Рита ныряет в страшные, бурлящие воды. Смелый и дерзкий поступок этой человеческой особи невольно вызывал у нее уважение: надоело ей сидеть взаперти, и она решилась! Но чтобы решиться на такое, нужна смелость, нужен характер. Сам по себе поступок совершенно глупый, нелогичный (люди вообще нелогичны, – имея такую короткую жизнь, они достаточно часто подвергают ее безрассудному и неоправданному риску), однако, в этом поступке что-то есть. Ло задумалась, и ответила сама себе:

– Есть желание свободы, вот что!

Аланты любят и ценят свободу! Наверное, именно поэтому «глупый поступок» человека вызвал в душе Ло уважение.

Так, сейчас надо вернуться к Клэр и Джастину, – решила она. – Уже должна завершиться намеченная операция: Елена наверняка уже оплодотворена. И это прекрасно!

А вот ей предстоит сообщить малоприятную новость. Ну и Рита! Кто бы мог ожидать! Надо сказать об этом Клэр, а уж там Посвященная решит, что делать дальше.

И вдруг Ло почувствовала, что за ней кто-то наблюдает, почувствовала спиной, затылком, кожей. Ее буквально ошупывают взглядом, чуть ли не пробуют на вкус! Опасность!

Мгновенно собравшись, как пантера перед прыжком, она резко обернулась – никого! Да и кто бы осмелился так рассматривать ее! И, тем не менее, еще секунду назад она явно чувствовала чье-то присутствие. Чье?

Богиня видела, как Ло мгновенно оказалась около зеркала и вдруг стала внимательно и пристально смотреть в него. Это позабавило ее – смотреть в зеркало, на Зеркало! Ну, что ж, пусть посмотрит, а Богиня посмотрит на нее, внимательно, точнее, не столько посмотрит, сколько ошутит на вкус – какая потрясающая энергия! Эта самка алантов должна выдержать ее часть! Лишь бы выманить ее с Тропы... и здесь ей поможет Джастин, если хочет получить назад Свою Часть – Тану. Это желание Джастина было понятно Богине, поэтому она не сомневалась в том, что Ло скоро будет в ее власти.

Но Мерцающая не понимала одного: Ло – тоже Часть Джастина!

Яркие солнечные лучи затопили спальню – на смену утру шел день, обещая быть погожим. Ло шагнула в «расплавившееся» зеркало и исчезла.

Яркие солнечные лучи затопили аудиторию. Закончилась первая пара, и студенты, весело переговариваясь, выходили в коридор: вторая пара, проводилась в другом учебном корпусе.

– Катя, задержитесь, пожалуйста! – обратилась Сабина к Риткиной подруге.

– Да... я слушаю вас, Сабина Ахматовна!

– От Риты никаких вестей нет?

– Нет. Я сама уже не знаю, что думать! Я же вам говорила, что ее парень, Олег, объяснил мне всю сложность сложившейся у них ситуации, обещал еще позвонить, но пока ничего.

– Странные какие-то события «закручиваются» вокруг нашей Риты!.. Вам не кажется, Катя?

– Еще как кажется! Когда она в последний раз со мной разговаривала, голос у нее был какой-то... – Кимуля, поджав губы, помотала головой и добавила, – какой-то даже и не знаю «какой»: напряженный, испуганный, торопливый... да бог знает вообще какой! Как будто под дулом пистолета говорила! – произнесла Катя и вдруг сама испугалась своей фразы – а вдруг действительно под «дулом»! Что у них там с Олегом стряслось на самом деле?! Кто их знает!

– И бабушка ее не в курсе дела?

– Нет, нет, что вы! У Риткиной бабули сердце слабое, Олег вообще ей сказал, что Ритка в Москве, дописывает дипломную работу, и я ей плету то же самое. Ей волноваться ни в коем случае нельзя! Хотя бы уж она скорее объявилась, что ли! Или Олег! Куда оба запропастились – прямо не знаю!

– Вы знаете, Катя, мне кажется, что все очень серьезно! Рита девочка ответственная и никогда не стала бы просто так пропускать занятия, по крайней мере за четыре года учебы за ней такое не водилось! Видимо, что-то действительно случилось! Как бы вот только узнать – что?

– Сабина Ахматовна, давайте подождем до конца этой недели, если не объявятся ни Олег, ни Ритка, тогда... ну тогда уже будем что-то делать, хотя я, честно говоря, даже не знаю – что?

– Хорошо, Катюша, но если только...

В этот момент зазвонила Катина сотка. Извинившись перед преподавателем, она поднесла ее к уху, секунду послушала и вдруг закричала:

– Ритка! Ритка, это ты? Ну, где же ты пропала, я тут с ума схожу! Мы вот сейчас как раз с Сабиной Ахматовной о тебе говорим – сто лет жить будешь! Ты где? В больнице! В какой еще больнице! Что случилось-то?.. Точно уже все нормально? Ну, хорошо... хорошо... конечно, о чем разговор! Это ты с чьего телефона звонишь-то? Сергей Насырович! А это кто такой? Ну, хорошо, хорошо – при встрече, так при встрече... Когда подъедешь? Ладно, ты только не пропадай больше, подруга, нечего тут людям инфаркт устраивать. Да, с бабушкой все нормально, но ты побыстрее подъезжай! Поняла? А если можешь, позвони бабушке-то, она ведь там тоже волнуется, хоть я ей и плету, что ты в Москве, материал для дипломной собираешь. Ну, да... хорошо... хорошо – кивала головой Катя, – Ритка, если что, можно я позвоню этому твоему Сергею Насыровичу, для душевного спокойствия? Ну, вот и ладушки. Да, Сабине Ахматовне сейчас все скажу... да, и привет передам. Ну, все, пока, не пропадай!

Катя отключила телефон и вздохнула:

– Слава богу, объявилась! Вам огромный привет и спасибо! Сказала, что завтра-послезавтра придет, но придет ко мне, а не на свою квартиру. Значит все-таки что-то не то... Ей там какой-то Сергей Насырович помогает...

– А почему она в больнице? Что с ней?

– Сказала, что придет и тогда все расскажет.

– Ну, ладно, уже хорошо то, что объявилась, что жива и, будем надеяться, здорова. Катя, как только она объявится, вы мне позвоните, ладно, а то я волнуюсь. Странная какая-то ситуация...

– Обязательно, Сабина Ахматовна! Не волнуйтесь! Спасибо вам, что Риту прикрываете, она скоро выйдет на занятия, сама там из-за этого страшно нервничает.

– Хорошо, беги, Катюша, а то опоздаешь на лекцию. – Сабина кивнула головой, и Кимуля понеслась на вторую пару в соседний учебный корпус.

23

Рано утром Олег узнал о том, что Уткур Рашидович покончил жизнь самоубийством: перерезал себе вены в ванной (позвонил старший сын покойного, буквально два дня назад приехавший из Вашингтона, где он жил и работал). Олег почему-то тут же представил себе, как страшно расстроится Елена, узнав об этом: подобно Виктору она очень уважала этого человека и говорила о нем только с восхищенными интонациями в голосе. Эти «интонации» раздражали Олега так, что однажды они чуть не разругались «всерьез». Тогда Елена подумала, что он ревнует ее к Уткуру, и была возмущена такими «ненормальными» мыслями мужа. На самом же деле вовсе не ревность лежала в основе его жестких фраз, а ненависть и только ненависть, да еще страх, что как-нибудь при встрече Уткур брякнет ей что-нибудь по поводу своих сомнений относительно смерти Виктора. Помнится, он даже с Джастином поделился своими страхами... Кстати, с чего он тогда ему об этом рассказал! Получается, что вообще все рассказал что ли? И о том, как брата ухлопал, тоже? Этого Олег уже не помнил, и это его очень беспокоило, очень, потому что раньше он помнил все!

«Да, боров мог поделиться с Еленой своими сомнения по поводу смерти Виктора, – тяжело ворочалось в голове Олега, – мог... вполне мог... теперь не

может... это хорошо... тогда почему я не ощущаю никакой радости? Почему на душе-то так плохо?»

Олег перевернулся с правого бока на спину, закинул руку за голову и прикрыл глаза – так легче думалось. Елены дома не было: она на три дня улетела в Самарканд, в командировку.

– И хорошо, что ее сейчас нет, – вяло размышлял Олег, – нет сил изображать перед ней горе по поводу Уткура, а она ведь раскудахнется, плакать начнет, суетиться не по делу... утешать ее надо будет... Слава богу, уехала, и ему хоть сегодня не придется актерствовать, потому что никакого горя в его душе нет, но есть противные, зудящие, беспокойные мысли. Надо подумать, надо просто спокойно полежать и подумать об этой странной смерти. Почему в ней есть что-то беспокойное для него, для Олега?

Они с Умидом частенько думали о том, что если бы борова не стало, это было бы славненько! Тогда, по сути дела, они остались бы полноправными хозяевами фирмы, все бы к рукам прибрали, свой порядочек навели. Но сейчас, услышав об этом, он не только не обрадовался, но даже испугался. Да, именно так: тревожно стало, неспокойно. Ненавидя Уткура, Олег все равно подспудно понимал, что он – голова, что этот медлительный и малосимпатичный внешне мужик и дело свое отменно знает, и характер особый имеет, не случайно все-таки Виктор так уважал и ценил его.

«Да, странно... все очень странно... – размышлял Олег, – Уткур, несмотря на свои «расплывающиеся» во все стороны жиры, медлительность и полусонный вид, действительно имел крепкий характер и здравый ум, поэтому никак не мог покончить с собой: подобный поступок просто, скажем так, не вписывается в его «крепкий характер». Значит, что-то случилось, что-то такое, что он пошел на этот крайний шаг. Что? Тайная и неудавшаяся махинация с финансами фирмы? Может быть, он, Олег, уже банкрот, но еще не знает об этом? Вряд ли: боров, как это ни странно звучит, был принципиально порядочным и честным человеком, как и его братец Виктор (на этом они и сошлись друг с другом), а потому не стал бы что-то крутить: слишком рискованные игры и подлые подставы были не в его вкусе, он руководствовался «высокими принципами» (что дико бесило и Олега, и Умида) и всегда предпочитал синицу в руке журавлю в небе.

«Хорошо... если не финансы, тогда что? Страшная болезнь? Не захотел мучиться и решил свою судьбу сам? Возможно, но не факт... вскрытие покажет». Но Олег внутренне чувствовал – это не то... не то – и все тут!

Внутренне он чувствовал и другое, хотя это «другое» никак не укладывалось в рамки железной логики, никак и ничем не подтверждалось: с ним, Олегом, стало происходить что-то странное, и началось это «странное» именно с тех пор, как он познакомился с Джастином. Все вдруг стало разыгрываться как по нотам, сбываться, как в волшебной сказке: и Елена тут же дала согласие на брак, и Ритка из его жизни куда-то испарилась (с Риткой вообще заморочка полная, связанная с обрывками каких-то странных мыслей и весьма странных его действий), и боров умер... Вроде бы все прекрасно, все складывается, как мечталось, живи и радуйся, но именно радости-то никакой и нет, а есть другое... есть ощущение того, что он, как муха, попал в паутину, и в любую минуту может приковылять паук, чтобы полакомиться этой мухой. «Мухой» он никогда не был, «пауком» – да ... пауком – случалось... Он по характеру охотник, а не жертва, и вдруг – состояние «мухи»! Омерзительное состояние! Оно раздражало и пугало одновременно, пугало, прежде всего, потому, что он не видел врага, «паука» не видел! Интуитивно связал всю ситуацию с Джастином, но ведь это не факт... хотя что-то... что-то в этом все-таки есть... это однозначно...

Олег открыл глаза, взял лежавшую на прикроватной тумбочке сотку и позвонил Умиду, сообщив о странной смерти Уткура и попросив его отдать соответствующие распоряжения в офисе. Умид помолчал, хмыкнул и сказал:

– Странно, тебе не кажется? С чего бы это он решил «в ящик сыграть»? Да еще таким способом... на истеричную девицу или романтического юнца наш боров не похож, чтобы вены себе в ванной резать... что-то тут не то...

– Да, странно, я и сам сейчас об этом думал.

– Может быть, он с нашими денежками за нашей спиной что-то нехорошее прокрутил и прогорел, а? Понял, что все равно за это пришьем, и решил подсуетиться?

– Не знаю, Умид, не знаю... У меня и так с утра голова раскалывается, а тут еще это.

– М-даа, ты голову-то свою лечи, а то тоже странным стал последнее время.

– В каком это смысле «странным», – тут же насторожился и окрысился Олег.

– Да в таком... – в голосе Умид прозвучал еле сдерживаемый гнев, – ты вчера что мне отколол, а, не помнишь? Назначен серьезнейший разговор с серьезнейшим клиентом, а у тебя вдруг глазки становятся отсутствующе-стеклянными, и ты резко линяешь, оставляя меня одного. Это тебе как? Что у тебя такое случилось, что ты, ничего не объяснив, просто удрал, скажи мне, пожалуйста? Просвети, если я чего-то не понимаю! Кстати, это не первый раз за последнее время! Я этого клиента потом полчаса уговаривал перенести встречу на другой день и рассказывал о тебе всякие сказки.

Олег с ужасом слушал Умиду! С ужасом!!! – он напрочь не помнил, чтобы вот так уходил из офиса, да еще тогда, когда назначена деловая встреча! Это же ЧП! Конец света!.. Что это с ним?

– Я тебе потом все объясню, ладно? – сухо проговорил он, сохраняя перед другом «лицо», хотя понятия не имел, как будет все это объяснять.

– Оч-чень надеюсь на это, оч-чень! – со злостью в голосе проговорил Умид.
– Ладно, замяли пока, во сколько встретимся?

– Я перезвоню тебе, хорошо, не злись. У меня действительно дико болит голова, сейчас проглочу таблетку, полежу немного... Ты пока сделай все, что надо для Уткура, все по высшему разряду, ладно?

– Распоряжусь, но до меня там еще менты распорядятся будут, устанавливать – самоубийство это, или что похуже, – сухо ответил Умид. – А ты давай – лечи свою голову, ликвидируй свои «странности» и звони, а лучше пошустрее приезжай в офис: сегодня в двенадцать разговор с клиентом, и если ты его опять сорвешь, то все... вряд ли в ближайшем будущем он вообще захочет иметь с нами дело. Ты понял? А значит деньги уплывают. Понял!

– Да, не ори!.. скоро буду, не прессингуй!

– Тебя не прессинговать, тебе морду бить надо! Ладно, жду.

Умид отключился.

Так... вот именно этих слов Умид Олег подспудно и ждал и боялся, потому что в последнее время сам ошущал, что с ним что-то не так. Вчера вечером, например, он почувствовал дикую, совершенно дикую усталость, поэтому решил принять контрастный душ: еле-еле разделся, печатку с пальца снимал так, как будто она весит пятьсот тонн, и в тот момент, когда, наконец, снял, – чуть не вырубился, потому что показалось, будто в голове лопнул какой-то шар, хотя какой к черту шар в голове! Но именно так показалось! Что-то ба-бах и лопнуло и даже потекло! Сунулся к зеркалу, потому что явно представилось, что глаза залиты кровью, что – еще секунда – и эта кровь потечет из носа, ушей, рта... Вгляделся

в себя, бледного и осунувшегося, но никакой крови не было, ничего не потекло, просто сразу страшно захотелось спать, так захотелось, что уже не было сил: лег и вырубился. Больше ничего и не помнит: проснулся от телефонного звонка, результатом которого была новость о самоубийстве Уткура.

«Да черт с ним с этим Уткуром! Со мной что, со мной? Ведь явно что-то не так! – накаляли голову тревожные мысли. – Взять хотя бы Риту: то кажется, что последний раз он видел ее в день их «утреннего» базара и ее непонятной истерики; то вдруг нечаянно узнает от Риткиной подруги, что оказывается он, Олег, спрятал ее! Что ему и ей надо от кого-то скрываться!»

Так... по поводу Ритки никакие мысли не выстраиваются ни в какую логическую цепочку. Ни ее бабушке, ни Кате он больше не звонил – начнут расспрашивать, а он что им скажет, если сам ни черта не понимает? Вот Рите периодически звонит, но, по всей видимости, его звонок только сотрясает воздух в пустой квартире. А ее сотка почему-то у него! Почему? На это тоже нет ответа. Идиотски непонятная ситуация: где она? И если это он ее спрятал (как уверенно утверждает Катя), то опять-таки где, зачем и от кого?

Что делать? Олег не знал – «что делать?». Его по-настоящему угнетало странное ощущение «раздвоения себя», своей личности: с одной стороны, вроде бы все нормально: он – это «он», в то же время, с другой стороны, получается, что он – вовсе «не он», что им управляет «некто», сидящий в нем, незнакомый и страшный, и черт его знает, как это все объяснить! И еще мучила тревога по поводу здоровья: с ним тоже что-то было не так, например, периодические «волны» дикой слабости, отчего? Он всегда был крепким, как бык! В жизни никогда не страдал никакими «слабостями»!

Угнетало и то, что где-то, на подсознательном уровне, он улавливал еще «не-что»... еще какие-то «волны» – раздражающие и уничтожающие его. Неужели действительно микрочастица «того яда» каким-то образом проникла в его организм и теперь медленно начинает раскручивать свою смертельную спираль! Не может быть! Ведь он был так осторожен! Сдохнуть сейчас, когда все само плывет в его руки, точнее, практически, уже «приплыло» – и фирма, и... и в скором времени миллионы! Немыслимо! Просто невысказанно! Достичь всего, о чем мечтал, чтобы сдохнуть! Идиотизм какой-то! Что-то надо делать, но что?

Совсем расклеился, в тряпку превращаюсь, – зло думал Олег, – да еще перед глазами все время возникает страшная рожа того паршивого африканского колдуна, его страшные выпученные глаза, а заодно, как змея, «выползает» и его мерзкий шепоток, гнусавящий про Мамбу – красивую Смерть... Да еще и этот странный сон... с Виктором. Сон... да, этот сон тревожит все больше и больше. Ощущение такое, что именно в нем содержатся ответы на многие вопросы, но невозможно четко вспомнить его, восстановить... В памяти осталось только одно: покойный братец что-то говорил о кольце... говорил о том, чтобы не надевать кольцо... какое кольцо? Почему не надевать? – Олег невольно глянул на свою драгоценную печатку, – ну, не об этом же! Чего ему об этом говорить, это кольцо как кольцо, никому и дела нет до того – носит он его или нет! Скорее всего, именно обручальное имел в виду! Он ведь чокнутым был на своей Елене! (Олег глянул на правую руку, на безымянном пальце которой тускло светился золотой ободок, – вчера сил не хватило, чтобы снять и его!) Какое же кольцо имел в виду Виктор? А может, и не кольцо вовсе, может, все эту галиматью я уже сам сочинил?»

– Да, Виктор, я бы снова поговорил с тобой, слышишь? – произнес он вслух. – Плохо, конечно, с покойничком беседовать, даже во сне, и, тем не менее, я бы поговорил, слышишь?

«Да я что, с ума схожу что ли! Уже покойника на разговор вызываю! – Олег резко сел на кровати и крепко растер ладонями лицо, – веду себя как истеричная суеверная баба! Так, сейчас приму душ, на который вчера не было никаких сил, выпью крепкий кофе и еще раз подумаю, спокойно и трезво оценю ситуацию, спокойно и трезво... А кольца... сниму-ка, пожалуй, и обручальное... ведь он сказал «не надевать», попробую «не надевать», никакое «не надевать», посмотрим, что будет...

Вот черт, я опять в мистику скатываюсь: покойничек советует – я делаю! Съесть можно! Хорошо, что Умид «не слышит» моих мыслей – враз бы в психушку меня пристроил! И тем не менее, сон-то ведь мне запомнился! Страшный сон, страшный тем, что казалось – не сон это, а явь! Не мог я просто так, за здорово живешь выдумать такого! Я видел Виктора, видел и говорил с ним! Мой неугомонный братец, как видно, и с того света пытается учить меня уму-разуму, чтоб ему! При жизни я его люто ненавидел за это, так он и после смерти тем же давит! Так все – стоп! Мысли шизика и идиота! Надо взять себя в руки, вот и все».

Олег резко встал и, почувствовав прежнюю силу в теле, приободрился, воспрянул духом и, решив строго контролировать все свои действия, отправился в ванную, принимать контрастный душ, однако, уже встав под горячую струю воды, вновь невольно вернулся к своим тревожным мыслям, подумав: «И все-таки, где же Ритка? Где она, черт бы ее побрал!»

Рита в своих высушенных и выглаженных вешах, но в куртке Камилы, сестры Сергея Насыровича, (или просто Сергея, как стала называть его Рита после недельного знакомства и по его просьбе) сидела на низкой лавочке в небольшом дворе бабушки Назорат. Три дня лил холодный злой дождь, но сегодня небо было синим, без единого облачка, и солнышко изо всех сил пыталось согреть озябшую землю. Пользуясь ясной погодой, Сергей повез старушку к кому-то из ее знакомых; уехали они давно, часа три назад, и она с нетерпением ждала их возвращения. Ждала, сидя на лавочке и перебирая в голове странные события, происшедшие в ее жизни за последнее время: мистика с фантастикой в детективном варианте с мафиозным уклоном: все, как это модно сейчас говорить, в одном флаконе. Не слишком ли много для простой девчонки. А тут еще, кажется, в ее приключении намечается новый любовный сюжет...

Да не «кажется» и не «намечается», а уже наметился. Еще неделю назад в ее голове сидел Олег, Олег и только Олег, а сегодня она уже сомневается в своих чувствах к нему. Нет, не просто сомневается... умерли чувства, умерли вместе с ее ребенком, которого она потеряла, – Рита со всхлипом вздохнула и, мысленно уходя от тяжелой темы, переключилась на Сергея:

«Сергей... он совсем другой, этот Сергей... совсем не такой, как Олег... не красавец, но такой... такой...» – Она никак не могла подобрать точного и полного определения своему восприятию этого удивительно милого, доброго, внимательного, корректного и еще бог знает какого прекрасного человека. Просто при одном упоминании его имени на душе у нее становилось тепло и спокойно. И чем больше она вспоминала Олега и анализировала, тем яснее ей становилось, что любила только она, а он позволял любить.

За Олега душа болит, конечно: что с ним? Что это за жуткая секта такая? Ведь закрутили его так, что он стал просто невменяемым! И это Олега-то! С его характером! Как они сумели это сделать? Ответов на эти вопросы у нее не было, но, еще раз хорошенько обдумав сложившуюся ситуацию, она решила не возвращаться пока в свою квартиру: вдруг за ее домом наблюдают и ждут, когда она,

вернется! Ведь держали же ее под замком, как в тюрьме! Ведь Олег действительно чего-то боялся, когда прятал ее в горах!

Собственно, они с Сергеем уже все обдумали, все решили: повидав бабулю, Катю и Сабину Ахматовну, Рита вместе с ним уедет в Петербург.

Сергей с Камилой с рождения живут в северной столице России. Камила замужем и живет отдельно. Холостяк Сергей живет с мамой, а в небольшой горный аул, расположенный на берегу своенравного Чаткала, и он и сестра приезжают навестить бабушку Назорат, которая наотрез отказывается переезжать как в Ташкент, к старшему сыну, так и в Петербург, к снохе и внукам (ее младший сын, отец Сергея, умер пять лет назад). Так вот, бабушка переезжать отказывается, говорит: «Здесь, в горах, родилась, здесь и помру, рядом с мужем в могилу лягу, а ваши города мне даром не нужны».

Сергею Ритка рассказала все. Вот так. Взяла и абсолютно все рассказала. Сердцем почувствовала – ему можно и нужно рассказать все, не таясь. Он слушал ее очень серьезно, не хмыкал недоверчиво и иронически, не смотрел настороженно и пытливо в глаза – не чокнутая ли? – просто внимательно слушал, а потом сказал, осторожно, как бы наощупь, подбирая слова:

– Знаешь, Рита, окружающий нас мир не прост, очень не прост... Мы мало знаем о нем, несмотря на все наши технические революции и «прорывы». Мне кажется, что иной раз мы, люди, невольно будим какие-то странные, неведомые нам силы, или по каким-то опять-таки неведомым нам причинам сталкиваемся с ними, до конца не понимая и не осознавая того, по какому краю, быть может, ходим, в какие опасные «игры» играем... Например, я никогда не возьму на себя смелость категорично утверждать, что мы – единственные разумные существа не только во вселенной, но даже на нашей старушке Земле. Люди живут в «выделенном» им измерении, как в клетке, за пределы которой ни-ни... ни одним шагом, но это не значит, что оно (это измерение то есть) единственное и неповторимое, и что рядом с ним нет в наличии других вариантов, возможно, совершенно иных, совершенно чуждых нам, людям. Я, конечно, рассуждаю об этом как дилетант, я ведь не физик, но просто я так чувствую, понимаешь, Рита. Опять-таки возможно, что есть такие люди, которые нашупали «нечто», открыли для себя это «нечто» и в какой-то степени умеют пользоваться силой этого «нечто», вот как те, которые, как ты говоришь, «из зеркала». Конечно, звучит фантастично, но как знать, возможно то, что нереально для нас, вполне реально «где-то» и для «кого-то»... за пределами нашей «клетки»...

Они еще пофилософствовали с Сергеем на эту тему, и Рита была очень благодарна ему за корректную психологическую помощь и поддержку, за то, что он поверил ей и не посчитал душевнобольной, хотя сам Риткин рассказ явно смахивал на бред. Но ведь в том-то и весь ужас, что это не бред! И уж кто-кто, а она это знает совершенно точно!

Рита тяжело вздохнула и покачала головой. – Что с ней происходит? Почему именно она оказалась замешанной в такую петрушку? Но Сергей прав: есть некие силы, с которыми не шутят. Возможно, это действительно какая-то страшная секта, члены которой владеют мастерством гипноза или зомбирования. Вывести на чистую воду подобных «мастеров» достаточно сложно, потому что рассказ о них, об их «фокусах» однозначно будет восприниматься окружающими или как дикий бред больного, или как розыгрыш: ни в одно отделение милиции с таким рассказом не придешь. Но члены подобных сект могут быть очень опасны, подтверждением чему является и странная смерть Ксюши, и неадекватное поведение Олега, за которого они по какой-то причине уцепились.

И вот тогда, когда они рассуждали обо всех этих ужасах, Сергей ей и сказал (сказал просто, без всяких «подходов» и романтических вывертов), что она ему очень нравится, что он не хочет оставлять ее одну, в столь сложном положении, а ему скоро возвращаться в Петербург, потому что отпуск кончается и... и еще... он ей сказал, что хочет на ней жениться и что никогда, ни одной женщине подобного не предлагал, да и вообще считал себя закоренелым холостяком. В «любовь с первого взгляда» никогда в жизни не верил, и вот на тебе... в тридцать четыре года на личной шкуре испытал, что такая любовь существует не только в романах и кино. И что самое интересное, Рита, сразу же ему поверила, сразу, безо всяких сомнений. У нее вообще сейчас было такое ощущение, что она всю свою жизнь любила именно Сергея, именно его черты ей хотелось видеть в Олеге, а этого не было, и тогда она выдумывала их в нем, но все впустую. И вот теперь... теперь судьба свела ее с человеком, которого подспудно жаждало ее сердце, который будет любить ее, как... как Виктор Елену. Кстати, эти, из секты, и про Елену говорили – Рита напряглась, вспоминая, – говорили... что Олег на ней женится, что они в нее тоже что-то будут «внедрять» (это слово вызывало у Ритки невольную дрожь). Значит, и она в опасности!

Ритке никогда не нравилась жена Виктора. Никогда! Холодная, высокомерная... фу! Вот пусть Олег и женится на этой... на этой «тройной» красотке, и черт с ним! Он точно такой же, как и она, вот и будут жить – «два сапога – пара». А ведь как плел ей про Елену: «Надо проведать родственницу», «Да ничего он к ней не испытывает», «Да как ей, Ритке, не стыдно ревновать!», да то, да се... постоянно врал! Правильно она ему тогда истерику закатила! А потом как подъехал! И Риточка, и милая, и боится то он и за нее и за ребенка! – Ритка подумала, вспоминая события последних дней, снова тяжело вздохнула, покачала головой и одернула саму себя:

– Не стервозничай, подруга. Может быть, и действительно боялся, не сволочь же он последняя. И, тем не менее, что-то во всей этой ситуации не так, что-то во всех действиях Олега есть фальшивое, но у нее уже нет ни сил, ни желания разбираться во всем этом. Ладно, черт с ним! И с его Ленкой тоже. Но вот что душу скребет: эти, из секты, собираются с ней что-то сделать... может быть, какой-то сатанинский опыт над ней провести, «внедрить» в нее что-то, то есть, получается, искусственно оплодотворить. Хотят, чтобы она их урода вынашивала! Точно, именно это они и имели в виду. И с ней, с Риткой, тоже хотели такое же сотворить, а она удрала, только вот ребеночка своего потеряла... по сути дела они, именно они убили ее ребеночка и Ксюху убили!

Рита почувствовала, как на глазах закипают злые слезы.

– Нет, люблю я эту Ленку или не люблю – это значения не имеет, надо ее предупредить, надо как-то помешать этим сатанистам и... – и тут Ритка представила себе, как она будет говорить ей об этом: это же опять бред получается! – Наберет ее номер телефона и скажет: «Елена, будьте осторожны, вас сатанисты, выползающие из зеркала, хотят искусственно оплодотворить». – Да разве она поверит? Просто чокнутой посчитает, вот и все! Если бы мне кто такое нес, я бы точно подумала, что из дурдома звонят! И, тем не менее, что-то надо делать! Иначе, если с этой красоткой что-нибудь случится, то так и придется жить с виной на сердце, так и будешь мучиться, что должна была сказать и не сказала. А как о таком сказать? Надо с Сергеем об этом посоветоваться – вот что! Он обязательно что-нибудь придумает...

Камила с неодобрением наблюдала за Риткой, сидевшей «на солнышке», на скамейке, в ее старой куртке. Она видела, как та что-то иногда шепчет, трет виски, покачивает головой, вздыхает.

– Нет, ну надо же, чтобы вот такое случилось! Какие девушки и женщины в Питере на Сергея заглядываются! И умницы, и красавицы, и состоятельные! Так нет, ее братец, закоренелый холостяк, вдруг влюбился! Специально за этим в горы приехал! Выловил из реки эту мокрую русалку с сиреновой гривой и влюбился! Вот и скажи теперь, что нет судьбы! Есть, есть эта самая «судьба», которая творит все, что ей вздумается! Ведь даже толком не знает: кто она, что она? Может быть, преступница какая-нибудь! Попыталась вчера с ним поговорить об этом, так что ты! Слова не скажи! Так на родную сестру цыкнул! – Камила недовольно и оскорблено фыркнула. – И ведь надо же такому быть – и бабуле она нравится! Прямо околдовала ее эта Ритка! И не думают о том, что беременна была эта девица! Ни о чем не думают! Ну, бабулька ладно, старая: ее вокруг пальца обвести – делать нечего. Но братец-то, братец! Вроде бы и образованный, и умный, и простофилей никогда не был, и серьезным всегда считался, и – на тебе – выкинул фокус! Влюбился! Привезет маме подарочек! С ума спятить можно! И ведь не скажешь ему ничего, не прикажешь: «мальчик» взрослый, самостоятельный, да еще и с характером, все равно сделает все так, как решил. Правильно в народе говорят: «Земля треснет – черт выскочит!». Вот уж точно! Только у них не из земли этот «черт» выскочил, а из реки... Вон, сидит, разговаривает сама с собой, головой качает... Может быть, вообще – чокнутая! Ну, братец, ну, отколол номер!

Камила еще раз недовольно покосилась на Ритку, ушедшую в свои трудные и тяжелые мысли, и, ничего не сказав ей, зашла в дом.

24

– Ну что ж, с Еленой вроде бы все в порядке, но глаз с нее не спускать! – тихо проговорила Клэр, на несколько дней исчезавшая куда-то (куда? – ни Джастин, ни Ло не знали и не спрашивали: у Посвященных о таком не спрашивают). – Уже три недели, как она носит драгоценный плод, и пока все в норме. Однако через месяц, а то и раньше в ее организме начнутся определенные изменения: нашему подрастающему малышу потребуется другая пища. Надо продумать, как мягко и корректно перевести Елену на нормальный для аланта рацион питания: корм животных уже будет для нее непригоден, она почувствует отвращение к грубой пище. Это очень ответственный и серьезный момент: нельзя испугать эту самку, а то она еще выкинет какой-нибудь фокус. Люди на это большие мастера! Одна уже «выкинула» – утопилась в реке! Кто бы мог подумать! Да, разум у них еще все-таки в зачаточном состоянии, они совершенно, совершенно не дорожат своей жизнью!

– Кстати, Клэр, – произнес Джастин, – было бы и правильно и хорошо заменить Риту другой самкой. Все-таки так надежнее. Ты права, люди и непредсказуемы, и порой неуправляемы. Вон Олег! Проносив кольцо больше двух недель, он не должен был даже пытаться снять его! Даже пытаться! А он снял! Снял! Такого с приручаемыми рабами не было никогда! Сейчас, правда, снова надел, но поскольку ходил без него дня три, то, практически, прервал действие заклятия! Теперь весь процесс по «приручению» идет заново! Однако где гарантия, что он снова не сорвет его с пальца? Он злой, сильный и агрессивный. Даже когда он окольцован, и я могу в любой момент приказать ему что угодно, я ощущаю его внутреннее сопротивление. По сути дела, как раб он опасен. Его можно было бы уничтожить прямо сейчас, но он необходим для Елены.

– Конечно! Поэтому ни в коем случае его не трогать! Елена должна жить в привычном для нее мире, в радости и спокойствии, в уверенности, что она носит своего ребенка!

– Ну, пока она даже и не знает о том, что беременна, – вступила в разговор Ло.

– Конечно, конечно, – кивнула головой Клэр, – ничего, через две-три недели узнает и обрадуется. Она ведь так жаждет стать матерью! Это прекрасно! Эта «жажда» поможет ей с любовью вынашивать маленького аланта! Ею займются наши врачи! Вот здесь и будет необходима помощь Олега: именно он отвезет ее в нужную клинику, объяснив, что наблюдать ее будут его знакомые – лучшие специалисты в области гинекологии. Ну, а еще через месяц тот же Олег перевезет ее в наш Подмосковный санаторий, в чудесную березовую рошу, – для поддержания здоровья... нервной системы... Правда, зимой березы в снегу, но зато и клиентов в это время года гораздо меньше, все тихо, спокойно... Вот там мы и «встретим» нашего малыша!

– Мы сохраним ей жизнь после родов? Если «да», то придется кое-что объяснить, ведь самки людей не рожают через пять месяцев!

– На первый раз можно сказать, что по какой-то причине у нее произошел выкидыш и затем использовать ее еще раз, с тем же Олегом. Впрочем, после родов эта самка уже не будет иметь для нас особого значения, тем более что еще неизвестно, как данная беременность повлияет на нее – все-таки животное оно и есть животное, пусть и разумное. Убивать мы ее, конечно, не будем, хотя бы в благодарность за ее подвиг. Дальше пусть живет, как хочет, если, повторяю, она не изменится так, что мы вынуждены будем ее уничтожить. Главное для нас не в этом... главное в том, чтобы с малышом все было хорошо, чтобы мы получили подтверждение – эксперимент удался! Вот что главное! В дальнейшем среди здоровых и сильных человеческих самок мы, я думаю, спокойно найдем таких, которые беспрекословно пойдут на данную операцию. И даже подозревая, что участвуют в каком-то запрещенном эксперименте, будут молчать. И из чувства страха за свою жизнь, и... и за деньги. За большие деньги! Будут не только молчать, но и благодарить, и умолять о том, чтобы их «не забывали». В таком случае определенное число отборных самок можно будет использовать несколько раз. Деньги в жизни людей – все! Ради этих бумажек они убивают друг друга, убивают, даже не считаясь с родственными связями: дети – родителей, брат брата... Омерзительно! В этом плане люди хуже низших животных, лишенных языка и разума. – Клэр брезгливо передернула плечами. – Вон Олег, он ведь рассказал тебе, Джастин, как избавился от родственника, верно?

– Да, – кивнул головой Джастин и тоже брезгливо поморщился, – противно было слушать. Люди еще не скоро выйдут из своего животного состояния, хотя следует отдать должное, далеко не все из них подобны Олегу. Они все очень-очень разные.

– Это верно, – согласилась Клэр, – некоторые из человеческих особей заслуживают нашего уважения и даже восхищения, не спорю. И тем не менее ими надо управлять, иначе они просто погубят мир, в котором живут. Таких, как Олег, – злых, сильных, агрессивных – среди людей достаточно много. Этот Олег, по моему, вообще ничего не боится.

– Представь себе – боится.

– И чего же?

– Какую-то Белую Мамбу – Красивую Смерть.

Ло и Клэр с удивлением взглянули на Джастина.

– Кто это? – спросила Ло.

– Не знаю, я не понял. Он, в общем-то, всегда точно и правдиво отвечает на мои вопросы, но как только я пытаюсь побольше узнать про его брата Виктора – блуждающего спирита – так он тут же испуганно бормочет про какого-то черного колдуна, который может наслать на него эту Мамбу.

– Странно, – пожалала плечами Клэр. – Ладно, оставим это, да и спирт нам больше не помеха. Прошлый раз он понял, что я не шучу, что я имею силу уничтожить его бессмертную душу.

Клэр легко поднялась из кресла, подошла к большому окну, выходящему на балкон, и несколько минут смотрела на небо. По темной с сиреневым отливом синеве расплзались в разные стороны тучи, весь день плотной завесой закрывавшие солнце, и сейчас лучи погружающегося за горизонт светила оставляли за собой по всему небесному полю красновато-желтые мазки.

«Красиво», – подумала Клэр, но, повернувшись к Джастину и Ло, вслух сказала другое:

– Ну, а на счет того, чтобы найти замену Рите... что ж, ищите, это не будет лишним. Я и Николаю дала такое же задание. Ты прав, Джастин, всегда следует подстраховаться. Ищите, и мы, повторим данную операцию еще раз... на всякий случай...

Клэр задумалась на минуту, потом с мягкой и ласковой улыбкой обратилась к Ло:

– А как ты себя чувствуешь, дорогая?

– Прекрасно!

– Береги себя! Особое внимание удели сейчас своему питанию! Ты должна использовать в пищу только самое лучшее! Только молодое и здоровое! Твои роды будем принимать мы, Посвященные. Через некоторое время улетишь в Лондон, в загородную резиденцию Лорда, в этот маленький и тихий островок мира алантов. Там для тебя сделают все, все что нужно!

– Ты будешь со мной, Клэр?

– Конечно, конечно, моя дорогая! Я, безусловно, буду с тобой! Твоя жизнь и жизнь твоего ребенка драгоценны!

В Подмоскowie же все будут контролировать Джастин и Николай. Я надеюсь, что вы справитесь? – взглянув на Джастина, Клэр вдруг, на долю секунды, ощутила странный, как бы болезненный всплеск его эмоционального состояния, который тут же был для нее «закрыт».

– Ради алантов я сделаю все, все, что в моих силах! – тихо и твердо проговорил он, с нежностью глядя на Ло и Клэр. – Надо будет – пожертвую своей жизнью.

– Своей жизнью! – живо отозвалась Клэр. – Что за странная фраза, Джастин? Пока не требуется никаких жертв! – она снова взглянула на него внимательно и остро, – или, может быть, ты знаешь о какой-то опасности, грозящей нам, и пытаешься предотвратить ее? Сам! Один!

– В этом измерении, хоть мы и живем в нем многие тысячи лет, нам всегда угрожала опасность, Клэр, всегда! Ничего не изменилось и сейчас, и ты знаешь об этом не хуже меня, верно? Этот мир опасен, люди опасны. В данной ситуации я обязан предусмотреть многое, если не все! Поэтому есть нечто, вызывающее мою тревогу...

– Например, что?

– Например... – Джастин замялся на секунду под внимательным взглядом Клэр, но тут же продолжил, – например, странное исчезновение самки Риты: нет

гарантии, что она утонула, могла и выплыть. Тогда возникает вопрос: что ее испугало, почему она решила вырваться на свободу даже ценой собственной жизни? Возможно, что-то заподозрила! Люди не глупы! Но если заподозрила и осталась жива, то она опасна! Она может вмешаться в нашу «игру» и нарушить ее!

– Да... ты прав... Но если она скрылась, ее нелегко будет обнаружить!

– Мы поищем ее, Клэр и...

– Нет, дорогая моя, нет, – Клэр повернулась к Ло и обняла ее, – ты сейчас будешь заниматься только собой и никем больше. Отдыхай, получай удовольствие от жизни – она так прекрасна! Любуйся цветами, солнцем, слушай музыку и хорошо, хорошо питайся! – Клэр нежно поцеловала гладкий мраморный лоб своей прекрасной собеседницы. – Мы справимся сами: я, Джастин и Николай. Верно, Джастин?

– Конечно, Клэр! Ло, пожалуйста, помни мою просьбу, хорошо? Не оставайся надолго в Зазеркалье, старайся сейчас как можно реже перемещаться по Тропам. Ты знаешь, что это измерение опасно и вообще неизвестно, как энергетика этого странного мира влияет на плод, на ребенка, верно Клэр?

– Конечно. Сейчас вообще любой риск следует свести к нулю. Джастин прав. Ты будешь послушной девочкой, моя дорогая?

– Постараюсь, – засмеялась Ло, – мне, конечно, очень приятно, что вы так любите и оберегаете меня, но я уже давно не беспомощное дитя! Да и чувствую я себя прекрасно! Просто прекрасно! – Резво вскочив с дивана, на котором она сидела рядом с Джастином, Ло плавно и красиво закружилась по комнате. – Давайте лучше выйдем на балкон и полюбуемся этим чудесным закатом – такая прелесть!

– Иди, милая, иди, полюбуйся, а мы еще немного пошепчемся с Джастином, хорошо?

Ло кивнула своей очаровательной головкой, нежно коснулась щеки Клэр рукой и вышла на балкон.

Перестав улыбаться, Клэр серьезно и строго посмотрела на Джастина.

– С тобой что-то происходит, верно? Я это чувствую: ты в беде, но скрываешь это от меня. Ты хочешь решить проблему сам, не перекладывая ее на другие плечи. Я не требую от тебя ответа, милый. Аланты свободны в своих мыслях, действиях и поступках, но... дай мне слово: если только почувствуешь, что не справляешься с ситуацией, ты мне об этом тут же скажешь. Хорошо? Ты меня позовешь!

– Да, Клэр, будь уверена в этом... позову.

Рита ночевала у Кимули, и они проговорили почти всю ночь: перво-наперво, конечно, вспомнили Ксюшу и взгрустнули, и всплакнули, и помянули свою подружку добрым словом. Ну, а потом разговорились о жизни вообще: так многое надо было рассказать друг другу, так многим поделиться. Катя слушала Риткин рассказ, в буквальном смысле слова разинув рот, и никак не могла понять – верить или не верить сюжету, столь круто заквашенному на мистике с бурным переходом (причем, в самом прямом смысле, учитывая бешеный нрав Чаткала) в любовно-авантюрный роман.

На сегодняшний день ее подруга, не так давно умиравшая от страстных чувств к Олегу, даже не расстроилась, узнав от Кати о том, что он женился. Правда, на минуту запнулась, глянула удивленно, между бровями пролегла темная тучка, но тут же растаяла.

– Вот и хорошо, – подвела она итог и тут же переключилась на «очевидное невероятное» в своей жизни, закончив удивительный рассказ тем, что влюблена

(теперь уже по-настоящему!), что собралась замуж за Сергея, того самого Сергея, который ее сегодня к Кате и привез. Поведала, что уже перезнакомилась со всей его родней – и «горной», и ташкентской (чудесные люди!), теперь вот с петербургской знакомиться поедет.

Кстати, сам Сергей Кимале очень понравился: вчера, когда он привез к ней Риту, они весь вечер за чаем разговоры разговаривали. Душа к нему легла, не то что к Олегу, так что в новую любовь подруги она поверила сразу, но как поверить во все остальное?

Страшная секта, члены которой пьют людскую кровь, подчинила себе Олега, превратив его в самого настоящего зомби (!). Эти сектанты появляются из зеркал (!). Именно они убили Ксюху! Или ее подруга действительно умом тронулась, или на самом деле Олег каким-то образом попал в лапы некой страшной секты, которая решила затянуть в свое болото и Ритку, и Елену, то есть двух женщин, с которыми он так или иначе связан.

Катя и читала книги, и смотрела документальные фильмы, в которых рассказывалось о различных сектах, откровенно демонстрирующих свое поклонение сатане. Деятельность этих организаций, действительно, разрушающая и страшная, но в основном под их влияние попадают либо подростки, либо люди с ушербной психикой, внушаемые, слабые духовно. По крайней мере, Катя поняла это именно так, и была искренне уверена в том, что ни один здравомыслящий человек никогда в жизни не свяжется с подобной дребеденью. Но... ни Рита не производила впечатление слабой духовно и «внушаемой», ни уж тем паче Олег с его авторитарностью, цинизмом и жестким характером. Как такого можно было подчинить и зазомбировать! С другой стороны, чего только в жизни не бывает.

Катя посмотрела на тихо посапывающую Ритку: сама она никак не могла уснуть после весьма впечатляющего рассказа подруги. – Интересно, и чего эти сектанты к Ритке-то прицепились, зачем она-то им сдалась? Хотя, почему «зачем?»: у Ритки есть квартира – это уже деньги, а Олег, не миллионер, конечно, но и далеко не беден. Секты любят подчинять себе тех, у кого денюжки водятся (эту информацию Катя тоже получила из книг и фильмов). Да... дела... ну надо же вот так вдрыпаться! Захочешь такое приключение себе придумать – не придумаешь! Теперь Рита еще и за Елену переживает. Она хоть и терпеть ее не может, но считает, что должна как-то предупредить эту женщину. Ну, что ж... это правильно, чтобы на совести спокойно было, чтобы жена Олега все-таки знала об этой секте и о том, во что ее муженек замешан. Только вот как это сделать-то? Рассказ обо всех этих заморочках выглядит уж очень бредовым! Ритка и сама это понимает, потому и не знает к кому за помощью кинуться. Вот, и уговорила к гадалке съездить.

Перед мысленным взором Кати выплыло лицо этой самой гадалки – Анфисы Афанасьевны. Странная женщина, действительно ведьма, не внешне – внутренне ведьма. Она и сама себя, ничуть не смущаясь, так и называет – «ведьма», да еще и спокойно объясняет, что является таковой уже «в пятом поколении их рода по женской линии». И вообще, слово «ведьма» происходит от глагола «ведать», то есть «знать». «Каждый бы хотел «знать», но не каждому дано... поэтому те, кому действительно «дано» – Избранные», – так она тогда им сказала.

Эта женщина вообще спокойно и доброжелательно отвечала на все вопросы, вызванные неумным Каткиным любопытством, при этом рассказывая совершенно немыслимые вещи. Например, на вопрос, – каким же образом ее прародительница получила столь необыкновенный дар? – она ответила целой историей, которую и Кимале и ее знакомая слушали так внимательно, что, казалось, уши встали торчком и превратились в чуткие локаторы.

У прапрабабки Анфисы Афанасьевны тяжело заболел единственный и горячо любимый сын. Что только не делала бедная женщина, чем только не лечила свое дитя – все бестолку. Отчаявшись, отправилась она в лесную глухомань, где одиноко, в древней, заросшей мхом избе, жила колдунья.

Об этой старухе знала вся деревня. Боялись ее деревенские до дрожи, до молитвы-оберега, но все-таки, в особых случаях, за помощью обращались именно к ней. Собственно, никакого вреда они от этой бабки не видели, напротив, она выручала в ситуациях, которые казались совершенно безнадежными. Тем не менее, ходили к ней только в том случае, когда уж совсем деваться было некуда, потому как знали – водится за ней разное: умеет она и в кошку обернуться, и в лису, и в свинью, и по кладбищу по ночам бродит, и живет одна, в глухомани, возле Мертвой топи, за которой испокон века недобрая слава ходит. Одним словом – нечистая и с нечистым знается. К такой просто так не пойдешь, только по большой нужде, только совсем уж отчаявшись. Вот к ней и отправилась прапродительница Анфиса искать помощи.

Пришла, а бабка на кровати лежит, тяжело стонет, помирать собралась, а помереть никак не может. Третий день мучается. Глянула она на свою испуганную насмерть гостью и прохрипела:

– Знаю, зачем пришла. Сын твой здоров будет, не умрет, но за это ты мне службу сослужишь. Помирать мне пора, а уйти не могу, пока дар свой кому-нибудь не передам. Нельзя этот дар туда забрать. Измучилась вся. Тебя судьба привела, вот тебе и передам. Да ты не трясись, не трясись... не бойся... это действительно дар, а уж как ты им распорядишься – хорошо ли, плохо ли – на то твоя воля, за то потом сама и ответишь. Умирать будешь – сыну не передавай, передашь дочери.

– Так нет у меня дочери-то, нет... – еле выговорила онемевшая от страха женщина.

– Будет. Ей и передашь. И так будет в твоём роду из поколения в поколение, только по женской линии, до пятого колена, а там так же вот... по другой колее пустите...

Старуха зашлась в тяжелом сотрясающем все ее высохшее тело кашле.

Женщина хотела убежать, но ноги как приросли, как чужие стали, да и мысль об умирающем сыне тоже крепко держала.

Откашлявшись, старуха прохрипела:

– Если согласна, подойди и дай руку, если нет, немедленно уходи прочь, но знай: сегодня же в ночь твой сын умрет. Только я сумею отогнать от него смерть.

На что только не пойдешь ради любимого дитяти! На все пойдешь. Так моя прапрабабка свой дар и получила. Сын выздоровел, а она потом дочь родила – все как старуха ей наговорила. Правда, теперь ее в деревне чурались, но не столь сильно, как лесную колдунью. В глаза знахаркой называли, а за глаза – шепотом – рассказывали, как она этот свой «целительный дар» получила. Так с тех пор и ведется: все в нашем роду ведьмы по женской линии – кто посильнее, кто послабее, но злomu делу никогда не служили: на смерть никого не заговаривали, мужей от жен не уводили, скотину по дворам не портили.

Анфиса Афанасьевна замолчала, а Катька опять не утерпела:

– А как вы здесь, в Ташкенте-то оказались, коли ваши предки в России жили?

– Мама моя сюда переехала, здесь замуж вышла, – буднично ответила ведьма Анфиса Афанасьевна, – тут сейчас и живу, но в скором времени мой путь снова в Россию лежит, только не одна я отсюда уеду, а с ценным приобретением...

С каким приобретением, Катерина уточнять не стала, другое спросила:

– А вы не только гадать умеете, но и лечить?

– Конечно, настоящие ведуньи прежде всего лечат. В этом их прямое назначение.

– А как вы видите, что человек болен?

– Настраиваюсь, сосредотачиваюсь, смотрю на человека и вижу. Не могу объяснить тебе, как. Он как бы просвечивать начинает что ли: здоровые органы – светлые, чистые, а где хворь сосредоточена, там серое, или темное, или уж совсем черное. Когда черное – это плохо. Вот так и вижу.

– И что потом? – это уже Катина знакомая «ожила», голос подала.

– Потом лечу, хворь эту из тела изгоняю. Правда, иногда уже и изгнать нельзя, когда сильно запущено, и такое бывает.

Вроде бы и по-доброму обо всем Анфиса Афанасьевна рассказывала, а сердце замирало, по спине, гусеницей, холодок проползал. И глаза ее, как омут, затягивали.

Катя была у этой гадалки только один раз, и если бы не идиотское Риткино положение, то в жизни бы больше не пошла, потому что есть что-то в этой Анфисе Афанасьевне тревожащее, давящее... в глазах, словах, жестах, даже в усмешке ее полных и бескровных губ. Есть в ней что-то запретное, и когда общаешься с ней, чувствуешь, что и сам переступаешь «черту», касаешься этого «запретного» – и любопытно до страсти, и страшно до дрожи, и понимаешь, что, гадая, совершаешь грех, радуя ее ведьминскую душу, и остановиться не можешь.

Катя поехала от своих воспоминаний и плотнее подоткнула под себя одеяло: ей вдруг ярко представилось, как полная холеная рука с пальцами, униженными странными перстнями, проскальзывает под одеяло, гладит ее ногу, скользит холодными пальцами по коже и... и вдруг впивается в нее ногтями! Брр! – Катерину аж передернуло всю. «Что только в голову не лезет!», – подумала она.

– Да... не поехала бы она к этой чертовой Анфисе Афанасьевне, ни за что бы не поехала, но из-за Ритки придется, потому что в такую ситуацию ее подруга вляпалась! Только к Анфисе за помощью и обращаться! Гадает-то эта «ведьма в пятом поколении» так, что жутко становится: все говорит, все – и что было, и что будет, и чем дело кончится... По крайней мере ей, Катке, она тогда все правильно сказала.

Вот интересно, что Рите скажет? Да... еще утром надо будет съездить на ее квартиру и найти там фотографию Елены (сама Рита пока боится появляться у себя дома, из-за сектантов боится). А фотография нужна, потому что из-за Елены, в основном, они к этой ведьме-то и едут.

По оконному стеклу хлестнул ветер, и забарабанили капли дождя. Засыпая, Катя вслушивалась в тревожно волнующие звуки осенней ночи. Вчера вечером вроде бы и тучи разошлись, и закат был такой красивый, а сейчас – снова дождь. Ну, да... на завтра похолодание обещали, даже вроде снег, – веки тяжелели, закрывались, а в голове медленно, как снежинки, кружились сонные мысли...

25

Резко похолодало. Мелкий злой дождь, начавшийся еще ночью, днем перешел в мокрый снег. Ветер вел себя как распоясавшийся хулиган: налетал резкими порывами, бросал в лицо колкие и липкие снежные крупинки, нахально забирался за воротник, шипал нос, щеки, руки людей, торопливо бегущих по улицам города.

Дни стали совсем короткими: семь часов вечера, а за окнами – темно. А уж когда небо задернуто тяжелым серым занавесом низко плывущих туч, то даже

фонари и яркие рекламные огни не справляются с навалившейся на город темнотой.

Елена сидела у своей подруги Сабины, которая, накормив ее вкусным ароматным пловом, поила душистым горячим чаем. За чаем и велась неторопливая беседа.

Бабушка, мать Гафура, отправилась смотреть по телевизору очередной сериал, а Анвар с Рустамом засели за компьютер – Елена принесла им новую игру. Сабина поворчала по этому поводу, потому что дома из-за компьютера с сыновьями велись постоянные «войны».

– Вот зря ты им, Лена, эту дорогую игру купила, зря! Ты знаешь, как мы из-за этого компьютера воюем? Жуть как воюем! С одной стороны, и осваивать они его должны – сейчас век такой, компьютерный, никуда не денешься; с другой стороны, дай им волю, так они с утра до вечера за ним сидеть будут. Про все на свете забудут, про уроки так в первую очередь! Уже и отец ругается, и бабушка, но если только эти орлы дома, а нас с Гафуром еще нет, они тут же усаживаются играть в свои «стрелялки». Сил моих уже нет бороться с ними!

– Может быть, как-то прийти с мальчишками к обоюдному соглашению? – улыбнулась Елена, – ну... например, подписать договор, регламентирующий компьютерное время? Не пробовала такой вариант?

– Договор... – с иронией в голосе произнесла Сабина, – договор подписать, конечно, можно... и запреты, и ограничения в него разные внести тоже можно, и подпишут они его с удовольствием (это же, как игра!), но кто будет контролирующей стороной? Я чаще всего ухожу утром и прихожу вечером, про Гафура и говорить нечего – у него вообще ненормированный рабочий день. Ну и кто их будет «пасти» с этим договором?

– Бабушка. Она ведь у вас, в основном, дома, правильно?

– Правильно-то правильно, но бабушка как засядет свои любимые сериалы смотреть, так и весь контроль коту под хвост! Ох, и любит она эти сериалы! Сама их постоянно критикует, но чтобы пропустить очередной фильм – никогда! Было дело: у нас телевизор сломался, так она четыре дня подряд к соседке на эти сериалы ходила, как на работу, четко, без опоздания! А та ее с нетерпением ждала, по телефону напоминала время. А то как же! Не дай бог там, в этом сериале, какой-то момент пропустить – небо рухнет! А потом они еще по телефону всем героям косточки перемоют, по поводу всех разыгравшихся страстей поохают, поохают. Так что бабушка у нас «контролер» ненадежный. Вот так! А тут ты еще крутую «стрелялку» принесла!

– Да ладно тебе, Сабиша, не ворчи! Я сама с мальчишками поговорю и...

– И я буду крайне удивлена, если твои разговоры-переговоры дадут положительный результат. Ладно уж, сама как-нибудь разберусь.

Они помолчали, вглядываясь в темноту за окнами, где хозяйничала то ли поздняя осень, то ли ранняя зима.

– Мерзкая погода, – вздохнула Елена, – а Олег так любит быструю езду! Уже не раз с ним по этому поводу ссорились. Что за манера – летать по улицам! – тем более сейчас: дороги скользкие, видимость плохая, но этот «скоростной» мужчина...

– О, я думаю, все мужчины «скоростные»! Мой тоже предпочитает «летать», оправдываясь тем, что очень занят, что все время куда-то торопится.

– Вот-вот, и мой все время торопится. Сейчас позвоню, узнаю, во сколько за мной заедет, а то если у него дела, так я сама... на такси... а то уж засиделась у тебя, надоела небось.

– Лен, не говори глупостей!

– Да нет... пора... и погода вон какая мерзкая!

– Лен, ты счастлива? – вопрос прозвучал неожиданно. Возникла напряженная пауза.

– Да... не знаю...

– Между «да» и «не знаю» – пропасть.

– Да... действительно пропасть... но... но я действительно не знаю. – Елена отхлебнула чай и, поставив пиалу на стол, стала вертеть ее своими красивыми тонкими пальцами. – Жаловаться мне не на что: Олег – прекрасный муж, внимательный, заботливый. Мой страх одиночества, страх пустого дома... – Елена замялась на секунду, как бы проверяя свои ощущения, – вроде бы прошел... вроде бы все спокойно... все хорошо, но... но если быть до конца честной, то следует признаться, что... что я не люблю Олега. – Елена коротко взглянула на Сабину и, опустив глаза, снова уставилась на пиалу. – Не люблю. Любила и люблю Виктора, а Олега... уважаю... Сейчас очень и очень уважаю, но не люблю.

Помолчав, добавила:

Он, действительно, очень изменился: это уже не злой и нахальный парнишка, досаждавший Виктору своими выходками. Сейчас он другой: не просто взрослый и самостоятельный мужчина, но добрый, а для меня это главное. У него есть сердце, он умеет любить и сопереживать. Если бы ты только знала, как он расстроился, узнав о смерти Уткура Рашидовича! Я сама-то до сих пор прийти в себя не могу от этого ужасного известия! Умный, здоровый, сильный мужчина, имеющий прекрасную семью, успешный бизнес и вдруг – самоубийство! Какая-то дикая нелепость!

– Да, Лена, иной раз жизнь бывает щедрa на такие «нелепости». Ты вот говоришь про своего знакомого, Уткура, а у меня перед глазами стоит моя студентка, Оксана... Ее страшная и необъяснимая смерть тоже попадает под разряд «дикий нелепости»! А в результате этой «нелепости» ее мать тронулась умом, а отец, сорокапятiletний мужчина, превратился в старика.

– Ужас! Сабиша, давай сменим тему разговора итак на душе муторно...

Сабина внимательно посмотрела на подругу и тихо спросила:

– Ну почему муторно-то, Лен?

– Ты задала вопрос – люблю я Олега или не люблю? Я сама этим все время мучаюсь, ощущая свою вину перед ним. Это очень сильно на меня давит, понимаешь? Очень! Он любит! Я это чувствую, знаю, а мне иной раз даже неловко от этой его любви, его заботы... Я-то, получается, лгу человеку! Лгу! А с ложью жить... Ох! тяжело жить с ложью!

– Лена, не искушай судьбу и перестань накручивать саму себя! Я и вопрос тебе этот задала, потому что вижу – ты опять чем-то маешься. Что у тебя за характер такой! Сейчас рядом с тобой мужчина – красивый, сильный, любящий тебя – разве этого мало?! Дай бог, ты забеременеешь и тогда...

– Да, Сабина, милая, дай бог! Может быть, я из-за этого и нервничаю, потому что если и с Олегом у меня ничего не получится, то тогда... – голос Елены дрогнул, – тогда...

– Никаких «тогда»! И вообще, давай ты выбросишь из головы все свои мрачные мысли! Что за пессимизм! Что это за настрой такой, а! Все сложится и все будет! Перестань заниматься самоедством! Поняла!

– Поняла, поняла, не буду. – Елена улыбнулась и тряхнула головой. – Ты права, нечего ныть. За мной это водится.

– Это точно! И от этого надо избавляться! Человек должен уметь радоваться жизни, тогда и жизнь ему будет улыбаться почаще!

– Убедила, убедила... Сейчас позвоню Олегу и начну радоваться жизни, а потом помогу тебе убрать со стола.

– Еще чего! Без вашей помощи обойдемся, Елена Михайловна! Не хватало еще, чтобы гости у меня посуду мыли!

Елена весело улыбнулась подруге и снова с тревогой взглянула на окно, за которым уже всюду бушевала непогода.

Если бы она только знала, что именно в этот момент о ней думал, решая ее судьбу, алант, существо во многом отличное от человека и чуждое ему, Избранный, которого Елена знала как обаятельного иностранца, англичанина Джастина.

– И когда она сойдет с Тропы? Почему ты не можешь сделать этого прямо сейчас? Ты ведь хочешь получить назад Свою Часть?

Джастин не видел Богини. В его голове звучал только ее голос. Она рассыпалась, расплылась, растеклась... Она клубилась блеклым туманом, принимая самые разнообразные фантастические формы. Это раздражало, усиливало ощущение полной беззащитности перед этим странным безликим и в то же время бесконечно многоликим существом.

– Нет, еще не время, надо еще немного подождать...

– Почему? Зачем? Ведь твоя самка беременна? Я хорошо изучила и людей, и вас, алантов. Внутри ваших самок появляется Часть, которая растет и затем покидает самку и существует самостоятельно. Правильно?

Джастин не ответил. Его всегда страшно оскорбляло то, что Зеркальная ставит алантов на одну ступень с людьми! Изучила она!

– Да, именно изучила, вдруг жестко «проговорила» Богиня, видимо, услышавшая злые мысли Джастина. – Моя Часть будет расти вместе с Частью твоей самки. Так положено в вашем мире. Но Моя Часть сильная, она растет быстро и быстро покинет твою самку. Приведи ее ко мне! Ты дал клятву!

Джастин с ужасом слушал Богиню! Ее часть растет быстро! Ее часть просто уничтожит Ло и их ребенка! Быстро!

Сейчас ему надо быстро соображать, чтобы как-то протянуть время и постараться что-нибудь придумать, чтобы спасти и Тану и Ло!

– Почему ты молчишь? Почему блокируешь поток своих мыслей? Ты помнишь, что дал клятву?

– Да! И незачем об этом напоминать! – раздраженно ответил Джастин. – Дело в том, что... плод в самке аланта... – произнеся эту фразу, он внутренне содрогнулся и замолчал: это ведь надо – алантку называть «самкой», как будто она – человеческое существо, животное!

– Я не поняла твоей мысли! Так что «плод в самке аланта»?

– Плод должен окрепнуть, должен подрасти, на это необходимо время, иначе ты просто погубишь и самку и Свою Часть. Ты ведь не хочешь этого? Верно?

Недоверие. Напряженное и зловещее молчание. И вдруг все вокруг Джастина пришло в движение: клубы «тумана», серебристые нити, зеркальные капли, непонятные появляющиеся и исчезающие формы, фигуры – все слилось, смазлось, завертелось, закружилось... сначала медленно, потом все быстрее, быстрее и быстрее, закручиваясь, сливаясь, превращаясь в бешено вращающуюся воронку, в самом центре которой он – Джастин, – онемевшая от ужаса неподвижная «кукла».

Внутри «куклы» «вопит» и рвется к спасению внутреннее «я», подстегиваемое инстинктом выживания, а тело парализовано – пальцем не пошевелить. В

голове все кувыркается, плывет. Веки становятся непомерно тяжелыми, закрываются, размазываются по лицу так же, как размазываются брови, нос, губы... Все размазывается, растворяется, исчезает... Конеч. Неужели это конец? Безумный страх поглощает Джастина! Конеч! Богиня высасывает из него жизнь, и он ничего, ничего не может сделать! Сейчас эта жуткая «воронка» сомкнется, захлопнется и... все. Он превратится в «ничто». Станет вечным призраком этого мертвого мира...

Вдруг так же внезапно, как началось, все кончилось, остановилось, замерло. Джастин почувствовал, как к нему возвращается жизнь... Медленно, с трудом разлепил «склеенные» веки, осмотрелся – никакой воронки. Вокруг него польхал удивительными красками прекрасный сад: деревья, кусты, клумбы с потрясающе красивыми цветами... Безобразными цветами! Искусственный мир! Мертвое великолепие! Нет, не мертвое – в мертвом есть отголосок живого! А здесь – мираж, пустота, ничто...

Состояние отвращения! До тошноты омерзительен вид этого «роскошного» несуществующего сада! Что за игры затеяла Богиня? К чему все эти декорации? Показать ему, до какой степени он в ее власти? Так он и сам это знает, без ее дешевых фокусов. Прекрасно понимает, что если она захочет, то в секунду превратит его в «ничто», высосав из него энергию – эликсир жизни – а потом переплотит это «ничто» в «нечто», в вечно скитающийся призрак того, что когда-то было алантом. И заставит это «нечто» бродить по призрачному саду в призрачном мире...

– Ты хочешь жить, верно? – в голове Джастина снова зазвучал, лишенный каких бы то ни было эмоций, безликий голос Богини – Твоя Часть, Тана, тоже хочет жить. Постарайся как можно быстрее прислать мне беременную самку, иначе и ты, и Тана станете одним из украшений моего чудесного мира... – и после паузы добавила, – это ты правильно понял.

И тут же Она вышвырнула его к Тропе. Собрав все силы, Джастин стремительно нырнул в голубоватый сумрак бесконечного тоннеля и, ощутив успокаивающую защиту неприступных «стен», на предельной скорости помчался к «своему» зеркалу, в «свою» комнату. Опустошенный и обессиленный, вырвался из зеркального «мира» огляделся: в квартире никого – ни Клэр, ни Ло... Это удача, иначе было бы не избежать тревожных вопросов, а это ему сейчас ни к чему. Надо прийти в себя...

Вышел на балкон: мрак осеннего вечера... низкие грязные тучи... злой ветер, моментально вцепившийся в волосы, проскользнувший за ворот рубашки, в рукава... колющие лицо и руки иглы то ли холодного дождя, то ли мокрого снега – не понять!

– Хорошо! Как хорошо! Как прекрасен этот живой, трепещущий, осязаемый мир! Мир алантов и людей.

Внезапно Джастин удивился тому, что сейчас, мысленно, поставил людей рядом с алантами. Разделил с животными обладание этим прекрасным миром! Нахмурился – странная мысль. Вновь вернулся к этой «странной мысли», «продегустировал» ее еще раз: все верно, все именно так, как невольно подумалось. Тысячелетиями они сосуществуют рядом, потому и получается, что это действительно их мир, исчезновение которого будет означать смерть как для высших существ – алантов, так и для низших – людей. Подумалось и еще об одном, не очень приятном: эти «низшие существа» совершенно спокойно могут жить без алантов, о существовании которых они и не подозревают, ну разве что рассказывают друг другу жуткие сказки о вампирах.

Нелепое слово вызвало у Джастина презрительную усмешку, которая, однако, тут же погасла, припорошенная неудобными мыслями о том, что аланты, Избранные, не могут существовать без людей. Для вечной жизни и вечной молодости им необходима энергетика именно человеческой крови. Собственно, так же, как людям необходимы мясо и кровь низших животных. Так устроена вся вселенная: один поедает другого. Это закон. Люди – пища алантов.

С другой стороны, Избранные никогда не истребляли людей! Напротив, в золотой век Атлантиды они мудро управляли жизнью этих разумных животных: старались, чтобы они были крепкими и здоровыми, следили за их численностью. А уж к человеческим детям вообще всегда было особое отношение: только будучи в самом отчаянном положении алант мог «использовать» ребенка.

– Да... люди – неотъемлемая часть нашего существования, – констатировал Джастин. – Это истина. И не нами это придумано, это мудрая пирамида жизни Великого Космоса.

У человеческих особей, называющих себя «русскими», есть уникальная игрушка – матрешка. Осознанно ли (прозрением гениального мастера), или по наитию, но она устроена по подобию Бесконечной Вселенной: великое замыкает в себе малое, большее поглощает меньшее, кто-то стоит над кем-то, кто-то питается кем-то... и так до бесконечности.

Многие века Джастин был твердо уверен в том, что над алантами стоят только Великие Боги Алантов, Боги Защищающие, Боги, подарившие алантам и этот мир, и пищу в этом мире – людей. Он был твердо уверен в том, что Избранные – неуязвимы, что они, практически, верхушка пирамиды, самая большая матрешка, и нет никого, кто бы мог относиться к ним как к пище.

Оказывается есть.

Посвященные давно проложили Тропы в Зазеркалье, понимая при этом, что Богиня этого странного измерения – существо непонятное и опасное; но до конца не поняли – насколько опасное! Они даже не предполагали, что могут являться ее пищей, что она – следующая «часть матрешки», которая, как капкан, может поглотить их и захлопнуться. Навсегда!

Однако, даже не осознавая еще до конца всей опасности перемещений в загадочном Зазеркалье, Посвященные запретили алантам покидать Тропы. Запреты нарушались, редко, очень редко, но нарушались (в своем любопытстве аланты мало чем отличались от людей). Иногда все проходило удачно, иногда...

Сейчас Джастин был единственным среди «своих», по-настоящему осознавшим всю серьезность этого нарушения, поскольку именно он напрямую столкнулся с «великой и ужасной» Богиней Зазеркалья, существом – страшным, бездушным, вечно голодным, – для которого они, аланты, – только пища. И все. И не больше. Холодная «логика матрешки». В действии! Люди стоят над низшими бессловесными существами – животными, аланты над людьми, а над алантами... нет! – Джастин потряс головой, – нет, только не это! Только не такой вариант «матрешки», потому что название этому «варианту» – смерть!

Алант тяжело вздохнул: м-да... думал спасти Тану, в результате поставил под угрозу исчезновения и жизнь алантов, и жизнь людей, и существование всего этого прекрасного мира с теплым названием Земля.

Так что же решила эта мерзкая Богиня? – вернулся Джастин к своей неразрешимой проблеме. – Изучив людей и алантов, эта тварь пришла к выводу, что ее часть, применимо к этому измерению, сможет выжить и развиваться только вместе с плодом беременной «самки аланта» (он брезгливо скривил губы). С людьми ее эксперимент не удался. Слабые существа!

Джастин смахнул с лица мокрые крупинки и вернулся в комнату. С неприятно глянув на зеркало, сел в кресло, откинул голову, прикрыл глаза. Его силы восстановились, он по-настоящему пришел в себя после той жуткой круговерти, которую ему устроила многоликая Богиня. Мерзкое, страшное существо! Нет, нельзя, нельзя отдавать ей это измерение, нельзя позволить ей превратить чудесный холодный ветер и колкий ледяной дождь в мираж, в мертвые декорации!

Есть один вариант выхода из этой жуткой ситуации, есть... Это – Елена. Надо протянуть время, надо, чтобы развился плод в утробе этой самки, и тогда... тогда энергетика ее тела, получив дополнительный импульс, станет подобна энергетике алантов. «Попробовав» ее, Богиня вряд ли заподозрит подмену, а поскольку внешность для нее ничего не значит, то она не отличит Елену от Ло. Для нее главное – заполучить беременную «самку» аланта. Тогда состоится обмен: Джастин получит Тану, отдаст Елену, и тогда исчезнет связывающая их клятва. И все. И после этого за Тропу – ни ногой! И обязательно довести все «это» до сведения алантов!

Правильно, но... Всегда есть проклятое «но». Но в этой «игре» Елена обречена, а вместе с ней обречен и драгоценный плод в ее чреве. Ради спасения себя и Таны Джастину придется сорвать важный эксперимент и погубить свое неродившееся дитя. Погубить маленького аланта!

Сама мысль об этом была просто невыносима! Отвратительна!

Кроме того, ему почему-то было жаль эту человеческую самку, Елену, по отношению к которой они, аланты, выступили в роли жестокой Богини.

Джастин снова удивился своим мыслям: он стал странно воспринимать людей. Невольное сравнение действий алантов с действиями Богини неприятно резануло, показалось неуместным, и он тут же разрушил его.

– Нет, мы не жестокие монстры: если Елена родит маленького аланта, ей сохранят жизнь. Пусть живет, живет, как хочет и потом рождает свое, человеческое дитя. Мы только ищем способ продления рода, но никак не ставим цели уничтожения людей! Нет, нет, нас никак нельзя даже близко сравнивать с этой жадной, всепожирающей тварью! Мы, по-своему, даже любим людей...

И тем не менее он понимал: действует, действует мудрый, но и жестокий закон «матрешки»: великое замыкает в себе малое, сильный поглощает слабого. И если Богиня, этот бездушный монстр загадочного Зазеркалья, разберет и соберет «матрешку» по своему разумению, случится непоправимое. Страшно даже представить себе, что случится!

Обдумав все это, Джастин принял решение: защищая алантов, защищая своих еще неродившихся детей – и в чреве Избранной, и в чреве человеческой самки, – он сойдет с Тропы, чтобы уже никогда больше не возвращаться в этот мир, чтобы закрыть Путь к разрушению и смерти.

Ему не удалось переиграть Богиню. Он и Тана обречены. В данной ситуации к такому решению пришла бы и мудрая Клэр, но он не будет ей сейчас ничего рассказывать, не будет терзать ее сердце ни принятием тяжелого решения, ни тягостным расставанием. В его распоряжении недели две, максимум три. За это время надо срочно найти замену исчезнувшей самке Рите и постараться до конца приручить трудно управляемого Олега.

Его партнер по бизнесу, некто Уткур, устранен. Теперь Олег – глава фирмы. Недели через две-три он продаст ее (рабам деньги ни к чему) и внесет солидную сумму на счет леди Клэр Морис.

Живя в мире людей, аланты вынуждены играть по их правилам. Они умеют находить деньги, которые являются и их силой и их защитой от жадных и жестоких человеческих особей, преклоняющихся только перед теми, кто богат.

И все. Это будет его последняя помощь алантам. Потом он просто уйдет, а Клэр... Клэр все поймет из его «специального завешания», поймет, простит и примет должные меры. Запрет Посвященных надо выполнять в точности: с Тропы не сходить! С Богиней Зазеркалья никаких контактов не иметь!

Джастин вздохнул и постарался расслабиться. Сейчас... сейчас он окунется в эту ночь, в эту великолепную непогоду. Это музыка жизни – чудесная и неповторимая! Как она потрясающе прекрасна! Он будет охотиться, он будет жарко ласкать и Ло и Клэр, он будет слушать биение сердец своих малышек и в чреве Избранной и в чреве Елены, а когда наступит срок, он исчезнет в этом проклятом зеркале. Навсегда. Другого выхода у него просто нет.

Джастин снова глубоко вздохнул, подводя итог своим трудным размышлениям: все правильно, все продумано, все расставлено по местам... Тогда почему же так беспокойно на душе? Почему где-то «внутри» сидит заноза, которая называется «ошибкой». Что не так? Что он упустил из виду? Что-то ведь явно упустил... Знать бы только, что?

26

Рита второй день ходила на занятия в университет: надо было не только «отметиться» у преподавателей, напомнив им о своем существовании в природе, но и решить в деканате сложную проблему о предоставлении ей свободного графика посещения занятий и допуска к сдаче экзаменов как зимней, так и итоговой, летней сессии. К решению ее проблемы подключился и Сергей, за что она была ему бесконечно благодарна. После всего, что с ней произошло, она боялась остаться и в своей квартире, и в своем городе.

Рита сидела на лекции, но её мысли были далеко. Она находилась в трудном положении: ей нужен был совет, нужна была помощь, необходимо было как-то разрулить ту странную и опасную ситуацию, в которой она оказалась. Без помощи Сабины Ахматовны не обойтись: во-первых, потому что ей не хотелось терять университет (и здесь помощь куратора была незаменима), а во-вторых, потому что после посещения Кимулиной ведьмы (воспоминания из разряда незабываемых!) необходимо было что-то делать с Еленой.

У Риты не было никакого желания общаться ни с новоиспеченной женой Олега, ни тем паче с самим Олегом, в то же время надо было как-то передать по назначению тревожное пророчество гадалки. Вот здесь она и рассчитывала на помощь Сабины Ахматовны, которая знала Елену. По крайней мере, Рита дважды видела их вместе: может быть, они дружили, может быть, были просто хорошими знакомыми, сейчас это не имело особого значения. А имело значение то, поверит куратор Рите или нет (хоть бы поверила!), и если поверит, то чтобы передала «предупреждение» Елене, а там уж дело самой Елены – внять этому «предупреждению» или впасть в сомнение. Для Риты было важно снять камень со своей души, то есть неожиданно свалившуюся на нее ответственность за малоприятную ей женщину.

Мысленно Рита вновь перенеслась в квартиру гадалки. Сначала она беседовала с ней, потом дошло дело и до Елены. Взяв в руки фотографию, на которой та была запечатлена рядом с улыбающимися Виктором и Олегом, Анфиса Афанасьевна вдруг побледнела и долго всматривалась в их лица.

– Этот мужчина мертв, но спокоен – указала она на Виктора, а этот... – палец переместился на Олега, – этот... почти мертв. На нем грех, тяжкий грех, он за него и ответит. Его ко мне везти не надо.

Рите показалось, что она перестала дышать.

– А вот женщина в беде, уже в беде. Ее ведь Еленой зовут, верно?

Девчонки молча кивнули, а Анфиса продолжала тихим и каким-то страшным голосом. От звуков этого голоса у Ритки неприятно зануло сердце, а кожа на руках и ногах мгновенно стала «гусиной».

– У нее мало времени... – зловеще шелестел голос гадалки, – совсем мало... вы должны привести ее ко мне. – Анфиса строго посмотрела в застывшие, напряженные лица Ритки и Кати и снова тихо, но отчетливо, с нажимом повторила:

– Она должна прийти ко мне. Обязательно! В противном случае ее ждет смерть. Я надеюсь, вы верите мне. Не берите грех на душу. Обязательно ее предупредите! Обязательно приведите! – Потом помолчала и забормотала совсем уже невразумительное:

– Не знаю, справлюсь ли... справлюсь ли одна... она вся опутана... страшные силы над ней и в ней... страшные... захочет ли помочь дух покойного... сможет ли, но именно ее я жду... вот где сходятся наши судьбы...

Прикрыв глаза, женщина замолчала. Девчонки, боясь нарушить это молчание, смотрели на полное белое лицо, обрамленное темными с проседью волосами, гладко зачесанными и собранными на затылке в тяжелый узел. Когда только пришли, Рите показалось, что гадалке лет сорок пять – не больше. Сейчас, глядя на проступившую под глазами сеть морщин, и две тяжелые борозды, протянувшиеся от бескровных губ к подбородку, поняла: нет больше, гораздо больше. Да вообще бог знает сколько лет этой ведьме в пятом поколении!

Напряженная пауза затянулась, и девчонкам стало не по себе, но тут Анфиса Афанасьевна открыла глаза и слегка улыбнулась, и как бы вновь помолодела. И Ритка с Катей перевели дух. Провожая их, женщина еще раз повторила: «Жду Елену, жду, постарайтесь ее привезти, только будьте осторожны, особенно вы, Рита. Над вами тоже тень. Уезжайте, спрячьтесь».

Эти слова не принесли облегчения истрадавшей Риткиной душе, да еще и с Еленой проблемы, вот они с Катей и решили все рассказать Сабине Ахматовне, ее попросить о помощи в этом шекотливом деле.

Риту Елена знает плохо, видела ее всего несколько раз, поэтому никакого свидания ей не назначишь, а телефонный разговор она, скорее всего, просто прервет, посчитав «предупреждение» либо идиотским розыгрышем, либо бредом чокнутой девицы. А ведь надо, чтобы отнеслась серьезно. Ритка была уверена в этом на все сто процентов, кстати, и Кимуля тоже.

– Лучше этой твоей Елене съездить к Анфисе, выслушать ее, – сказала Катя после того, как они покинули «странную квартиру». – Ты видишь, как она гадает! Жутко становится! Она ведь и тебе «без тебя» про тебя все рассказала, все «увидела»: и большой дом, в котором ты была заперта, и страшную ледяную реку, и твоего загубленного ребенка, и нависшую над тобой беду, от которой тебе еще надо как-то откреститься. Видишь, и твой отъезд она одобрила, и твою новую любовь, так что уезжай, Рита, в Питер, уезжай от греха подальше. Видимо, по-настоящему страшная секта подчинила себе Олега, а заодно и в тебя с Еленой вцепилась. Для этих сатанистов чем больше загубленных душ, тем лучше. Все фильмы и книги о них не на пустом месте построены. Они действительно существуют на земле и воспринимаются пустой сказкой только до поры до времени, только пока лично кого-то не закрутили. Жуть! И никому ведь про эту «жуть» не расскажешь! На этом-то и построен весь их тонкий психологический расчет. Ни один человек не захочет выставить себя чокнутым. Этим сатанисты, видимо, и пользуются. Так что как-то убедительно надо обо всем рассказать Елене, так рас-

сказать, чтобы поверила, чтобы съездила. От того, что просто съездит к Анфисе, ничего ведь от нее не отвалится, верно!

– Отвалится-то не отвалится... дело не в этом, она может просто, как ты только что сама сказала, не поверить – вот и все. Ты бы поверила, если бы тебе такое наговорили?

Кимуля пожала плечами и, подумав, ответила:

– Не знаю... может быть, и не поверила бы... здорово на шизоидный бред смахивает...

Вдруг Рита ошутила чувствительный толчок в бок и, выплыв из своих воспоминаний, ошалело посмотрела на Катю, сидевшую с ней рядом.

– Ты что, подруга, о чем так сильно задумалась? Прикидываешь, как мы с Сабиной сейчас беседовать будем, да? Остается только надеяться, что она нас за идиоток не примет.

– Катька, ты меня чуть заикой не оставила! Какого черта пихаешься? У меня итак башка от всякой дребедени раскалывается! Конечно, думаю и о Сабине и об этой Елене, и обо всей этой ситуации... – Господи, когда уже все это кончится! И когда эта пара кончится! Сил уже нет! А знаешь что...

– Девочки! Да, да, именно вы! Что так удивленно на меня смотрите? – вдруг неожиданно громко прозвучал возмущенный голос лектора. – В чем дело? Что за разговоры? Если вам неинтересно и у вас своя беседа, то пожалуйста в коридор. Там и продолжите свою беседу! А мне мешать не надо! И группе мешать не надо!

Сабина внимательно, не перебивая, слушала странный рассказ Риты, подтверждаемый краткими репликами Кати, и безоговорочно верила девушкам, чувствовала: они говорят правду. На такой «рассказ» еще решиться надо. Они решились от страха и от отчаяния. Сабина это поняла, но, слушая свою студентку, поняла и другое: теперь страх и тревога поселились и в ее сердце. Это же надо, какие крутые виражи выписывает жизнь! Ее студентка Рита оказалась «хорошей знакомой» Олега. Сабина ошутала, что за этой сдержанной фразой стоит нечто большее, но девушка сухо подчеркнула: просто подруга, просто хорошая знакомая и ничего больше. Правда, побледнела и поджала губы, справляясь с волнением. Хорошо, пусть будет так. Было бы странно предполагать, что красавец Олег до возникновения серьезных отношений с Еленой вел жизнь монаха.

Дальнейший рассказ просто изумлял, производя впечатление остросюжетного приключенческого фильма: Олег завербован какой-то страшной сектой. Рита видела двух членов этой секты, слышала их жуткий разговор об охоте на людей, о человеческой крови. Олег полностью под их влиянием, он выполнит все, что они ему прикажут. Вот, приказали для каких-то своих гадких целей умыкнуть Риту в горы, закрыв ее в страшном пустом доме на обрывистом берегу Чаткала, и он это сделал, наврав ей с три короба про серьезные разборки в бизнесе и про то, что теперь его враги будут убивать всех его друзей и знакомых. Она в это поверила, потому что Ксюша странно погибла. Поверила, и испугалась, и позволила увезти себя, и сидела в пустом коттедже почти две недели, пока случайно не подслушала жуткий разговор этих, из секты, и своими глазами не увидела зомбированного Олега. Тогда поняла, что если останется, то точно пропадет, и решила на побег и чуть не погибла в ледяных водах Чаткала. Ее спас хороший человек, и теперь она хочет соединить с ним свою судьбу. Из Ташкента ей надо сейчас уехать, потому что она боится, очень боится: если эти сектанты снова выйдут на ее след, то кто знает, что они решат с ней сделать! Ведь хотели же они провести над ней

какой-то страшный эксперимент. В общем, все это звучит дико, но это правда. И еще: серьезная опасность угрожает и жене Олега, Елене. О ней тоже говорили эти, из секты. Над ней тоже хотят провести опыт. Это она слышала своими собственными ушами, поэтому, вернувшись в город и прихватив фотографию Елены, отправилась вместе с Катей к гадалке, которая была хорошей гадалкой, настоящей, не мошенницей. Она и денег не берет. Эту гадалку звали Анфисой Афанасьевой. Она, посмотрев на фотографию, тут же сказала, что Виктор «мертв, но спокоен», а Олег и Елена – в беде. На Олеге какой-то тяжкий грех, поэтому его она «защитить» не будет. А вот Елену она велела обязательно привезти к ней. Обязательно! Сказала, что можно попробовать отвести беду, но времени мало, вот поэтому они с Катей и решились обо всем рассказать ей, своему куратору.

– Сабина Ахматовна, вы ведь знаете жену Олега, верно?

– Да, Рита, знаю. Давно знаю. Она моя подруга.

– Это хорошо! Значит, она вас и выслушает и поверит. Вы уж тогда отвезите ее к Анфисе Афанасьевне. Мы с Катей адрес дадим, объясним, где живет. Ее несложно найти. Она действительно неординарный человек, настоящий экстрасенс, хотя слово это ей не нравится, она себя так не называет.

– А как она себя называет?

Рита замялась, взглянула на Катю, та кивнула головой и ответила вместо подруги:

– Ведьма. Она называет себя ведьмой в пятом поколении. И, поверьте, Сабина Ахматовна, это действительно так. У нее дар. В этом вы, если захотите, убедитесь сами.

– А про вашу подругу Елену, – вновь включилась в разговор Рита, – она сказала, что если беду не отвести, то – смерть. Про Олега она тоже нехорошо сказала, тоже увидела на нем печать смерти, но почему-то не велела его к ней привозить... Вообще все это страшно слушать было, аж мороз по коже. Но, вы знаете, я ей верю. – Ритка замолчала. Молчала и Сабина, несколько «придавленная» словами «ведьма», «смерть», да и вообще всем достаточно странным разговором в целом. Помолчав, Ритка добавила:

– Понимаете, Сабина Ахматовна, ни я, ни Катя сказать об этом вашей подруге не сможем... Посудите сами, как мы ей об этом скажем? Ерунда получится, если только вообще что-то получится. Но ее надо предупредить, а там уж пусть она сама решает... поэтому уж вы сами ей об этом... хорошо?

– Попробую, но, честно говоря, не могу сказать, как она на это отреагирует. Елена Михайловна человек серьезный, но сказать скажу, конечно, я верю вам.

В этот момент дверь в их аудиторию распахнулась и на пороге появилась Наргиза – старший лаборант кафедры литературы.

– Вот вы где прячетесь, – весело воскликнула она, сверкнув большими черными глазами, а я вас, Сабина Ахматовна, по всему четвертому этажу ищу. Вас заведующий к себе просит.

Наргиза ушла, а Сабина, взглянув на серьезные и какие-то потерянные лица девушек, сказала:

– Я все обдумаю. Постараюсь помочь тебе, Рита, со свободным графиком: посоветуюсь сейчас с заведующим, походатайствую перед деканатом. Будем надеяться, что разрешат. Поговорю и с Еленой... Странная, конечно, ситуация, но отмахнуться от нее, по всей видимости, нельзя, потому что если случится беда, то потом места себе не найдешь... С ума сойдешь от ошущения вины! Так что... сделаю все, что смогу, постараюсь, по крайней мере, уговорить Елену... Ладно, девочки, бегите, и я тоже пойду, дела. Вы, Рита, сколько еще будете в Ташкенте?

– Недели две-три, это точно. Мне ведь с деканатом все решить надо и бабушку к моему отъезду как-то подготовить. Я боюсь рассказывать ей о своих злоключениях: она испугается, разволнуется, у нее сердце слабое. Вот сейчас думаю, как выкрутиться, что ей сказать. Мы ее потом, конечно, заберем, я бабулю тут одну не оставлю, но пока... пока надо подождать.

– Да, да...правильно... – рассеянно кивала головой Сабина Ахматовна, направляясь к двери и мысленно перебирая в голове странный Риткин рассказ. Уже выходя из аудитории, она вдруг резко обернулась к идущим следом за ней девушкам и спросила:

– Рита, а как выглядели эти, из секты?

– Как? – Ритка на секунду задумалась, вспомнив свои онемевшие ноги на широком подоконнике коттеджа, сдерживаемое дыхание и узкую шелочку в шторах, и свой дикий страх... – Они... они ненормально красивые...

– То есть, как это «ненормально»?

– Ну... я хотела сказать нереально... нереально красивые... оба, и мужчина и женщина. И похожи они друг на друга как-то... как штампованные что ли... – Ритка пожалала плечами, – хоть она светленькая, а он жгучий брюнет. И еще... мерзкие они оба, красивые и мерзкие.

Сабина слушала Риту, и перед глазами у нее невольно стояли новые знакомые – Лола и англичанин Джастин, – люди, спасшие в горах ее сына от смерти или от увечья, люди, которым она была очень-очень благодарна, но которые, тем не менее, подспудно, вызывали у нее какую-то тревогу, ошущение фальши.

Нет, нет, этого не может быть, – успокаивала себя Сабина, спускаясь с четвертого этажа на второй и направляясь на кафедру. – Они, конечно, немного странные, но для нас все иностранцы «немного странные», так же, наверное, как и мы для них. И потом, Джастин – серьезный бизнесмен, у него там какие-то дела с Олегом, а Лола... Лола просто красивая и избалованная богатая женщина. Такие люди живут в ином мире, по другим правилам, поэтому, может быть, чем-то иногда и раздражают нас, простых смертных, вынужденных зарабатывать «на жизнь». Нет, нет, это явно не они, просто совпадение, что красивые, что блондинка и брюнет... а уж «мерзкими» я их никак назвать не могу: умные, образованные, воспитанные, с хорошим чувством юмора... И потом, они спасли моих детей, разве члены какой-нибудь грязной секты способны на такое?! Явно просто совпадение...

Но на душе, где-то там, в глубиночке, в уголочке затаилось сомнение и выпустило острые коготочки, и вонзило эти коготочки прямо в сердце, вызывая тупую ноющую боль, и тревогу, и неуверенность...

«И еще... надо как-то продумать разговор с Еленой. Как я ей это все скажу? Ума не приложу! Она только-только стала приходить в себя, успокаиваться. Они так дружно живут с Олегом, он ее в полном смысле слова на руках носит! Дай бог, забеременеет! Что еще женщине надо? А тут я сейчас со своим «разговором». Но и промолчать нельзя. Ведь есть в сердце тревога? – есть... как-то надо все объяснить... Лена умная, она поймет. К этой Анфисе, ведьме в пятом поколении, съездить надо, хотя бы для самоуспокоения».

– Ну что, как ты думаешь, поверила Сабина в твой, мягко скажем, странный рассказ?

– Ну, странный не странный, а что есть, то и рассказала. По крайней мере, совесть моя теперь чиста: она подруга этой троянской дивы, вот пусть и предупредит ее, а там уж как хотят. Мне, честно говоря, до такой степени вся эта

галиматья надоела, сил нет! С момента смерти Оксанки все время в страхе живу! Нет, с момента появления этой мерзкой рожи в зеркале! Я уже измаялась вся, понимаешь! Вот решила съездить на свою квартиру, пусть даже вместе с тобой и Сергеем, и теперь снова боюсь: может быть, не надо было этого делать? А, с другой стороны, как не делать? Не голой же мне ходить и в Питер ехать! И квартиру надо было проведать, и вещи собрать, и паспорт взять, и закрыть все как следует, и соседку предупредить, что не будет меня какой-то период, что уезжаю.

– Ну да, все правильно, Рита, успокойся!

– Правильно-то правильно, а теперь вот боюсь, и не только за себя, но и за тебя с Сергеем. Не хватало еще, чтобы я вас в эту дребедень втянула!

– Ну, теперь об этом, дорогая моя, поздно вздохнуть, если втянула, то уже втянула. Ладно, не дрейфь, от судьбы не уйдешь. Живы будем – не помрем! Хорошо еще, что ты не стала Сабине про зеркало рассказывать, да про свои истинные отношения с Олегом, да про ребенка, а то бы вообще... не знаю, как бы она отреагировала... У нее и так глаза квадратные были!

– Да у меня у самой от всего от этого глаза квадратные, если уже не ромбиком! Я ведь понимаю, что и в твоей душе живут сомнения, особенно по поводу зеркала. Явно ведь считаешь, что у меня от страха с головой не то, ну и считай, если тебе так легче, но я то ведь знаю – понимаешь? – я знаю, что говорю! Я это видела, ви-де-ла! И я не чокнутая! Хотя, конечно, легче считать меня чокнутой, чем постараться поверить и понять. А я живу со страхом! Еще днем куда ни шло, днем храбрюсь, шучу, делаю вид, что все нормально, что все позади, а вот вечером и ночью... Я днем-то с душевным содроганием в зеркало смотрю, про остальное время суток и говорить нечего. И вообще, с наступлением темноты я боюсь ходить одна по комнатам, тут же везде включаю свет, потому что мне кажется, что кто-то дышит мне в спину, что кто-то сейчас меня цапнет, и тогда я сразу заору и умру! Я передать тебе не могу, как мне страшно!

Катя хотела что-то сказать, но Рита перебила ее:

– Конечно, такой признак явно на шизоидный смахивает, я это понимаю, но я понимаю и другое: эти зеркальные ублюдки искалечили меня, они поселили во мне страх, дикий страх! И теперь он, как пиявка, медленно высасывает мою душу, мои силы. Еще спасибо, что есть такие люди, как ты и Сергей, что помогаете, поддерживаете, если бы не вы, я бы точно умом тронулась!

– Рита, прекрати, ты начинаешь скатываться в истерику, у тебя даже глаза ненормальными становятся! Все. Точка. Проехали и забыли. У тебя все позади. У тебя теперь все будет прекрасно-распрекрасно! Выкидывай из головы и зеркала, и Олега, и Ленку и думай о приятном: о замужестве, о Сергее, о Питере, о беседе с деканом...

– Нашла приятное!

– Ну а почему нет? Эта беседа тебя взбодрит, вернет из мира приключений и мистики в наш, простой и бранный. Да, кстати, подруга дорогая, ты собираешься меня на свадьбу приглашать или как-то тихонько решила замуж выскочить?

– Конечно! Мы уже с Сережей все-все продумали: ты вместе с моей бабушкой приедешь, дорогу мы оплатим.

– Вот это по-царски! Вот об этом и думай, да еще о своих отработках: сейчас тебя преподаватель начнет «гонять» по своим предметам, сразу про все зеркала забудешь!

– Не пугай, и так нервничаю! Ладно, Кимуля, ты беги, а я пойду сдам отработку.

– Еще и в библиотеку придется топтать, – с тоской в голосе проговорила она, – одним словом, не жизнь у меня, а «майский день, именины сердца!»

– Молодец, Гоголя цитируешь! Явно не чокнутая!

– Ах ты! – Ритка замахнулась, чтобы шлепнуть Катю по плечу, но та увернулась и показала кулак.

– Без рукоприкладства, а то я тоже врезать могу! – засмеялась она, – ладно, я домой. Приготовлю тебе, труженице, что-нибудь на ужин. Или вы с Сергеем куда-нибудь сегодня намылились?

– Пока не звонил, так что ты ужин готовь, не ленись, потому что я твою готовочку, Кимуля, очень даже обожаю!

27

Сразу же после свадьбы Олег поменял гарнитур в спальне, за что Елена была ему очень благодарна. Честно говоря, она не ожидала от Олега такого глубокого понимания ситуации: уже после первой брачной ночи Елена ходила весь день с тяжелым сердцем, всеми силами стараясь скрыть от мужа и свою нервозность и свои переживания, которые были связаны с тем, что она провела ночь с мужчиной на той кровати, которая «хранила» воспоминания ее прежней счастливой жизни с Виктором. Елене казалось, что в сложившейся ситуации есть нечто циничное и даже грязное: как будто бы Виктор был жив, и она изменила ему. Перенервничала из-за этого настолько, что в течение трех дней чувствовала себя совершенно разбитой, больной.

На следующий день после свадьбы они, по совету Джастина, улетели на неделю в Рим, где их встретили и прекрасно устроили его друзья. Чудесные люди! Елена все время ощущала их внимание и заботу! Да и вообще, неделя в Риме – незабываемая неделя! Город, потрясающий своей историей, красотой и величием! Прощаясь с ним, Елена плакала, а Олег обещал ей, что они обязательно снова приедут сюда и тогда уже посетят и другие города прекрасной Италии.

Когда вернулись, она не узнала свою спальню: по указанию Олега в ней сделали великолепный ремонт и поменяли мебель. Тогда по выражению ее глаз и по тому, как она искренне обняла и поцеловала его, Олег понял, что угодил, очень угодил своей жене.

Как быстро летит время! Уже месяц с «хвостиком» как она замужем. Угасли ее страхи... ну, или почти угасли, если уж быть до конца честной с самой собой. Присутствие Олега в доме как бы вытеснило страшные призраки, которые ожидали в его стенах с наступлением темноты (но подвесные фонарики Елена со стен не сняла).

Муж переживал по поводу ее здоровья, правильно считая, что и болезнь Виктора, и его смерть, и тяжелый год одиночества – все это, безусловно, сказалось на нервной системе его жены, поэтому планировал в ближайшее время – «через месяц, максимум полтора» – поездку в Подмосковье, где, как он выяснил, находится прекрасный неврологический санаторий, в котором работают отменные специалисты. Рядом с санаторием, в чудесной березовой роще, построены уютные и красивые коттеджи, в которых можно жить и неделю, и месяц, и год – в зависимости от желания клиента и состояния его банковского счета. Олег сказал, что в ближайшее время он свяжется с руководством санатория и переговорит по поводу аренды одного из коттеджей. «И тогда, – сказал он, – мы проживем там, в тишине и покое столько, сколько это понадобится для полного восстановления твоего здоровья, потому что ты самое дорогое, что есть у меня в жизни».

В связи с этим Олег настаивал, чтобы Елена уволилась, а этого ей делать не хотелось: она любила и свою работу, и свой коллектив, да и просто где-то в душе

сразу же шевельнулся страх остаться без дела. Всю жизнь она чем-то занималась: училась, работала, куда-то бежала, за что-то отвечала и вдруг перед ней «поставили задачу» резко перейти на положение светской дамы-бездельницы! Есть женщины, которые мечтают об этом. Елену это пугало. Хорошо отдохнуть месяц, ну два, а потом? Что «потом»? Маяться от скуки? Ждать мужа с работы и жить только его проблемами и интересами, а самой постепенно деградировать, превращаясь в сытую, ленивую самку? Елена возражала даже против горничной, поскольку ее раздражало присутствие чужого человека в доме, и она ничего не могла с собой поделывать. Одним словом, перспектива стать бездельницей угнетала, и Елена убеждала Олега не торопиться с лечением ее нервов, уверяя, что все уже в порядке, все прекрасно...

И вот, как назло, вчера весь день кружилась голова, пришлось отпроситься с работы и вернуться домой пораньше. Это недомогание она от Олега скрыла, но сегодня головокружение началось с раннего утра и такое неприятное и сильное, что пришлось остаться в постели. Этого скрыть уже не удалось. Переговорив с кем-то по телефону, Олег сказал, что после обеда он отвезет Елену в очень хорошую частную клинику и, кстати, снова напомнил ей и о санатории, и об увольнении с работы. Возражать не было сил.

Даже лежа в постели, Елена ощущала противную слабость во всем теле. Это нервировало, угнетало. Что за состояние? Ничего не болит, а сил нет. Такое ощущение, что стала немощной столетней старухой. Противно. Тревожно. Позвонила Сабине, и та сказала, что через час обязательно заедет ее проведать.

Вот как раз и звонок, наверное, Сабина подъехала. Теперь надо встать и открыть ей дверь, и постараться не упасть.

Елена осторожно поднялась: голова кружилась, но слабо. Прекрасно! Может быть, просто переутомилась: на работе эти дни были напряженными. Сегодня день полежит и все будет в норме. Потихоньку дошла до ворот, открыла дверь и ... увидела Лолу, а очень хотелось увидеть Сабину. Настрой был на Сабину. По всей видимости, Лола что-то почувствовала, потому что, поздоровавшись, тут же спросила:

– Я не вовремя?

– Нет, нет, Лолочка, все нормально, просто я... я не очень хорошо себя чувствую и ...

– Да, да... я потому и приехала. Джастин узнал о вашем состоянии от Олега и тут же позвонил мне. Мы переживали, что вы одна во всем этом огромном доме, а ваш муж очень занят... Бизнес! Мужчины – это бизнес, – шепетала Лола, направляясь вместе с Еленой к дому и бережно поддерживая ее под руку. Елене было неловко оттого, что она не очень приветливо приняла свою обаятельную гостью и та почувствовала ее замешательство.

Снова прозвенел звонок, и Елена, поняв, что это наверняка приехала Сабина, повернулась к воротам, но Лола опередила ее:

– Нет, нет, не тревожьтесь! Я сама открою! Я для того и приехала, чтобы оберегать вас, чтобы помогать... Так что сегодня я работаю у вас горничной, – добавила она со смехом.

Увидев Лолу, Сабина тоже немного растерялась, поскольку была уверена, что Елена дома одна, и они наедине поболтают о том, о сем... И не просто поболтают: Сабине еще надо было как-то передать свой разговор с Ритой (она и так задержалась с этим «разговором»), передать так, чтобы и не растревожить Елену чрезмерно, и все-таки убедить ее на всякий случай съездить к этой гадалке. Но такая беседа ведется только с глазу на глаз, а тут... Лола. Нереально красивая Лола!

– а в голове тут же слова Риты – «ненормально красивые». Нет, ерунда, конечно! Лолочка милая, добрая, но сегодня ее присутствие здесь так некстати!

Все это в секунду пролетело в голове Сабины, но Ло, заметив ее замешательство, воскликнула:

– Сабиночка, добрый день! Ну, раз подружки собрались вместе и вы, Леночка, не одна, то я ретируюсь. Не буду мешать. Подругам всегда есть о чем поговорить, тут лишние ни к чему.

– Что вы, Лола! Зачем вы так говорите? Какая вы лишняя! С чего вы взяли, что мешааете? Глупости какие! – наперебой заговорили смущенные Елена с Сабинкой.

– Так, – решительным тоном начала отдавать распоряжения Елена, – прекратим все эти глупые разговоры. Вы пришли за мной ухаживать? Прекрасно! Вот и ухаживайте! Сейчас Сабина сварит кофе, а Лолочка поможет мне накрыть на стол. У меня есть потрясающе вкусные шоколадные конфеты и пирожные. Будем толстеть!

– О нет! – тут же засмеялась Лола. – Я на строгой диете, поэтому, что такое шоколад и пирожное, я просто не знаю, – сказала она чистую правду. – И... Леночка, я пойду. – Увидев, что та отрицательно качает головой и собирается возразить, быстро добавила:

– Я подъехала экспромтом, без приглашения только потому, что, узнав о вашем недомогании, решила оказать посильную помощь, беспокоилась, что вы одна, но раз здесь Сабина, я спокойно могу заняться своими делами. Я хоть и великая бездельница, – Ло построила милую «рожицу», – но и у меня иногда тоже бывают дела. Мне, действительно, надо съездить в одно место. Мы проведем вас вместе с Джаспином, вечером, хорошо?

И улыбнувшись своей ослепительной голливудской улыбкой, Лола решительно пошла в сторону ворот. За ней, продолжая уговаривать, шли Сабина с Еленой. Кивнув своей очаровательной головкой, Лола приветливо взмахнула рукой и исчезла за входной дверью.

– Ну вот, – растерянно произнесла Елена, виновато взглянув на подругу, – как-то не очень хорошо получилось...

– И не говори, – так же растерянно произнесла Сабина, – вроде как мы ее с тобой вежливо выставили.

– Нет, ты понимаешь, Сабина, я как-то была на тебя настроена, тебя ждала и, когда увидела Лолу, то... Ну, наверное, у меня на лице было написано, что я не ее ждала. Нехорошо, конечно...

– Я тоже ожидала, что дверь мне ты откроешь и вдруг... На моем лице, видимо, тоже кое-что отразилось, потому что я тоже была на тебя настроена, а тут... – Ну, ладно, Лен, с другой стороны, ушла и ушла, в общем-то и правильно сделала, что ушла. Это говорит о том, что она человек воспитанный и чувствует момент. Я бы на ее месте тоже ушла. Пошли в дом, а то ты какая-то бледная, а на улице прохладно, хоть сегодня погодка и смахивает на весеннюю. Можно подумать, что на дворе не декабрь, а март. Ну, а ты у меня, что это решила разболеться-то?

– Да, ты знаешь, вчера как-то чувствовала себя не очень, даже с работы пришлось отпроситься, а сегодня так и вообще с утра растеклась: и слабость, и головокружение, и в горле комочек какой-то стоит, – жаловалась Елена, направляясь вместе с Сабинкой к дому. – Олег категорически запретил ехать на работу, он вообще хочет, чтобы я уволилась, а я не хочу, что дома делать-то? Весь день углы считать да телевизор смотреть? Я так не умею, я так с ума сойду.

– Ты знаешь, Лен, – Сабина остановилась и, нежно взяв свою подругу под руку, заглянула в ее глаза, в которых сейчас в тон ее бирюзового теплого халата

плескалась голубовато-зеленая акварель, – знаешь, такое состояние... головокружение, слабость, особенно по утрам, комок в горле... все это похоже... ну... в общем на беременность все это похоже, понимаешь? И я думаю, что тебе...

– Сабина! Ты что серьезно это говоришь?

– Лен, ну тебе ведь не пятнадцать лет. Ты, наверное, и без меня знаешь, как может чувствовать себя беременная женщина? Теоретически, по крайней мере...

– Конечно, конечно, – Елена энергично потерла лоб, как бы разглаживая пальцами две вертикальные морщинки между нахмуренными бровями, и шепотом добавила, – теоретически, конечно, знаю. Я подумала об этом... еще вчера, но испугалась.

– Почему? – искренне изумилась Сабина.

– Я боюсь, понимаешь? Я боюсь ошибиться, боюсь, что пойду к врачу, а он... а он...

– Ле-на! – укоризненно произнесла Сабина, – ну что за глупости! Кстати, я знаю прекрасного гинеколога! Хочешь, вместе к ней проедем? У меня вторые роды, какие тяжелые были! Ужас! Только благодаря ей жива и здорова осталась, и сына не потеряла. Так что, если хочешь, хоть сегодня... позвоню ей и...

– Спасибо, Сабиша, но меня Олег сегодня после обеда к каким-то врачам везти собрался... к каким-то светилам... не знаю...

– Ну, вот и прекрасно! – Сабина чмокнула Елену в щеку, – и не нервничай! Собственно, уже и выглядишь хорошо, щеки порозовели.

– Мне и вправду полегче стало, и голова уже не кружится, и я бы даже чашечку кофе сейчас выпила... Господи, Сабина, что мы с тобой во дворе-то стоим? Давай, проходи в дом, проходи... Кстати, у меня действительно есть пирожные! Олег вчера привез. Сейчас я тебя угощу.

Ло очень хотелось услышать разговор двух подруг. Зачем? Она не могла ответить – «зачем?» – просто вдруг почувствовала, что это следует сделать. Сабина приехала с определенной целью, и Елена тоже с нетерпением ждала свою подругу (Ло почувствовала их напряжение). Что случилось? Почему они решили встретиться? Днем! Когда и та и другая должны быть в неких определенных местах, которые люди называют «работой» и куда многие из них регулярно ездят, практически, каждый день. Если это обычные пустые разговоры, которыми так любят заниматься эти животные, то... то пусть ее «подруги» говорят сколько их душе угодно. Ну а вдруг разговор будет «не пустым»? Вдруг эта Сабина принесла какую-то опасную информацию? Люди мастера на такие фокусы. Клэр и Джастин правы: их нельзя недооценивать, так что лучше ситуацию подстраховать, потому что никакие «фокусы» сейчас не нужны. Никакие! Абсолютно! Все должно идти по четко разработанному плану.

Ло искала зеркало. Быстро миновав тихие улицы «спального района» частных домов, она вышла на широкий шумный проспект. Ей нужен магазин, или кафе, или... неважно что, лишь бы там было зеркало.

С зеркалом можно поиграть (Ло любила такие «игрушки», почему Клэр и считала ее еще ребенком). «Размораживая» зеркальный тоннель, можно наполнить окружающее его пространство фантастической цветовой гаммой, искрящимся, мерцающим туманом, а можно исчезнуть в этом «тоннеле» быстро и незаметно, как бы растворившись в нем. Именно это Ло и собиралась сейчас сделать, но где найти подходящее место? Придется прогуляться вдоль проспекта, а время идет, а подруги беседуют...

Сабина и Елена сидели в гостиной, в удобных креслах, за сервированным к завтраку столиком. Уже были съедены пирожные, выпито по две чашки ароматного кофе, а беседа, которую так страстно желала подслушать Ло, велась пока ни о чем. Разговор, как белка, перепрыгивал с ветки на ветку, касаясь то работы, то детей, то недавней поездки Елены в Италию...

Сабина смотрела на подругу: осунулась, похудела, под глазами легли тени, а в глубине зрачков таится что-то тревожное, беспокойное.

– Ее все равно что-то мучает, – думала она, слушая рассказ Елены о незабываемых «римских каникулах», – то ли в ее отношениях с Олегом что-то не так, то ли она столь напряжена по поводу своего здоровья, своей беременности-небеременности. А тут еще я со своим «особым разговором», на который вот уже вторую неделю никак не могу решиться. Даже не знаю, как начать. И стоит ли начинать вообще? А не сказать – тоже страшно, ведь эта ведьма в пятом поколении вела с Ритой речь не больше не меньше, как о жизни Елены! То ли это правда, то ли чепуха какая-то? Сейчас прямо все чокнулись на мистике и на гадалках, может, и мою студентку туда же понесло, может быть, это все ее большое воображение, определенный сдвиг в психике после жуткой кончины подруги в ее квартире? Может так, а может и не так, но не сказать нельзя: не дай бог, если что-то случится с Еленой! Тогда ведь с ума спятишь, от одних мыслей повесишься, что могла предотвратить беду и не предотвратила. Нет, как-то надо сказать, но как? Уже сто раз мысленно прокрутила этот разговор в голове, но так и не нашла оптимального варианта.

Внутренне, душой, Сабина ошущала, что странный рассказ ее студентки Риты – правда. Более того, он очень серьезен, в нем определенно таится какая-то угроза, какой-то глубинный и страшный смысл. Тревога усиливалась еще и тем, что многое в нем было просто необъяснимо, даже фантастично и в то же время пугающе реально. Если Олег действительно стал жертвой какой-то страшной секты, то это... – у Сабины даже не находилось слов охарактеризовать «это». Но про то, что на Олега оказывает давление какая-то секта, Сабина решила пока Елене не говорить. Дело в том, что в этом плане она сомневалась в словах Риты, которая утверждала, что он просто превратился в зомби. Достаточно часто встречаясь с Еленой и Олегом, Сабина никак не могла бы назвать мужа своей подруги невменяемым, напротив, он очаровывал своим умом, обаянием и по всем параметрам являл собой идеал и мужа и мужчины.

– Сабиша, у меня такое ощущение, что ты меня и не слушаешь. О чем замечталась? – улыбнулась Елена и тут же с тревогой спросила, – или у тебя что-то случилось, а ты не решаешься мне рассказать?

– Ты знаешь, Лен, если честно, то да, не решаюсь, потому что разговор получится очень уж странный, очень... – Сабина допила кофе, поставила тонкую фарфоровую чашечку на стол и взглянула на подругу. Та сначала напряженно выпрямилась в кресле, затем, наоборот, забилась в него поглубже, подтянув под себя ноги.

– Он тебе может показаться даже нелепым, – тихо продолжала Сабина, – но... но мне надо все тебе рассказать, по-другому нельзя и, я думаю, ты сама это поймешь... А выводы... мы постараемся вместе с тобой прийти к каким-то выводам, потому что сама я не пришла ни к каким...

– Ты немного пугаешь меня, Сабина. Что-то случилось? Что-то очень серьезное?

– Да нет, ничего не случилось и я даже не знаю – может случиться или нет! Я даже не знаю, стоящий это разговор или просто странные фантазии человека, пережившего сильный стресс. Я бы и не говорила тебе ничего, но там есть некоторые нюансы... В общем, я тебе сейчас все расскажу, а потом вместе подумаем, хорошо?

Елена сдержанно кивнула головой, глядя на подругу настороженно, с тревогой и ожиданием. Она почему-то испугалась этого предстоящего разговора. Что Сабина имела в виду, говоря о «странных фантазиях человека, пережившего сильный стресс»? В жизни Елены тоже были «странные фантазии», после пережитого сильного стресса – смерти Виктора – такие «странные», что... В груди вдруг стало тяжело и больно, а во всем теле снова ожила и тоскливо «запела» вроде бы затихшая, исчезнувшая струна – струна ее Великого Страха. Елена сглотнула, стараясь не выдать своего волнения, и тихо сказала:

– Сабиша, ты не томи, выкладывай все как есть. Раз ты считаешь, что я должна это знать, говори, я слушаю.

– Лена, помнишь, когда мы отдыхали в горах, я рассказала тебе о жуткой смерти моей студентки, Оксаны?

Елена утвердительно кивнула головой.

– Так вот, Рита, подруга Оксаны, в квартире которой все и произошло, считает, что это не самоубийство, а убийство, и убить хотели не Оксану, а ее, просто ошиблись.

– Ну, как же так, Сабина, ты ведь сама мне говорила, что милиция получила полное подтверждение акта самоубийства, что было полно свидетелей?

– Правильно, поэтому и дело закрыли, но осталось большое, нет, просто огромное «но». Помнишь, я тебе говорила, что Гафур, беседуя со мной о моей несчастной студентке, сказал, что Оксана, не могла ни двигаться самостоятельно, ни выброститься с балкона потому, что была мертва до того, как рухнула с третьего этажа.

– Помню, конечно, – кивнула головой Елена и добавила шепотом, – жуть какая-то...

– Да, – ответила Сабина, – действительно, жуть... но эта «жуть» подтверждена фактически: вскрытие показало, что в трупе... не было крови! Родителям Оксаны, естественно, об этом ничего не сказали. Им и без этого горя хватает! Вот и получается совершенно жуткая картина, кадр из фильмов ужаса: покойница вышла из спальни в гостиную, затем на балкон и выбросилась на мостовую. Убедительного объяснения случившемуся следователи не нашли, хотя крутили это дело и так и сяк. Вот тебе и мистика. Гафур, естественно, предупредил меня, чтобы я об этом ни-ни, никому. Я и так «ни-ни, никому», только тебе рассказала, а сейчас вынуждена снова заговорить об этом, напомнить, потому что «странности» продолжались и невольно привели к тебе.

Елена, слушавшая Сабину, затаив дыхание, при последних словах широко распахнула глаза и невольно подалась вперед:

– То есть, как это ко мне? Что ты хочешь этим сказать? Я-то тут при чем, не понимаю?

– Да, – снова кивнула головой Сабина, – во многом мутная и непонятная история, но слушай дальше.

После этого непонятного самоубийства Оксаны, с ее подругой, Ритой, (кстати, тоже моей студенткой), стали происходить странные вещи. Кстати, Лена, ты, по всей видимости, видела эту Риту, может быть, раза два-три, но видела.

– Где же я могла ее видеть? – в голосе Елены прозвучало искреннее удивление.

– Дело в том, что с этой девушкой... – Сабина на секунду замялась, потому что этого момента в разговоре с подругой боялась больше всего, – ну... вот с этой Ритой, одно время встречался Олег, – тревожный взгляд в сторону насторожившейся Елены и торопливое оправдание Олега, – это было в то время, когда

Виктор еще был жив, понимаешь? Лен, я очень-очень надеюсь, что ты не придашь этим сведениям какое-то ненужное... неправильное значение. Ты ведь не думаешь, что Олег, молодой, красивый и сильный мужчина, до серьезных встреч с тобой жил монахом и совершенно не интересовался женщинами и...

– Сабина, да что ты так разволновалась! Конечно, не думаю, я же не дура. Просто я не помню эту Риту.

– Естественно, я же говорю, ты ее видела раза два, ну может быть, три, не больше. Олег тебя тогда раздражал, поэтому на его девушку ты и внимания никакого не обратила.

– Ну да, логично, и что дальше?

– Так вот, Рита считает, что ее подругу Оксану убили члены какой-то страшной секты, тайно действующей здесь. Через несколько дней после этого убийства члены секты, обманным путем увезли Риту в горы и спрятали там, в огромном пустом доме. В дальнейшем они собирались провести над ней страшный эксперимент: искусственно оплодотворить ее, чтобы она вынашивала «кого-то», нужного этой секте.

– Господи, – выдохнула Елена, – жуть какая-то!

Сабина кивнула головой в знак согласия и продолжала:

– Рита случайно подслушала их разговор, в котором они, кстати, говорили об охоте на людей, о человеческой крови, в общем, действительно, жуть! Рите удалось сбежать, хотя побег был опасным, и она чуть не погибла. Так вот, подслушавшая разговор этих, из секты, она к своему великому удивлению услышала и имя Олега, и твое имя. Рита говорит, нет никаких сомнений, что они говорили именно о вас. Из разговора она поняла так, что над тобой нависла угроза, угроза то ли твоей жизни, то ли твоему здоровью, что они тоже хотят с тобой что-то сделать, провести какой-то эксперимент.

Сабина замолчала. Воцарилась напряженная тишина. Елена пристально смотрела на подругу и не произносила ни звука.

– Лен, я понимаю, что все, что я сейчас говорю, звучит как бред больного человека, но вопреки здравому рассудку я почему-то верю в странный Риткин рассказ. Она и сама понимает, что он звучит, как шизоидные фантазии, но, как она мне сказала, «что было, то было, верите вы мне или нет». Она рассказала мне об этом только потому, что не желает нести ответственность за чужую жизнь. И в этом плане она права: как бы это бредово не звучало, я тоже рассказываю тебе об этом по той же причине: я не могу взять на свои плечи ответственность за твою жизнь и за твое здоровье.

Сабина тяжело вздохнула, обеими руками славилась себе голову и прикрыла глаза. Елена молчала, ошеломленная услышанным. Она просто не знала, что сказать в данной ситуации, как на все это реагировать. Разрядить обстановку, рассмеяться и действительно принять это как болезненный вымысел человека, перенесшего самоубийство подруги в собственной квартире? Успокоить Сабину и успокоиться самой? Однако Елена сама несколько месяцев жила в бредовом состоянии и расскажи она кому-нибудь, что своими собственными глазами видела покойного мужа и ошущала его безусловное присутствие в доме (с ужасом вспомнился и флакон, и волнующий запах «Kiton Black»), то кто бы ей поверил?! Окружающими был бы вынесен однозначный приговор – шизофрения. Даже Сабине она об этом не рассказала, даже Сабине! А смелая девушка Рита решилась и рассказала, и Елена вдруг поняла, что верит ей, только никак не может понять, почему в этой странной истории с сектой оказались замешаны они с Олегом? Откуда члены этой секты могут их знать? А самое главное, что же они собираются сделать с ней, с Еленой?

– Лена, – тонкие смугловатые руки Сабины упали на колени, – Лена, я после разговора с Ритой долго мучилась – говорить тебе обо всем этом или не говорить? И рассказывать такое страшно, и не рассказать тоже страшно. С одной стороны, все это, действительно, звучит по-идиотски, но с другой стороны... Ой, не знаю я... черт его знает, как это звучит «с другой стороны»! Правильно я сделала, что тебе все это рассказала или нет, сама уже не знаю!

– Конечно, правильно, Сабиша! И я бы на твоём месте рассказала. – Елена глубоко вздохнула, опустила ноги, выпрямилась и поставила, наконец, кофейную чашечку на стол. – Как такое можно в себе держать! Все правильно. Я только не могу понять, что мне-то теперь делать? Рассказать все Олегу? – так он, я думаю, на смех нас подымет, сама знаешь, как мужчины к таким вещам относятся. Как бы он еще и свою бывшую подругу Риту не отругал за подобные разговоры. И ведь отругает, как пить дать отругает, и может сделать это достаточно резко. Этого нельзя допустить: она открылась тебе, потому что переживала за меня, совершенно чужого для нее человека. Далеко не каждый решится рассказать такое! Я ей благодарна за это, скажи ей спасибо. Но что мне-то делать? Я пока никакой угрозы ни с чей стороны не чувствую, напротив, живу окруженная искренней заботой и вниманием как со стороны мужа, так и со стороны своих друзей. Чуть приболела – и уже не только ты, но и Лола и Джастин переживают. Счастье иметь таких друзей! Большого и желать грех! Но и отбросить предупреждение Риты я почему-то не могу, что-то внутри меня подсказывает, что она не лжет, что она действительно была свидетелем разговора этих, из секты. Правда, я никак не могу понять, каким образом тут приплелись мы с Олегом? Где наши пути пересеклись с этими страшными людьми? Что мы им сделали? Зачем мы им нужны? Непонятно...

– Я тоже задавала себе эти вопросы, только ответов не нашла. Ты знаешь, я думаю, что и Рита всего не знает, да и знать не может, поэтому какие-то концы и не стыкуются. У нас просто нет необходимой информации, вот и все.

– Видимо, так... Ну и что теперь делать?

Ло нервничала: в близлежащих магазинах и аптеках не было никаких зеркал. Секунды, сливаясь в минуты, становились невозвратимым прошлым. Где-то шел разговор, возможно, пустячный, а возможно... Ло хотелось убедиться, что он пустячный, почему-то очень хотелось в этом убедиться. Ресторан. Ло вошла в полупустой уютный зал. К ней тут же подошла миловидная официантка и спросила, какой столик она желает выбрать?

– Пожалуй, столик у окна, – и очаровательно улыбнулась, а молоденькая девочка прямо ахнула про себя: «Ни фига себе, какая красавица! Полный отпад! Может, актриса какая... В жизни такого лица не видала! А фигура! А как одета! Божечка ты мой! Бывает же такое!

– Милая моя, вы что уснули?

– Да, да, пожалуйста, проходите, – торопливо зашебетала она, – вот этот столик около окна вас устроит?

– Вполне, спасибо! Я бы хотела позавтракать, но прежде чем сделать заказ... хотелось бы посетить дамскую комнату.

– Конечно, конечно, пожалуйста! В эту дверь и по коридору до конца, с правой стороны.

Ло кивнула и быстро пошла по указанному направлению. Туалетная комната была пуста. На левой стороне, над раковинами, в стену было вмонтировано огромное квадратное зеркало в тяжелой деревянной раме. Прекрасно! То, что надо! Секунда – и Ло, растворившись в нем, уже неслась по Тропе к своей цели.

Не дождавшись клиента, официантка решила проверить – что с ней, все ли в порядке? К ее великому и искреннему удивлению туалетная комната была пуста.

«Как же это? Что это такое? Куда же это она испарилась-то? – недоумевала девчонка. – Я-то все время была в зале, ждала, когда она выйдет и сделает заказ. Никто не выходил, никто, это точно! А незаметно пройти мимо меня к выходу она не могла, это совершенно невозможно, я ведь ее ждала! Так куда же она делась-то? Что это еще за прикол такой? Или... или у меня с башкой не того...»

Ло «проявилась» в спальне Елены и Олега и совершенно бесшумно подошла к полуоткрытой двери, ведущей в гостиную. Она видела край стола, заставленного вазочками и чашками, и кресло, в котором сидела Елена. Ло мгновенно почувствовала, как та напряжена и взволнованна. Тонкие пальцы нервно крутят пояс халата. Неужели что-то важное уже было сказано ей ее подругой Сабиной! Но что? Что она могла сказать ей такого, чтобы вот так взволновать? В тишине раздался тихий голос Сабрины:

– Не знаю... что делать – не знаю. Тут еще вот какое дело: Рита тоже в смятении, и тоже очень боится.

Услышав имя, Ло напряглась: что еще за Рита? Та самая, которая утонула в бурных водах горной реки, или какая-то другая самка с таким же именем? У людей огромное количество человек названо одинаковыми именами. У алантов совершенно иначе: у каждого свое имя, которое ему при рождении дают Посвященные. Маскируясь среди людей, аланты используют их имена, но настоящее имя – только одно, единственное и неповторимое. Это имя знают только аланты и только аланты могут его произнести. Так что же это за Рита?

Сабина говорила тихо, чуть ли не шепотом, но для Ло с ее уникальным слухом и памятью не составляло труда слушать и запоминать.

– От страха человек ищет какие-то пути, какой-то выход, – печальным и каким-то замученным голосом продолжала говорить Сабина. – Так вот, Рита вместе со своей подругой, тоже, кстати, моей студенткой, ездила к гадалке.

Елена слушала молча, не перебивая и не задавая никаких вопросов, только при слове «гадалка» пожала плечами и покачала головой. Видимо, увидев ее жест, Сабина тут же сказала:

– Да, Лен, я тоже отношусь ко всем этим вещам, скажем прямо, отрицательно. Нет у меня особой веры всяким экстрасенсам, колдунам и прочей братии. Истинный талант в этой области – дар редкий, можно сказать, единичный. Но, по словам девчонок, эту гадалку можно отнести к разряду особо одаренных. Ее зовут Анфиса Афанасьева и, кстати, саму себя она спокойно называет «ведьмой в пятом поколении».

Елена снова пожала плечами и иронически хмыкнула.

– Ну да, у меня эти слова тоже вызвали улыбочку, – тут же отреагировала Сабина, – но девчонки рассказали мне о ней такие вещи, что... что, знаешь, только руками развести. К тому же, никаких денег она не берет, это тоже кое о чем говорит. По крайней мере, ее нельзя назвать мошенницей, наживающейся на людском доверии. Так вот, Рита решила узнать не только свою судьбу, но и на тебя погадать. У нее есть фотография, на которой запечатлены ты, Олег и Виктор. Рита сказала, что как-то вы гуляли в ресторане, справляли день рождения Виктора и фотографировались. Было такое?

– Ну, день рождения Виктора мы почти ежегодно отмечали в ресторане и, конечно, фотографировались... Да, я припоминаю, на последнем дне рождения

Олег действительно был с какой-то девушкой, но я не обратила на нее особого внимания. Так что фотографии вполне могли оказаться у Риты.

При этих словах в глазах Ло зажегся недобрый огонек: так, значит Рита та самая. Значит, не погибла, и с ней каким-то образом имеет связь подруга Елены. Интересно! И сегодня Сабина пришла к Елене специально для того, чтобы что-то рассказать, и это «что-то» ей поведала та самая Рита. С другой стороны, что она могла ей поведать? По сути дела никакой важной и опасной для алантов информацией эта самка располагать не может.

Правда, пока в разговоре, услышанном Ло, ничего опасного и не прозвучало. Люди любят ходить ко всяким гадалкам, ведьмам, магам, колдунам... Они очень любопытны, эти люди, все им хочется заглянуть в свое будущее; они очень жестоки, эти люди, и с большим удовольствием насылают порчу на себе подобных. Когда-то Ло вместе со своей подругой Тарой весьма успешно играла с людьми в эту игру по предсказаниям и прочей ерунде. Было очень весело: и развлечение и обед. Интересно, где Тара сейчас? Двести лет назад они встречались в Индии. Можно спросить у Клэр...

Тут Ло поняла, что на секунду отвлеклась, переключившись на свои воспоминания, но самки по-прежнему говорили о гадалке, намереваясь посетить ее.

– Так вот, посмотрев на принесенную Ритой фотографию, эта самая Анфиса Афанасьевна сразу же определила, что Виктор мертв, но неспокоен.

При этих словах Сабина, Елена, слушавшая ее с напряженным вниманием, заметно побледнела и, чтобы скрыть свое волнение, встала и подошла к окну, тронула тяжелую золотистую штору, мазнула взглядом по голубому небу, голым веточкам сирени и, не оборачиваясь к подруге и стараясь унять мелкую противную дрожь, сотрясавшую тело, тихо спросила:

– А-а... что значит «неспокоен», Сабина?

– Не знаю... Рита тоже ее об этом спросила, но она ей ничего не ответила, только сказала, что ты обязательно должна к ней приехать, обязательно. Так вот я и подумала, может быть, съездим к ней. Мне и самой любопытно на эту гадалку посмотреть. Согласись, все-таки это действительно дар, взглянув на фотографию тут же определить, кто жив, а кто уже умер.

– Да... это, безусловно, дар... давай съездим..., – голос Елены был ровным, лишенным всяких эмоций.

– Лен, – Ло услышала шорох, шаги и в поле ее зрения появилась направляющаяся к Елене Сабина. – Лен, – ласково повторила она, – давай успокоимся и не будем ничего накручивать. – Она обняла подругу за плечи. – Пожалуйста, успокойся. Съездим с тобой к этой гадалке и послушаем, что она нам скажет, хорошо? Просто... для самоуспокоения съездим, ладно?

– Хорошо... давай съездим... когда?

– Обговорим это с тобой по телефону. Все будет зависеть от того, как ты себя будешь чувствовать.

– Да я думаю, что завтра, максимум послезавтра все уже будет хорошо. Я, видимо, сильно переутомилась на работе, дни были очень напряженные, комиссию принимали, нервничали все... Так что да, давай созвонимся...

– Ну, вот и ладушки. Ты меня сейчас проводи и ложись. Олег тебя сегодня хорошим врачам покажет, и все будет о'кей! – бодрым голосом проговорила Сабина и поцеловала подругу в щеку. – А я сейчас на работу побегу, у меня с часу магистры.

– А утром у тебя занятий не было что ли? – спросила Елена, направляясь вместе с Сабиной к выходу.

– Была одна пара, но меня наши «молодые» обещали заменить – они ребята надежные, так что срыва занятий не будет.

– А... ты мне как-то рассказывала про них: это и ваши студенты, и ваши магистры, а теперь и ваши аспиранты и педагоги, да? Так сказать, своеобразная преемственность поколений вашей кафедры.

– Точно. Причем, они – хорошие педагоги! Так что не верь, когда о молодежи говорят, что она сейчас «никакая», или еще хуже «такая-сякая». Во все века и времена она разная: есть ребята «никакие», есть «такие и сякие», а есть и хорошие, и умненькие, и талантливые.

– Чувствую, чувствую, что ты фанатка своей работы, – рассмеялась Елена, а Сабина вздохнула с облегчением. Она специально постаралась «переключить» подругу на другую тему, а то их сегодняшний «странный разговор» элементарно давил на психику.

– Ну, все... Давай я тебя еще раз чмокну и пока... Жди или сегодня вечером, или завтра моего звонка и не вздумай впадать в уныние, хорошо? Я думаю, что вся эта странная ситуация сведется к одному слову: чепуха!

Сабина прощально взмахнула рукой и исчезла за дверью. Стоя на террасе, у окна, Ло видела, как Елена, проводив свою подругу, несколько минут стояла у ворот, глядя себе под ноги и беззвучно шевеля губами. Потом тряхнула головой, провела ладонями по лицу, как бы стирая липкие и противные мысли, и медленно побрела к дому.

Ло вернулась в спальню и «нырнула» в расплавленный зеркальный оком. Следовало незамедлительно обо всем услышанном рассказать Джастину и Клэр.

Елена, прихватив телефонную трубку, снова села в кресло и, оглядев заставленный вазочками и тарелочками журнальный столик, налила себе в чашку уже остывшего, холодного кофе. Сделала глоток, поставила чашку, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. В голове было тяжело, на душе муторно. Из-под век непроизвольно покатались по щекам слезы.

«Да что же это такое? Только-только успокоилась и поверила в то, что все мои видения – только плод больной фантазии и страха, именуемого одиночеством, так на тебе – снова какая-то мистика! Покойница, кончающая «жизнь» самоубийством... Ужас! Даже представить себе такое жутко! Гадалка, именуемая себя ведьмой, взглянувшая на фотографию Виктора и определившая, что он «мертв, но неспокоен»... Ужас! Ужас, потому что он действительно мертв и действительно «неспокоен»!

Был, был «неспокоен», – сделала она ударение на слове «был», как бы успокаивая себя этим, и тяжело, со стоном вздохнула. – Господи! Не дай бог, чтобы снова вернулись все мои видения и страхи! Не дай бог!»

Елена открыла глаза и двумя ладонями вытерла мокрые от слез щеки. Равнодушно оглядела столик и подумала, что надо все убрать, вымыть, но не двинулась с места – давили мысли, тяжелые, мучительные и тревожные:

«Почему все это происходит со мной? Почему? Кто же мне ответит на это «почему»? Что же моя жизнь никак не складывается-то, а? Жила с Виктором и не понимала, что была счастлива, была по-настоящему счастлива, потому что душу согревал человек, который искренне любил... И которого я любила! Любила и люблю. Но не было ребенка, и последний год я вела себя как... как последняя стерва. Я мучилась сама и мучила Виктора. Зачем? Почему мы заставляем страдать самых близких и дорогих нам людей, тех, кого должны только любить и беречь! Почему?»

Если бы можно было все вернуть! «Если бы»... Господи! Как безнадежно и страшно звучит это «если бы»!

Елена покачала головой, потеряла виски, встала и подошла к окну. После холодов, противного снега с дождем и злого, кусачего ветра снова наступило тепло. Нежно голубело высокое небо. Взглянув на него, она вспомнила свою бабушку, которая очень любила голубой цвет. «Вот, Леночка, купила тебе матерьяльчик на платьице, небесненький. Сошью тебе платьице, будешь у меня, как куколка», – воскресила память ласковый бабушкин голос. Как вчера... все это было как будто вчера: и бабушка, и ее теплые родные руки, и «матерьяльчик небесненький»... И... и ничего и никого уже нет. Жизнь катится, мелькают годы, а в руках пустота. Одни потери. Нет уже ни бабушки, ни мамы, ни папы, ни Виктора...

Есть Олег, но почему это не греет мне душу? А ведь он любит меня, любит... пылинки сдувает, в полном смысле этого слова. Очень внимателен. Иной раз чрезмерно, иной раз настолько, что... что это раздражает. Виктор не был столь внимателен, но я всегда ошущала искренность и глубину его чувств, а с Олегом... – Елена задумалась, пытаюсь понять, «как у нее с Олегом», и вдруг выдала совершенно неожиданное для самой себя, – а с Олегом, как в театре. Искренне удивилась подобному сравнению, однако чем больше «обкатывала» его со всех сторон, тем сильнее ошущала его точность. Да, действительно, иной раз их разговоры, их отношения напоминают сцены из спектакля. Они с Олегом играют в хорошую, нет, в примерную, образцовую семью.

Тогда возникает вопрос: зачем? Возникает и другой вопрос: как она, Елена, всегда ненавидевшая ложь и фальшь, сама стала жить фальшивой жизнью? Вышла замуж за человека, которого еще полгода назад, а то и меньше, терпеть не могла!

Противные мысли раздирали голову так, что Елена со стоном произнесла вслух:

– Господи, с ума можно сойти! Ну, зачем я так себя мучаю? Жизнь не стоит на месте, все меняется, изменился и Олег, и я никак не могу сказать, что мне с ним плохо! Это было бы неправдой! Что я придумываю какие-то театры, спектакли! Я нашла человека, которому я нужна, который спас меня от моего жуткого одиночества! А я извожу себя! Я просто сама себя извожу! Идиотский характер! Докатилась! Уже вслух сама с собой разговариваю! Нет, надо, надо идти к врачу, нервы ни к черту! А как они могут быть нормальными, если вокруг меня творятся странные вещи, и я ничего, ничего не могу объяснить...

Елена отошла от окна и быстро, как будто торопясь куда-то, пошла на кухню, взяла поднос и, вернувшись в гостиную, стала собирать посуду. В такт ее быстрым движениям заплясали и мысли:

«Так, Олег прав, мне надо уехать... надо уволиться и уехать... в Россию, в санаторий, да неважно куда! Надо сменить обстановку, потому что я так больше не выдержу, потому что я...»

Зазвонил телефон, и Елена чуть не выронила из рук поднос. Поставив его на столик, взяла трубку и, подключившись, услышала спокойный и ласковый голос Олега:

– Леночка, как ты у меня там, не скучаешь? Все еще испытываешь головокружение или уже полегче?

– Да... уже полегче, – ответила Елена и действительно ощутила облегчение и от того, что звучит этот ласковый голос, и от того, что ее любят, что она не одна.

– Я где-то часа через два за тобой заеду. Сейчас дела кое-какие разгребем с Умидом, и я займусь своей любимой женой. Ты к моему приезду будь гото-

ва, хорошо? Прокатимся к врачам, я уже договорился. Возможно, вместе с нами туда подъедет и Лола: она, оказывается, уже посещала эту клинику, знает там некоторых врачей и очень ее хвалит. Ты как, не будешь возражать против такой помощи?

– Конечно, нет! Олег, давай сделаем так, как только ты соберешься ехать домой, так мне и позвонишь. Я тебя уже одетой ждать буду. Ладно?

– Ладно, ладно. Ну все, целую ваши руки, миледи! Я побежал. Ждите моего звонка.

Трубка донесла сигнал «отбоя», и Елена, решительно тряхнув головой, сказала сама себе, категорически пресекая поток «противных мыслей»:

– Все. У меня все будет хорошо. У меня уже все хорошо!

Поставив диск с записью песен своего любимого поэта Александра Файнберга, она взяла поднос и отправилась на кухню наводить чистоту и порядок.

В этот же день вечером в доме Сабины раздался телефонный звонок. Подняв трубку, она услышала взволнованный, задыхающийся голос Елены:

– Сабина, ало! Ало! Ты слышишь меня?

Интонации голоса испугали, в голове Сабины тут же выстроилась страшная цепочка: Рита – секта – ведьма – фотография – Елена – беда...

– Лена, Леночка! Что случилось? Что с тобой?

– Сабина, врач сказал, что я... – голос Елены прерывался от волнения.

– Что, Лена, что он тебе сказал? – занервничала Сабина.

– Он сказал, что я... что я беременна! Я... я так счастлива! Я...

– Ле-на! – с облегчением в голосе «пропела» Сабина, – подруженька ты моя дорогая! Как я за тебя рада! Поздравляю! Всем сердцем разделяю твою радость! Это прекрасное, прекрасное известие! Ну, слава богу! Сбылась твоя самая заветная мечта!

– Мама! – раздался звонкий голос Рустама, – вы чего так громко разговариваете? – Он подскочил к ней, взъерошенный, с листком бумаги и фломастерами в руках. – Посмотрите, что я нарисовал!

Сабина зажала микрофон телефонной трубки рукой и быстро проговорила:

– Рустам, подожди, рисунок я обязательно потом посмотрю. Ты же видишь, я по телефону разговариваю! Можно минуточку подождать, правда? – Сабина потрепала сына по голове и снова переключилась на разговор:

– Леночка, ну а как Олег? Обрадовался? Готов стать папочкой?

– Ой, Олег тоже очень, очень рад! Он мне тут же купил громадный букет потрясающе красивых роз! Представляешь – розы в декабре! Сабина, сегодня самый счастливый день в моей жизни!

– Еще бы!

– Ладно, целую тебя, а ты целуй своих чудесных пацанов. Гафуру огромный привет! Все, прощаюсь, Олег зовет.

– Беги, беги! Пока! Поболтаем при встрече.

– Обязательно. Да, Сабина, но к гадалке все равно съездим, хорошо? А то на душе будет как-то...

– Конечно, конечно, обязательно съездим. Я тоже считаю, что в этой ситуации надо как-то разобраться. Я тебе на днях позвоню. Все, не думай ни о чем тревожном, у тебя сегодня огромная радость, беги к Олегу! Пока! Искренне за тебя рада!

– Клэр, если бы ты только знала, как обрадовалась эта самка, узнав, что она беременна! – радостно воскликнула Ло, сверкнув своей белозубой улыбкой. – Ки-

нудась целовать меня! Представляете, каково мне было это вытерпеть! Она будет очень, очень любить нашего малыша, будет беречь его, как зеницу ока!

– Ну что ж, чудесная новость, Ло! Будем надеяться, что и в дальнейшем все будет складываться хорошо, и Елена сможет выносить нашего прекрасного маленького аланта. Джастин, милый! – Клэр повернула свою очаровательную голову в сторону высокого стройного мужчины, сидевшего на диване, – глаз с нее не спускай!

– Конечно, будь спокойна, – ответил Джастин, поднялся с дивана, мягким «кошачьим» шагом прошелся по комнате, встал рядом с Клэр и, заглянув в ее удивительные фиалковые глаза, тихо, но с напряжением в голосе проговорил:

– Меня волнует другое... меня волнует эта дерзкая и сильная самка Рита. Значит, она не погибла. Решилась, практически, на самоубийство и не погибла!

– Но чем она может быть нам опасна? Она ведь не владеет никакой важной информацией, верно? – пожал плечами Ло и, отвернувшись от Джастина и Клэр, подошла к огромному окну, стыкующемуся со стеклянной дверью на балкон. Ей нравилось стоять здесь, или на самом балконе и рассматривать улицы, дома, цепочки снующих машин и кукольные фигурки людей, или небо с ползушими по нему облаками.

– Да, милая, верно, с одной стороны верно: эта самка не слишком опасна для нас, но... но, с другой стороны... – Джастин замялся, осмысливая ситуацию.

– Что, что «с другой стороны», Джастин?

– Мы с Олегом увозили ее в горы. Она видела меня. Я не мог отправить Олега одного: он еще не был тогда в достаточной степени обработан, да и нужный дом в горах он бы без меня не нашел.

– Ну и что? Она ведь не знает, кто ты. Меня она тоже видела... в зеркале и... и при странных обстоятельствах в парке, – засмеялась Ло, – я с ней тогда поиграла немножко, поразвлекалась. Не думаю, чтобы она об этом кому-нибудь рассказала, вряд ли у нее есть желание прослыть ненормальной. Кстати, Клэр, я могу теперь пообедать этой Ритой? Я ведь тогда именно для этих целей ее приглядывала.

– Конечно, милая, эта самка сильная, агрессивная и неуправляемая, поэтому нам не стоит использовать ее в нашем ответственном эксперименте, так что, если найдешь ее – она твоя.

– Вот именно, «неуправляемая», и она почему-то сбежала, хотя по всем нашим расчетам обязательно должна была быть «управляемой» и слушаться своего самца. Она сбежала с риском для жизни! – Джастин голосом выделит эту фразу, – Значит, что-то ее к этому подтолкнуло! Что? И это «что» должно быть очень весомым.

– Да, это хороший вопрос, Джастин, – медленно проговорила Клэр. – Действительно, что? Не случайно Сабина, которая откуда-то знает эту Риту и которая, видимо, имела с ней разговор о какой-то гадалке, тут же пришла к Елене с «этим разговором». Если их беседа касалась только гадания и бродячего спирита, бывшего мужа нашей подопытной самки, то это пустяк. Но! – подняв предупредительно указательный пальчик, Клэр выдержала паузу, как бы подчеркивая важность своих слов, – но и этот пустяк следует проконтролировать. Верно, Джастин? Проследи за этим, милый. Среди этих животных есть гадалки, обладающие огромной силой и опасными знаниями. Редко, очень редко, но есть. Некоторые из них называют себя Посвященными. Понимаете? У людей, как и у алантов, есть свои Посвященные! Их силу и знания недооценивать нельзя! А эта сама называет себя ведьмой. Если она действительно ведьма, Белая Ведьма, – уточнила Клэр,

– то она опасна для нас, и тогда ее надо будет уничтожить. Правда... – Клэр на секунду замолчала, как бы вспоминая что-то из своей долгой жизни, и с неожиданным раздражением в голосе добавила, – правда, если она Посвященная, то это не так-то просто будет сделать.

– В таком случае, – сделал вывод Джастин, – контакт этой гадалки с Еленой вообще нежелателен. Кто знает, что она «увидит» и о чем ей расскажет!

– Да... думаю, что так, – Клэр с одобрением посмотрела на Джастина. – Но, знаешь, прежде чем трогать ведьму, следует убедиться, что она действительно для нас опасна. Если это Черная Ведьма, то мы ее еще и используем. Более того, она с удовольствием пойдет с нами на контакт, поскольку ее жизненная сила зависит от количества и качества творимого ею зла. Но если Белая...

– Клэр, – Ло отошла от окна, около которого стояла, любуясь панорамой вечернего неба, подошла к Джастину и, прислонившись к его крепкому плечу, тихо повторила:

– Клэр, а может быть стоит подслушать разговор этой ведьмы с Еленой. Если что-то пойдет не так, мы всегда сможем вмешаться и прервать их беседу, а если ведьма дала клятву темным силам, то... то она будет нам в помощь. Верно? Ведь такие ведьмы большая ценность!

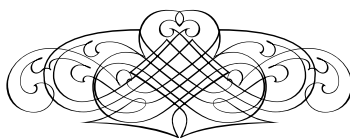
Джастин обнял Ло, наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

– А ты, малышка, уже имела какие-то дела с Черными Ведьмами? – насмешливо спросил он, улыбаясь и лаская рукой нежный шелк ее золотых волос.

– Нет. Я нет. А вот моему отцу служила одна, и он очень, очень ее берег.

– Верно, милая, верно... – фиалковые глаза Клэр затуманились, призывно приоткрылись пухлые розовые губы, обнажая ровную подкову белоснежных зубов. – Ты права, Черную Ведьму надо беречь, – тональность ее голоса понизилась до нежного сладкого шепота. – Черная Ведьма – это тьма, боль, страх, страсть...

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Андрей ПАВЛЮК

*Я вижу
золотые облака*

ВЕЧЕР

В чашке застыли чайники...
Вечером чайного цвета
Чуден полет паутинки,
Предвещающей лето.

Я – на душистом айване
Вкуса самсы и арака...
Пусть исчезает в тумане
Мира жестокого драка.

Трудно понять и представить,
Как пробирается в мысли
Времени сладкая память,
Песня об истинном смысле.

Словно погладили душу,
Словно воскликнули: «Здесь я!»...
В теплую чайную лужу
Смотрятся ночь и созвездья.

* * *

Там, где встречает день темнеющую даль,
Где солнце, заходя, край неба красит алым –
Там, только там она сорвет с лица вуаль
И сердце одарит восторгом небывалым.

Ты долго шел, ты жил дорогой между скал,
Средь пропастей и льдов, лавин и камнепадов,
Шел по ее следам, ее любви искал,
Ей собирал цветы и шкуры леопардов.

Я знаю – в том краю, где мирт, закат и тишь
 Вы встретитесь... Любовь теплом наполнит душу.
 Она уснет... А ты угрюмо замолчишь
 И будешь вспоминать дорогу, лед и стужу.

* * *

Усыпанная розами дорожка
 В чудесные сады вела меня,
 Со мною рядом ласковая кошка
 Послушно шла, играя и маня.

Душа моя парила, тело пело,
 Я шел вперед, не замечая, как
 Смолкали птицы, небо все темнело,
 Цветы тускнели, надвигался мрак,

И я пришел – ночь, мрачная пещера,
 Ревущий ветер, в тучах небеса,
 А вместо кошки – черная пантера
 Смотрела кровожадно мне в глаза.

И я вскричал: «О боже! Дай мне силы
 Поверить, что жива любовь моя!»
 ...Пантера промурлыкала: «Мой милый,
 А ты глупее, чем считала я...»

НОЧЬЮ В ХРАМЕ

Меркнет вечер. Тают свечи,
 Темен храма низкий свод.
 Шепоток неясной речи
 В полутьме струясь плывет.

Запах ладана и пыли
 Тихо кружит меж теней...
 Здесь молчали. Здесь любили.
 Здесь молили быть добрей

У того, кто чише света,
 Кто потом откроет дверь,
 Кто, не дав мольбе ответа,
 Только тихо скажет: «Верь!».

Кто простит и не осудит,
 И опять допустит зло...
 Здесь весь день молились люди,
 От их душ светло-светло

Было в лучезарном храме...
Но теперь, охвачен тьмой,
Полон шаткими тенями,
Храм, пугающе пустой,

Замер в чутком, скользком страхе
Перед миром без огня...
Лишь смиренные монахи
Молча ожидают дня.

НЕБЕСАУНА

Я вижу золотые облака,
Их линии печальны и раскосы...
Запарусилась времени река,
Даль, как девчонка, распустила косы.

Когда летят над нами небеса,
И ветер разухабивает кроны,
Я петь хочу мгновению в глаза,
Любить хочу неумолимый Хронос.

Так любит день закатную струну,
Так птицы любят тяжесть воспаренья...
Я поднимаюсь к облачному дну,
В звенящий купол, в выси вдохновенья,

Где, в золотых отсветах, скучен страх,
Где тело обретает знак и смысл,
Где – только там! – в мерцающих словах
Немых небес просвечивает мысль.

* * *

В небе цвета полыни туч осенняя завесь,
Серый дом, серый вечер, платье старое – серо...
Но глаза были сини, и глаза – улыбались.

Я не выставил свечи, запер все шифоньеры –
«А вдруг, – думал я – кинет? Ведь другие пытались!»
Но хрупки были плечи, а стан – тонок без меры.

Грубость, ненависть, зависть – все рассеяли речи,
Внеземные манеры, облик юной богини –
И сердца раскрывались, тела рвались навстречу.

За завесой портьеры, средь осенней пустыни
Волны чувств заплескались, и зажегся с той встречи
Золотой огонь веры – он не гаснет доныне...

А глаза были сини, и глаза улыбались.

* * *

Вот пыльная тропинка меж камней
Петляет по горам и дальше – в небо...
Остаться здесь или пойти по ней?
В горах я был, а вот на небе – не был.

Быть может, там, в горячей бирюзе,
Средь сонных облаков-тысячелетий,
Мне Азия вернет моих друзей
И объяснит, за что я был в ответе.

Мы все простим... Над пиками вершин
Вновь грянет смех наш, молодой и сильный...
Внизу, в предгорье, старый и один,
Я молча рухну у тропинки пыльной.

ПОЭЗИЯ

Израиль ЛАНДСМАН

Опальные поэты

ПРОЛОГ

Прозрачны ваших строф опалы
В кольце властительной опалы.
Она и душит, и гнетет,
Пробиться к людям не дает.
Но с каторги с колесным скрипом
До нас доходят манускрипты...
Недаром гении твердят,
Что рукописи не горят.

МОТИВ МАНДЕЛЬШТАМА

Поэзия всегда сознание правоты
И горькое, и гордое изгнание,
За крепостной стеной бессонные посты,
Затерянность в степи и бурей отпевание,
И весь голгофный путь с толпою до креста,
Предательство друзей, суд Понтия Пилата.
За высоту строфы в пролетности моста,
За правоту стиха неправая расплата.

Н. ГУМИЛЕВУ

Когда Петроград возвращался из белых ночей
в непроглядную тьму,
И желтый кораблик направил на осень
со шпиля корму,
И ветер трепал на обабленных тумбах
обрывки афиш,

В оставленной властью столице стояла
сиротская тишь.
И в пышном Казанском соборе,
кресты тебе,
Молились толпой за казненных,
оплавав тогда и тебя.
Но ты, уничтоженный пулей, не слышал
молитвенных слов
И гордо взошел по ступеням бессмертья
на гребни веков.

АННЕ АХМАТОВОЙ

1

Тебя называли пророчицей
И Анной вся Русь,
И ныне могучим хочется
Прошенья у «слабой» просить.
Но ты оказалась бесстрашнее
И многих сильнее на земле,
Где оборотни шабашили,
Где бесы бесились в Кремле.

2

Я жил с тобою где-то рядом,
Но о тебе не смел мечтать.
Моей единственной отрадой
Была стихов твоих тетрадь.
Я знал, что люди к знаменитым
Слетаются, как мотыльки,
Кладут на мраморные плиты
Тшеславья громкого венки.
А муза робкая, заметив
Смушение пунцовых роз,
Бежит, как Золушка, к карете,
Не выдавая гордых слез.

3

Ты бросила в мансарду розы,
Но Модильяни нет и нет,
И кажется, что под угрозой
Твой неоконченный портрет.
На нем готической башней
Нелепо вытянут твой стан,
А где-то гений бесшабашный
Склоняется к чужим устам.

4

Любила шали, и накидки,
И серебристых перлов нитки,
Но больше – рукописей свитки,
Моисеевы скрижали с гор,

И у кладбищенской калитки
Печальный монастырский хор,
И галерею Камерона,
И рядом Пушкинский лицей,
И бронзового Аполлона,
И царскосельных лебедей.
Любила и свою «обузу»,
Сестру свою – смуглянку Музу,
Темневшую в глуби аллей
В тревожной белизне ночей.

5

Закончился «времени бег»
На станции Комарово.
Умолкло, как выпавший снег,
Последнее вешее слово.
Но строки, как прежде, живут
В привычных раскованных ритмах.
Не страшен тебе уже суд
И критики ржавая бритва.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

*О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
(А. Ахматова)*

1

Писать в стихах о том, что будет плаха –
Одно и то ж, что занести топор,
Увидеть кумачевую рубаху,
Услышать неизбежный приговор,
И гибель звонкой рифмой напроорочить,
И меч Дамоклов лирой предсказать...
Не отдавай свой страх прозренью строчек,
Чтоб жертвою пророчества не стать.

2

Такого венца тернового
Даже Христос не носил.
И с этой бесценной обною
Брела, выбиваясь из сил.
От сына отчаянье прятала,
Но сладить с собой не могла.
Отвергнутая, закланная,
Плакала, как скала.

3

От боли скрючившись,
искала крюк,
чтоб выпрямиться,
обрести свободу
и унести с собой последний звук –
поэзии любимой
ВОЗДУХ.

Б. ПАСТЕРНАК

Я, кажется, с ума сойду
От буйства звуков и метафор.
Откуда-то привел их автор,
И вот они – в моем саду.
От блеска молний и зарниц
Оцепенели вмиг деревья,
Но безмятежно спит деревня,
Не слыша пенья синих птиц.

ЭПИЛОГ

1

Чем хуже время, тем поэты лучше,
Правдолюбивей и смелей,
Не испугаешь их колючей
Оградой концлагерей.
Их наповал лесоповалом
В тайге сибирской не убить.
Не властны маршалы и генералы
Над тем, кого не победить.

2

И прав поэт, не правы те,
Кто судьбами вершит поэтов,
Кто их ниспровергает в Лету
И распинает на кресте.
Но быстротечен лет поток.
Былые судьи умирают,
И лишь поэты воскресают
В нетленной правде веших строк.

Ферганские стихи

ОСЕНЬ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Любови
Рахматовне Тиллябаевой

Особо пахнуший дымок гузапай
Над полуобнаженным полем –
Все это дни осенние мои,
Дни радости и дни шемящей боли.
Здесь осень вкрадчива и женственно нежна,
Здесь нет огня рябин, что изумруды гложет,
Но все же как по-тютчевски она
Тревожит.

КОШКА

Тете Ане

Фрагменты ночи вставлены в лазурь,
Глаз инкрустирован кусочками агата,
И сумрачно глядит из зарослей лохматых
В возможность близких гроз, в тревоги близких бурь.
Но если бури нет и если гроз не слышно,
Погаснут в забытье кошачьи фонари,
И вспыхнет рыжий мех на этой шубке пышной,
Притронувшись к губам разбуженной зари.

проза

Назар ЭШОНКУЛ

Люди войны

Повесть*

Оседлые кунгиратцы живут у подножья Гиссарского хребта на берегу небольшой реки, почему-то называемой Каттасу. Другая река, берущая начало с горных ледовых вершин, течет мимо сотни деревень и сливается с рекой Пачкамар. Стремительная и бурная, она несет свои воды мимо кишлака Лянгар, затем превращается в тонкий ручеек. Весной река бурлит, и в ней полно огромных валунов. В период ливневых дождей, если в водоворот упадет человек, то ему фактически невозможно выбраться из него невредимым. Находясь на разных берегах, людям можно переговариваться друг с другом – здесь река не такая уж широкая и спокойная. Весной же приходится закрывать школу, так как учителям и детям становится невозможно перейти на другой берег, из-за бурного течения. Зимой благодаря чистой прозрачной воде можно увидеть ее дно. На берегу этой реки и поселились кунгиратцы.

Люди здесь в основном занимаются скотоводством и земледелием. Девушек из своего рода они не выдают замуж в чужой род, считая других неравными себе. Поэтому иногда происходят скандальные истории с жителями таджикских аулов, живущими за перевалом, для которых ни язык, ни род существенного значения не имеют.

Поговаривают, что предки кунгиратцев прибыли в эти края несколько веков назад.

Согласно легендам, рассказываемым стариками, представители этого рода жили очень дружно на своей былой земле, ни в чем не зная нужды. Они считали себя детьми трех священных стихий: земли, воды и огня. По этой причине между ними никогда не было раздоров. Земля их была богатой, плодородной, а называли они ее Долиной лилий. Во главе рода стояли старейшины, не было ни богатых, ни бедных. Затем в их край пришла война, которая сделала их врагами между собой. Необработанная земля не давала урожая, наступила засуха, люди погибали от голода. Внутри рода начались междоусобицы. Люди, отказавшись от старинных обычаев, больше мечтали о богатстве, которое украло у них доверие и любовь друг к другу.

Тогда один из старейшин рода Бойхун (может, Бойсун) решил, что невозможно продолжать так дальше жить и так как их род распался, им пришлось отправиться на поиски новой земли, для того чтобы начать мирную жизнь.

Люди с Бойхуном направились в сторону гор, к восходящему солнцу. Они стали подниматься все выше и выше. Но куда бы они ни приходили, везде их встречала враждебность – война преследовала их. И только на берегу Каттасу они узнали мир и спокойствие.

Здесь они и осели. Прошло много лет. Мудрый Бойхун состарился. Однажды, лежа на смертном одре, он сказал своим людям: «Если не найдете землю без войн,

* Продолжение. Сокращенный и переработанный литературный вариант повести подготовлен редакцией.

ваш мир разрушится: брат будет предавать брата, друг – друга, жена – мужа, люди станут лгать друг другу. Где проливается кровь, там рождается предательство. Счастье отвернется от этих мест, люди станут изучать не науку жизни, а науку убийства. Война все сотрет с лица земли, и из этого рода никого не останется. Все вы превратитесь в заблудившихся людей войны. Поддержите своих собратьев, которые ушли на поиски мирной земли. Если найдете такую землю, приведите и других туда...». Это были его предсмертные слова.

Прошло много времени с тех пор. Однако люди так и не смогли найти землю без войны – ее нигде не было. Кунгиратцы воевали друг с другом, война уносила их жизни.

Насколько близка была эта легенда к правде, никто не знал, однако, до сих пор все верят в ее правдивость. Детям дают имена Бойхун, Бойсун и рассказывают легенды о существовании такой земли.

Самыми многочисленными в их роду были чарджетимцы, род четырех сирот. Они населяли десятка три кишлаков. Они прославились своей неуживчивостью и скандальным нравом. Мужчины и женщины в роду были сильными и рослыми.

Около ста лет назад чарджетимец Бердишукур из деревни Олма, купив у старика Беккама землю, находившуюся у водопада Терсота, построил кишлак. Он мечтал основать спокойную и дружную общину только из своих сыновей и внуков. До войны этот кишлак жил мирной жизнью. Плодородный чернозем давал богатые урожаи, и постепенно Бердишукур стал богатейшим человеком кишлака. В канун войны деревня состояла из двадцати пяти дворов.

Нормат был единственным сыном деда Бердишукура после девяти его дочерей.

* * *

Зима сюда приходит в конце ноября и продолжается до конца марта следующего года. Долгое время реки не покрываются льдами, а родники остаются теплыми. Бывает и так, что в период самых лютых холодов (чилла), замерзают деревья.

В тот год зима была поздняя. Нормат, вернувшись с фронта, долго приходил в себя. Он набирался сил, ощущал в себе прилив бодрости, старался много ходить, купил в «рассрочку» коня у старика Янгибая и после нескольких тренировок потихоньку стал ездить на нем. Но на душе у него все еще было беспокойно. Анзират по-прежнему была холодна с ним, а он мучился, думая, что сам является тому причиной. Дети же ни на шаг не отходили от него, особенно сын Холмат, который стал подражать ему во всем. По вечерам дети играли с отцом, дочка Хаджар, взбираясь на его плечи, прыгала на пол, весело смеясь своему озорству. Анзират же сидела безучастной у печи, крутя веретено.

Безразличие жены со временем стало раздражать его. Однажды он спросил ее: «Если моя смерть была бы правдой, ты бы небось не ходила такой насуспенной?». Услышав такое Анзират расплакалась. Нормат не знал, что и думать.

– Что происходит с тобой? – спросил он.

Успокоившись, Анзират неожиданно тихонько сказала:

– Сварить бы шурпу из куропатки...

Ее тон, вкрадчиво и нежно произнесенные слова заставили Нормата вспомнить то время, когда они были счастливыми, и ему вдруг стало радостно на душе.

На другой день он, взяв ружье и сев на коня Каратуш, отправился на охоту.

Люди уже несколько лет не охотились на куропаток. Но Нормат добрал до самых Бухарских рвов, так и не подстрелив ни одной.

Дойдя до этих мест, он забыл об охоте, углубившись в воспоминания о тех светлых, беззаботных годах, когда возвращаясь с гурьбой джигитов с таджикских сел после соревнования купкари (козлодрание), он останавливался попить воды у родника. На войне он часто вспоминал и эту красную скалу, около которой пас ягнят, и эти рвы. Лежа в сырых окопах, Нормат мечтал хотя бы еще раз увидеть эти места...

Он долго бродил здесь. Туман клубился и медленно двигался в сторону шумящей реки. Было пасмурно, моросил дождь. Узкая дорожка стала труднопроходимой из-за грязи. Ноги коня скользили, и ему приходилось идти по пожелтевшей траве покрывавшей обочину дороги.

Грустный вид имели почерневшие холмы с поблекшими елками. Они походили на старух в черном одеянии, сидевших на корточках. Он подошел к старой елке, на которую любил взбираться в детстве. Ее ветви раздались в стороны, некоторые из них зачахли, а от ствола веяло едким запахом. «Стареем, друг. – подумал про себя Нормат, – Все мы похожи на эти елки, питающиеся землей».

Вдруг снизу послышалось печальное воркование куропаток, которое тут же затерялось среди скал. На сердце у Нормата было беспокойно. Хотя все здесь оставалось по-прежнему, но он понял, что все теперь изменилось, подобно его душевному состоянию.

Он спустился в ущелье и направился вдоль ручейка Терсоты. В горах стояла тишина, травы пожелтели, деревья стояли обнаженные, без листвы. На диких миндалях, боязливо покачиваясь на ветру, крепко держались по семь-восемь морщинистых, недозревших плодов. Он пришпорил коня. Хотел рысью пробежаться по берегу, однако, старый конь вскоре замедлил свой шаг. Нормат стал понукать коня громким гиканьем, а тот лишь вздрагивал и топоршил уши. Какая-то большая птица, выпорхнув из зарослей барбариса, улетела прочь. Его голос эхом разносился здесь. Это понравилось Нормату – он стал вновь и вновь кричать...

Когда его голос слегка охрип, он опомнился и вспомнил, зачем приехал сюда и повернул коня назад.

Под вечер он подстрелил только двух куропаток. Когда стало смеркаться, Нормат подъехал к роднику, где отдыхал утром. Привязав к дереву коня, сел на красноватый, сырой камень, лежащий возле родника. Только теперь он осознал, что вернулся к мирной и спокойной жизни, о которой мечтал на фронте. «Теперь такую мирную жизнь я ни на что не променяю. Жену не буду обижать. Буду делать добро близким и людям. Для меня теперь кончились война, кровь и смерть», – думал он. Поняв, что становится самим собой, он вдруг осознал, что возвращается к жизни. И Анзират, и эти горы, и люди, живущие здесь, были созданы для него, для его счастья и радости – это был его мир. Он широко распахнул свою душу для жизни, и душившая его боль прошла.

В тот вечер в доме Нормата был праздник. Анзират была весела и радостна. Дети, подсевшие к Нормату, спрашивали о фашистах.

– На кого похожи фашисты? – спрашивал Холмат. – Учитель говорит, что они выглядят как волки.

Нормат задумался. Если скажет, что они такие же люди, разочарует детей.

– Они похожи на собаку деда Малика, – ответил он, вспомнив собаку пастуха, которая бешено кидалась на каждого встречного. А сын не унимался:

– А у них четыре ноги, да?

– Да, они с четырьмя ногами, на двух ходят, а на двух других ташат смерть, – был его ответ.

Улыбающаяся Анзират, казалась счастливой...

Дни тянулись медленно. Нормат, не желая сидеть сложа руки, стал чинить всякую домашнюю утварь. Резкое похолодание отрицательно повлияло на его больную ногу. Как-то раз он удивил свою жену неожиданным вопросом:

– Нет ли у нас какой-нибудь пряжи?

– А для чего... вам?

– Буду вязать...

Анзират подумала, что ослышалась.

– Что... будете делать?

– Сказал же – буду вязать, – Нормат смущенно улыбнулся.

Анзират недоверчиво смотрела на него.

– Может, вам дать еще свое... веретено?

– Я не шучу, – ответил он насупившись, – Чем так сидеть, лучше детям что-нибудь свяжу... В госпитале одна медсестра научила нас вязать разные вещи – игрушечные корзинки, носки, чтобы не скучать. Некоторые даже умудрились связать себе свитер.

Анзират знала, что скучно ему без работы. Однако, что же скажут об этом люди! Ведь они болтливы. Где это видано, чтобы их мужчины занимались вязанием!

– Почему вы все время сидите дома? – спросила она, – зашли бы к знакомым, съездили бы к родственникам.

Нормат пытливо взглянул на нее. Ну вот теперь начала придирается...

– Не хочу, – ответил он вспыхивая, отвернувшись от нее. – До весны потерпи – уеду лечиться! Или я кому-нибудь мешаю тут? А?

Анзират побледнела, затем, встав с места, достала ему пряжу из сундука.

Холмат и Хаджар теперь наблюдали за его новой работой, а иногда сами пробовали вязать. Так и проходили дни.

Нормат родился в начале XX века, с детства помогал отцу пасти овец. Когда установилась другая власть не все дети пошли в новые школы. И он также не ходил в школу.

А когда стали заставлять всех учиться и образование было бесплатным, – время Нормата было упущено – он уже был взрослым юношей. Вскоре его женили на Анзират, родились дети. Супруги с утра до вечера работали на полях колхоза, налаживали семейный быт, но вскоре началась война...

На фронте за Нормата писали письма другие солдаты.

И тогда он понял, что упущенное время не вернуть и он остался безграмотным человеком...

* * *

Однажды утром к ним домой зашел Шариф. Он был чем-то очень обеспокоен, в руках держал ружье.

– Тебя зовет Мирзакул, – говорит, пусть придет со своим ружьем, – сказал он.

Нормат был удивлен. Мирзакул еще ни разу не приходил к ним домой после его возвращения с фронта.

– Оденься потеплее, – сказал Шариф. – Может, вернемся очень поздно.

– Чайку бы вам попить на дорожку, – сказала Анзират Шарифу, обеспокоенная столь ранним визитом.

– С чаем в другой раз, Анзират. Нас уже ждут на собрании, – сказал Шариф важно.

Уже в пути Шариф шепотом стал рассказывать:

– Наверное, ты тоже уже знаешь, что охотник Хотам сбежал с фронта? Оказывается, его не могут задержать уже около трех лет. Он скрывался в Таджикистане. Вчера об этом Сапар-вор наступал. (Нормат хорошо знал Сапара, который не раз сидел в колониях и тюрьмах, не имел ни семьи, ни детей, потерял здоровье). Мирзакул говорит, что ты фронтовик, поэтому можешь пригодиться. Будут еще три человека из военкомата.

Когда Нормат с Шарифом встретили Мирзакуля, то Нормат не узнал его: «Надо же! Растолстел – дальше некуда! Чем его только кормят? До моего отъезда такой стройный был, красовался, а теперь, смотреть даже противно».

– Нормат! Ты что-то совсем куда-то пропал! – воскликнул Мирзакул, оглядывая его. – И предложения моего не принял (Нормат только сейчас вспомнил о том, что

он предлагал ему стать бригадиром). Работать не хочешь или... жена не отпускает от себя?

Нормат, не обратив внимания на его плоскую шутку, сказал:

– Мирз... председатель! Вижу, что и без меня пока можете обойтись. К тому же, нога у меня все время побаливает...

Мирзакул сразу перешел на официальный тон:

– Ну-ну! Нога у него! Не на мой огород же работать идешь. Тоже мне воин! Теперь вот, другой такой же вояка, как ты, сбежал, опозорив нас всех. Кажется, он... с вашего рода, а?

– Выбирайте слова, председатель! Чарджетимцы пока еще никого не опозорили! – вспыхнул Шариф, оскорбившись от таких слов. Он не любил, когда так отзывались о людях, живущих в его кишлаке. – Если он и сбежал, то это будет на его совести! И спрос будет только с него! Причем тут наш род? Мы, что ли, не знаем людей из других родов, совершенно здоровых, но занимающихся тут бог знает чем, вместо того, чтобы идти на войну и защищать...

Мирзакул покраснел, сразу поняв, перебил:

– По мне, хоть оба оставайтесь дома! – закричал он. – Вот! – он кивнул на капитана. – Человек от власти приехал! Понятно вам! Требуется поймать дезертира! Требуется, а не просит вас!

Татарин капитан с двумя солдатами подошел к ним. Он не обратил внимания на их спор, только мельком взглянул на протезную ногу Нормата.

– Давай, Ташанич, кончай базарить! Теряем время! Мы все поедем вместе! – обратился он к Нормату.

Шел мелкий снег, было холодно.

– Ташанич, – сказал капитан, когда переплыли Каттасу. – Помни, нельзя стрелять находясь в деревне, и если столкнемся с ним там, может оказаться так, что у него тоже есть оружие. Вот что сделаем: ты выйдешь к ущелью и перекроешь ему дорогу, затем, окружив дезертира, мы заставим его выйти из деревни. Пойдешь с ним, – сказал капитан Мирзакулу, указав на Нормата, – а мы загоним его в ущелье.

Мирзакул кивнул, с неприязнью взглянул на Нормата и повернул лошадь в указанную ему сторону.

– Ташанич, помни, нужно его живым взять, понял? Безо всякой самодеятельности! – не уставал давать указания капитан. Видно было, что он очень обеспокоен этим делом. Вероятно, был жесткий приказ на этот счет.

Мирзакул еще раз оглянувшись, послушно кивнул капитану, затем хлестнул свою лошадь.

Снегопад усилился, но земля еще не промерзла. Лошадям было трудно идти. Внезапно Нормат почувствовал растущее в душе возмущение.

Он с ненавистью посмотрел на красный затылок Мирзакула.

«Неужели эта проклятая война и тут преследует меня, заставляя связываться вот с такими гадами!» – с горечью подумал он.

Остановились у рва, откуда был вход в ущелье. Мирзакул о чем-то подумав, ближе подошел к Нормату.

– Иди на ту сторону и стой за этим камнем, – он указал на большой валун. – Не слезай с коня, понял? А я буду вон там, – указал он куда-то и ушел.

«Тоже мне командир! Действительно, почему его не берут на фронт?» – подумал Нормат с ненавистью.

Нормат, подъехав к большому камню, спешился, несмотря на наставления Мирзакула.

Невеселые размышления обуревали Нормата:

«Что-то лихорадит – это нервы или простуда? Этого еще не хватало...

Может надо плюнуть на все? И уйти домой? Кто они мне? Неужели они думают, что я буду стрелять в Хотаму? Для чего!? Я свое уже отвоевал! Разве не лишился ноги, а заодно, лишился и ... любви жены?! О, как она меня любила! Еще до свадьбы с ней встречались. Со страхом выходила из дома и трепетала в моих объятиях, но как горько плакала, когда меня призвали на войну! Особенно в последнюю ночь перед отъездом! И сам тогда, помню, уже под утро, не выдержал...»

Глаза его наполнялись слезами. Он поспешно стал утирать их, чтобы не заметил Мирзакул.

Нормат прислонил ружье к камню твердо решив: «Теперь ни в кого стрелять не буду, тем более, в Хотаму – он мне не враг».

Из-за густо валившего снега та сторона ущелья была почти не видна.

– Нормат! – услышал он голос Мирзакула. – Не уснул, случайно? Будь начеку! Смотри... Почему молчишь?

Нормат не хотел отвечать ему, но все же откликнулся:

– Председатель, может... он давно уже сбежал с другой стороны?

– С какой еще другой стороны? – язвительно крикнул тот. – Только отсюда может он уйти, как в прошлом году! Ты еще не слышал о том случае? Он тогда тоже приехал домой, а когда пришли к нему, то он улизнул по нашей оплошности! Да, да, именно отсюда! Но на этот раз не пройдет этот номер! Нас много и...

Он не успел договорить – со стороны деревни раздался топот коня, выстрел и крики: «Стой! Стой! Стрелять буду!».

Нормат спрятался за камень, как на фронте, когда появлялась опасность.

Раздался еще один выстрел, топот коней стал приближаться. Кто-то недалеко от него пробежал, и было слышно, как он задыхается. Нормат сквозь густой снег увидел человека, бежавшего по краю рва. Он сначала повернул в сторону Мирзакула, а когда раздался его выстрел вверх – беглец стал бежать в сторону Нормата!

– Нормат, будь начеку! – закричал Мирзакул со своего места. – Помни – только живьем! Сам не стреляй!

Беглец из последних сил, бежал прямо к Нормату.

Хотам устрасяюще хрипел на ходу:

– Нормат, я знаю, что это ты! Не стой на дороге... не стой... тебе говорят! – Нормат увидел исхудавшего Хотаму, его обросшее бородой лицо, кровью налитые глаза. – Уйди, Нормат! – закричал Хотам, когда увидел, что тот не двинулся с места. – И ты продался! И кому?! Ведь они истребили весь народ! И я должен был защищать их... как ты?! Уйди, говорят!

Нормат не мог оторвать взгляда от его вспотевшего лица, а сердце его бешено стучало в груди. Сколько раз на фронте разрывались бомбы вокруг него, но сейчас ему было не по себе.

«Не стреляет в меня, значит – его совесть не позволяет этого. Но почему он бежал с фронта? Чтобы всю жизнь жить вот так? А ведь какой парень был смелый! Не лучше ли было, как все... А ради чего была эта война? И сейчас, кажется, он говорит об этом», – такие мысли пронеслись у Нормата.

Нормат знал Хотаму как честного и мужественного человека. Он не хитрил с людьми. Люди доверяли ему, предоставляя лучших коней. Один раз они вдвоем поделили призы. Тогда Хотам сказал Нормату: «Молодец, вижу, что знаешь себе цену, честно участвуешь в играх. Это мне нравится. И конь у тебя хорош! Давай меняться конями».

Они так и сделали. И между ними установилась солидарность и взаимопонимание, как это бывает у людей с родственными душами. А теперь...

– Уходи, Нормат, не доводи меня до греха, – теперь Хотам не просил, а приказывал ему. – Застрелю!

Нормат загородил путь ему.

– Хотам, брат мой! – Нормат говорил шепотом, чтобы не услышали другие. – Друг мой... все бесполезно... ты окружен! Если не я, другие застрелят тебя! Пойми, второй раз тебя не отпустят вот так, как тогда, застрелят...

Хотам шелкнул затвором винтовки:

– Не учи меня! Без тебя знаю! Нас всех застрелят эти безбожники!

Времени было мало, могли подоспеть и остальные. У Нормата другого выхода не оставалось:

– Не отпущу тебя, – решительно сказал он. – Хочешь, пожалуйста, стреляй в меня... Если честно, и... мне не хочется жить, – невольно и неожиданно для себя произнес он без всякой рисовки слова, сам поражаясь тому, что говорит.

Хотам удивленно смотрел на Нормата, но указательный палец держал на курке. Вдумываться в сказанное не было времени:

– Считаешь, не смогу? Еще как! В последний раз повторяю, – он прицелился. – Ну, что же, если до тебя не доходит...

Неожиданно Нормат сам бросился на ствол ружья. В нос ему ударил знакомый по окопам едкий мужской запах.

Хотам не успел нажать на курок, но оттолкнув Нормата от себя, со всей силой ударил его по животу.

– Получай, продажная шкура!

Нормат, вскрикнув от боли, упал на землю. Хотам, спотыкаясь, пустился бежать.

– Стреляй! – вдруг закричал Мирзакул, который лежал на снегу, прячась от шальной пули. – Стреляй, Нормат, стреляй, а то он сейчас убежит, стреляй, говорят тебе!

Со стороны деревни приближались остальные члены группы захвата. Хотам легко стал взбираться вверх по склону. Казалось, он вот-вот исчезнет за невысокой скалой... Но не успел. Мирзакул, прицелившись, выстрелил в беглеца. Затем перезарядил ружье. Но второго выстрела не понадобилось – Хотам зашатался, его лицо исказила гримаса боли. В следующее мгновение его бездыханное тело скатилось к ногам Мирзакула.

Теперь все, кроме Нормата стояли над ним. Он лежал на спине, его открытые глаза были устремлены в небо, из его рта тонкой струйкой текла кровь.

Мирзакул поднял пятизарядную английскую винтовку убитого и посмотрел на капитана, ожидая его одобрения.

Один из солдат, соскочив с коня, кончиками пальцев приподнял за волосы голову мертвого и сказал взглянув на капитана:

– Прямо в сердце!

Нормат еле поднялся с земли. Увидев Хотаму в крови, он отшатнулся.

– Что? Жалко его? – закричал на него Мирзакул. – Захотел помочь? Предателю? Думаешь, я не заметил? И тебя бы туда, негодяй! – и неожиданно для всех, прежде всего, для Нормата, нагайкой с размаху ударил его по лицу. – На! Получай! Запомни, за это я обеспечу тебе трибунал!

От сильного удара и боли Нормат тихо вскрикнул, а тот вновь взмахнул нагайкой, но Нормат опередил – схватил его руку и со всей силы ударил его.

Мирзакул упал. Нормат перестал себя контролировать и с каким-то остервенением набросился на него. Солдаты стали их разнимать. Но он, раскидав их в разные стороны, вновь шел на своего обидчика – ему хотелось его придушить, как в рукопашной схватке с врагом на поле боя.

Но в какой-то момент силы его покинули, и он упал на снег, хрипя как раненный зверь.

Солдаты подбежали к Мирзакулу и помогли ему сесть на лошадь, затем, вопросительно посмотрели на капитана: этому тоже помочь?

Шариф же так растерялся от всего произошедшего, что не успел вмешаться в ссору. Он медленно приблизился к Нормату. «Может у него нервный шок? Или он умер?» – подумал он.

Солдаты без приказа командира не решались оказывать помощь Нормату. Командир стоял около застреленного человека. В его планы не входило убийство дезертира. И теперь за это он должен был отвечать перед начальством.

– Не надо, ребята, сам справлюсь... сам... это мой друг, – бормотал Шариф, пытаясь приподнять друга. Но это ему не удавалось.

Капитан сердито посмотрел на Мирзакула, затем, спрыгнув с коня, опустился перед Холматом на корточки и стал быстро натирать его виски снегом.

– Снегом, снегом! – кричал он во весь голос солдатам, заодно и Шарифу – Дайте ему спирт! – Все вокруг засуетились. Мирзакул также спрыгнул с коня – нельзя было так стоять и наблюдать за происходящим. Он надеялся, что капитан одобрит его действия относительно беглеца, хотя он и вышел за рамки исполняемого приказа.

В том, что Нормат хотел помочь беглецу – не было сомнений! Мирзакул не слышал их разговора, однако, не сомневался, что Нормат не стал бы задерживать Хотама. Мирзакул подумал, что при случае обязательно расскажет капитану об этой «дружеской беседе». И тогда Нормат обязательно будет наказан, и его упекут на какой-нибудь срок в тюрьму. И это будет после того как он – Мирзакул подаст рапорт в соответствующие органы. А там... Там видно будет... если Нормат останется жив... И тогда ему с Анзират никто не станет мешать.

Такие мысли были у Мирзакуля по возвращению с задания.

Старуха Бийди в Терсоте взяла на себя роль хранительницы нравов своего рода. Хотя никто ее не просил об этом и даже не пожелал бы иметь такую блюстительницу обычаев.

Многие люди, устав от ее поучений, ненужных упреков, замечаний и капризов, стали ее тихо ненавидеть, но... при встрече с ней лстыиво разговаривали, приглашали на семейные мероприятия.

От нее доставалось всем – и женщинам, и мужчинам.

– Разве их можно назвать женщинами! – часто бушевала она, осуждая некоторых женщин. – Женщина должна сидеть дома, вести хозяйство, ухаживать за мужем, кормить детей. А эти? Только и знают, что шататься по аулу. Вернутся их мужья – все им расскажу!.. А мужчина должен быть мужчиной, а не бабой. В пору моей молодости мы неделями не могли услышать от них даже слова! Все по дому делали молча! А теперь? Сплетничают хуже женщин!

Двигалась эта старуха легко, выпрямившись, как прямая засохшая палка.

После смерти мужа – богатыря Бухара, она хоть и была еще очень молодой женщиной, второй раз не пожелала идти замуж, посвятив себя двоим сыновьям. И сама их вырастила.

Когда говорили о замужестве, она отвечала:

– Я все еще в браке с мужем, перед смертью он не давал мне талака (развода).

Прошли годы, сыновья выросли, обзавелись семьями, родились внуки. Но как-то раз она призналась своим снохам:

– Может и вышла бы замуж... да за кого? Где было найти такого, как он?

Никто точно не знал, как умер ее супруг. Только слышали все, что огромный камень, скатившийся с горы убил его...

И вот эта старуха Бийди сыграла роковую роль в судьбе Нормата.

А Нормат остался один со своими горестями. Оказалось, что у него не было друзей кроме Шарифа, жена которого вмешалась в их жизнь.

Если говорить о женщинах, чьи мужья оказались на фронте, чаще случалось, что поступали они соответственно тем обстоятельствам, которые складывались в их

жизни, а также в силу своих природных наклонностей. Но только безграничное отчаяние толкает порядочную женщину совершать поступки, на которые она никогда бы не только не отважилась, но и не подумала бы об этом.

Историю Мирзакула и Анзират нельзя назвать единичным случаем из жизни. Мирзакул изнасиловал эту женщину, затем... полюбил. Анзират была уверена, что муж ее погиб, а дальше надо было растить детей – голодных детей. К тому же Мирзакул хотел впоследствии стать мужем Анзират...

А зимние морозы продолжались. Казалось, этой зиме не будет конца.

Нормат стал помогать жене по хозяйству. Анзират работала с ним до обеда, а потом занималась домашними делами.

Нормат сильно изменился. Анзират очень переживала, когда узнала об убийстве Хотамы и других подробностях, связанных с ее мужем и Мирзакулом.

Как-то днем Анзират занималась уборкой в доме. Дети находились у родственников, а Нормат возился в огороде.

К ним домой заглянула Турсуной, жена Шарифа. Анзират ее недолюбливала за ее длинный язык. Та чувствовала это и мечтала когда-нибудь ей отомстить.

– Здравствуй подруга! Чем занята? Ой, будто уезжаете куда-то! – затараторила она.

– Лучше бы уехать подальше от тебя, – шепотом сказала Анзират. Затем добавила – Представляешь, моль попала в одежду и в одеяла. Сколько труда вложила, берегла! Вот тебе результат! Испортила моль и одежду, и одеяла.

Турсуной стала рассказывать о новостях в деревне:

– Знаешь, Рохатой дочку родила!

– Дочку, говоришь? – Анзират повернулась к ней. – Все мечтала о дочери, ведь у нее только мальчики.

– Да, надо поздравить ее.

Анзират, разговаривая с ней, успевала сыпать между одеялами какой-то порошок, который ей дал зоотехник с фермы (порошок был не то от моли, не то от клопов). В комнате стоял едкий запах. Покончив с этим делом, Анзират аккуратно сложила все одеяла.

Хотя в комнате и стоял неприятный запах, Турсуной все равно зашла в комнату, как к себе домой, и села неподалеку от хозяйки. Она очень редко заходила к ней, хотя их мужья и дружили с детства. Анзират не удостоила соседку приглашением в дом, а это сильно задело нежеланную гостью, делавшую вид, что она не обращает внимания на такие «мелочи».

– Знаешь, Муслима, жена учителя нашей школы, когда узнала что ее муж погиб, стала блудничать, – сказала Турсуной, устроившись поудобнее.

Анзират вспомнила о ней и ответила:

– Бедная женщина даже года не прожила с мужем, – Анзират, увидев, что соседка не спешит удалиться начала сердиться.

– Тетя Бийди, кажется, пока не знает об этом – продолжала Турсуной с издевкой в голосе в адрес старухи. – Ой, что будет, если она узнает! Представить даже трудно...

Анзират не знала, почему старуха Бийди и Турсуной недолюбливают друг друга – ведь обе горазды позлословить в чей-то адрес и могли бы быть самыми близкими подружками! Она подумала: «Только и знают, что вмешиваться в дела других! Теперь вот обсуждают бедную Муслиму. Чем она им не угодила? И как только бедный Шариф-ака живет с такой женщиной? Быстрее бы ушла к себе! Нет, с утра бегают по соседям... Неужели дома делать ничего?».

Анзират не стала поддерживать разговор, тем самым давая понять, чтобы гостья собиралась восвояси.

Но вдруг неожиданно у нее закружилась голова. Она, еле удержавшись на ногах, присела и стала сильно кашлять, прикрывая рот ладонью.

– Ой, подруга, что с тобой? – воскликнула Турсуной, удивляясь бледности ее лица. – Что случилось? О, Боже...

От сдерживания рвотных позывов у Анзират выступили слезы. Она, убежав во двор, присела за углом дома – ее рвало. Турсуной, выбежав вслед за ней, стала за ее спиной, двумя руками обхватив ее голову.

– Отчего это все? – будто испуганно осведомилась Турсуной.

– Зап... запах, – еле выговорила Анзират. – От запаха порошка тошнит меня, голова закружилась... Не беспокойся, пройдет, и вчера было также, но только тошнило от запаха топленого масла, – сказав все это, она как можно глубже стала дышать.

Турсуной наклонилась к ней и с интересом взглянула в ее лицо:

– Что?! Что ты говоришь? Как ... от запаха масла?! Ну-ка, дай посмотреть...

Она бесцеремонно стала трогать живот Анзират своими холодными пальцами. Обессилевшая Анзират не сопротивлялась ей, хотя было неприятно ошущать скользкие пальцы этой не симпатичной ей женщины.

Турсуной вдруг выпрямилась и заговорила, суетясь:

– Как это интересно... Давай пойдем домой... кажется, ты... Тебе обязательно надо лежать!

Анзират с помощью Турсуной встала, не прислушиваясь к полунамекам гостьи.

Они вместе вошли в комнату.

– Есть у тебя простокваша? – спросила Турсуной.

– Да, на кухне... Я сама...

– Нет, ты лежи!

Турсуной принесла простоквашу, чтобы дать ей выпить.

– Давно ли у тебя... такое? – допытывалась она.

Анзират машинально ответила, лишь бы та не приставала:

– Не знаю... Кажется больше двух месяцев тому назад... тоже так было, – не подумав ответила она, не подозревая, что именно в этот миг и решила ее дальнейшая судьба. И не только ее судьба...

Турсуной кое-как распрошавшись с Анзират, выбежала из дома. В ней проснулось дикое чувство мести: «Говорит: два месяца у нее так! А муж-то приехал когда? Не полный месяц! Ну, теперь знаю, что с тобой делать! За твое высокомерие, за неуважение ко мне! Надо же! Сама, оказывается, «непростая», а со мной как держится! Будто ангел! Посмотрим на тебя, когда муж узнает об этом!», и она поспешно направилась к старухе Бийди.

Турсуной зашла к ней, затем они вдвоем и направились к дому Нормата, который как раз в этот момент возвращался с поля.

Обе женщины подбежали к нему и стали наперебой о чем-то быстро говорить. Слушая их, Нормат все больше бледнел. Затем все зашли к нему домой...

Прошло некоторое время... К дому Нормата стали собираться люди, услышав, что у него там творится что-то неладное.

Хозяин походил на безумца. Он избивал свою жену. Бедняжка старалась молча сносить удары.

– Кто?! Кто, он?! – кричал Нормат хриплым голосом. – Лицо его посерело от ярости. – Говори, дрянь! Если не скажешь, на этом же месте разорву тебя на куски!

Обезумевший Нормат, схватив жену за волосы, поволок ее по грязной земле до коровника. Толпа в нерешительности и с любопытством к чужому несчастью следовала за ним...

– В последний раз спрашиваю!.. Говори! – орал Нормат утробным голосом. – Слышишь!

Тут старик Альяр схватил его за руку:

– Опомнись! В чем дело?! Что она сделала?

– Отойдите! – злобно прокричал на него Нормат, освободив руки. – Не ваше дело!

Альяр не сдавался:

– Убить собираешься? А дети? Хочешь их сиротами сделать? При живой матери?

– Отойди! – опять оттолкнул его Нормат. – Если мать такая, не надо и детей ее!

Он, словно не замечая вокруг себя никого, поднял с земли прогнившую веревку. Дрожащими руками кое-как соорудил из нее петлю. Взглянул на балки потолка коровника. Но тут ему опять помешал старик Альяр. Он крепко повис на его руке.

– Тогда... и меня повесь! Чтобы, когда тебя судить будут за это преступление, люди не говорили – вот этот старик тоже был свидетелем твоего безумия! Давай...

Тут кто-то из собравшихся подал боязливый голос:

– Что она сделала вообще?

Лысый Махамеди, находившийся в толпе, встал на сторону старика. Он выдернул из руки Нормата веревку и закинул ее далеко в сторону.

– Подумай, что люди скажут?! – Что мы уже начали друг друга убивать? Сам прекрасно знаешь, и так на войне сколько наших родных и близких погибло! (Его не взяли на фронт из-за глухоты и невысокого роста).

После этих слов Нормат, схватившись за голову, закачался и застонал. Затем, уже без сил он сел прямо на свежий навоз, а несколько женщин, тихо плача, подняли лежавшую без сознания Анзират и понесли ее в дом. Увидев, что его жену уносят, он попытался выскочить из сарая, и продолжать расправу над той, что навлекла позор на их дом и семью. Но его остановил Махамеди.

– Стыдись, дурень! Если твоя жена... – он запнулся, подбирая слова, потом, краснея, стал продолжать. – Не знаю, что она сделала, но все равно, разве так поступают с женщиной?! Ведь, она... мать твоих детей!

Всем присутствующим и ему не верилось, чтобы Анзират могла изменить мужу.

Тут неожиданно раздался громкий возглас Шарифа:

– Эй, Нормат! Что происходит в твоём... коровнике?!

Все разом оглянулись: за ними стоял Шариф.

– Что за шум, тетя Бийди? Что за сборище? В честь чего?

Бийди сначала ничего не хотела объяснять ему: кто он такой? Хотя бы он приглядывал бы за женой друга! Теперь же подает тут свой голос! Тоже мне начальник! Что же, пусть узнает обо всем! И она стала все ему с негодованием разьяснять.

Слушая ее, Шариф то хмурился, то краснел и, наконец, взглянув в упор на Бийди, спросил:

– Это... Турсунуи вам так говорила? Жена моя? Вы «затеяли» все только с ее слов? Вы узнали какая она только сегодня? Нормат! Что это такое? Хоть спрашивал ты у нее, у жены, прежде чем распускать руки? Может, кто-то из вас увидел ее с другим? – он оглянулся.

Все как один, ответили взгляд в сторону:

– Нет...

– Не знаем...

Шариф усмехнулся:

– Вот дикари, а! Получается, много шума из ничего? Вам бы только зрелища! Даже если оно кровавое! Ну-ка, разойдись по домам! – закричал он и презрительно посмотрел на Нормата. – Еще воевал, называется! Мир увидел! Нашел, кого слушать! Поверил кому! Бабам! Иди в дом, Нормат...

Нормату, нерешительно взглянувшему на окружающих после резких и вроде бы... справедливых замечаний друга, помешала Бийди:

– Нет! Пока эта шлюха дома, не войдешь туда! Не видишь, что все время молчит? Если бы была права, разве бы молчала? Ничего, обо всем узнаем! Шило в мешке не утаишь! Не слушайся Шарифа. Пойдешь ко мне, Нормат, сама тебе дам приют. Не унижайся, племянник мой. Не стоит эта женщина тебя!

Все ожидали – что же будет дальше. Слова друга подействовали на Нормата. Но оставить ли ее жить в своем доме? Почему же все-таки молчит Анзират? Не оправдывается! Может она думала, что мужа уже нет в живых прежде чем преступить эту черту? И кто же он, этот человек, сбивший ее с пути?

Нормат долго стоял, не поднимая головы, затем побрел за старухой Бийди, семенящей к своему дому. Сейчас ему больше всего хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, убить жену, уничтожить себя. Не хотел никого видеть. И в голове кружился только один вопрос: кто же он?

Толпа стала расходиться. Некоторые сердобольные женщины, пересилив себя, вошли в дом к Анзират. Они видели ее всю в крови и сочувствовали ей в ее несчастье – не дай бог ей умереть! Куда деваться тогда ее детям! Ведь они еще маленькие...

Шариф тяжело вздохнул, взяв в руки тоненькую палку, стоявшую в углу коровника, направился к выходу и свирепым взглядом отыскал жену, старавшуюся незаметно скрыться от него...

Холмата и Хаджар не было дома, поэтому они не видели всего этого кошмара. Дети гостили у родственников, живших в соседней деревне. Нормат к вечеру вместе с женой должен был привести их домой.

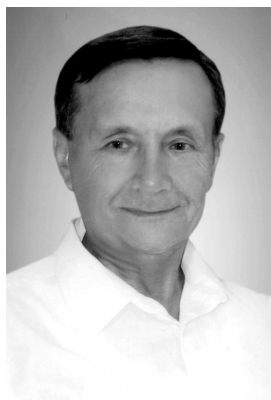
Но вечером Нормат никуда не пошел. На какое-то время он вообще забыл, что у него есть дети. Исчезла привязанность не только к ним, к жене, но и к самой жизни...

(Продолжение следует)

Перевод И.Чориева

ПОЭЗИЯ

Рифкат МАКСУДОВ*Вечная тайна и
вечный вопрос***МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА**

Мужчина и женщина – море желаний,
Вечная тайна и вечный вопрос.
Будто встречаются два мироздания,
Путь одолев чрез таинственный мост.
И удивленно глядя друг в друга,
Мир открывают они как бы вновь...
Пусть сохраняется неодолимая
Тяга друг к другу, зовут что Любовь!

ЗДРАВСТВУЙ МОРЕ!

Здравствуй море, старый дружище,
Новой встрече безмерно я рад!
Так скучал по тебе, тосковал по тебе,
Что вернулся, вернулся назад!

Обними меня вновь, приласкай, приголубь, –
Мы сольмесь в единое целое,
А потом отпусти меня к солнцу чуть-чуть,
Чтобы не было пятнышка белого.

Будем вместе мы долгие ночи и дни,
Изольешь ты мне нежную душу,
А затем позовешь быть навеки с тобой,
Чтоб сменил я на море всю сушу.

И куда б, милый друг, не бросала судьба,
Как бы долго разлуке не длиться,
Неопознанный мир, голубая мечта,
Будто вечно к тебе я стремился!..

МУДРЕЦ

В горах, на стоянке, где каждый
Стремится куда-то попасть,
Автобус стоит, переполнен,
И яблоку некуда пасть.

И вот уж растет возмущенье,
Под градом свет белый не мил,
«Когда же поедем? О Боже!
Терпеть уже нет больше сил!

Когда перестанешь, как в бочку,
Сельдей ты из нас набивать?
Дождешься, – сказала девица, –
Начнем твои кудри срывать».

«Автобус ведь твой не резина, –
Включилась другая во спор, –
Детей пожалел бы, старушек,
Иль хочешь иной разговор?.. »

Водитель привык, пропускает
Слова эти мимо ушей,
Его основная забота –
Собрать бы побольше грошей...

Когда ж приутихло волненье,
И гул возмущения сник,
Из задних рядов, из последних,
Сказал свое слово старик.

Он долго молчал, но, похоже,
Что мысль свою выразить смог,
Спросил он: «Здоров ли водитель?
Здоров ли водитель, – сынок!».

Водитель, – его будто жаром
Обдали слова старика,
Лицо обагрилось пожаром,
К рулю потянулась рука...

ГОРЦЫ

В далеком горном ауле,
Где низко плывут облака,
Где ветер гуляет свободный
И луч припекает слегка.

Где горных камней омывая,
Прозрачный течет ручеек,

Живут необычные люди,
Живет горделивый народ...

Казалось бы все здесь обычно:
И так же трава зелена,
Все так же рождаются дети,
Сменяются все времена.

Младенцы в довольной улыбке
Сосут матерей молоко,
Детишки резвятся в речушке,
И слышен их смех далеко.

В тандырах пекутся лепешки,
Следит за «гаремом» петух,
Все так же пасутся коровы,
Хвостом отгоняясь от мух...

И все же здесь все необычно:
Здесь горный, особенный дух,
Здесь мало людей недостойных,
Здесь брань не услышишь ты вслух.

Здесь ярче пылает светило,
И ярче сверкает луна,
И ярче здесь светятся звезды,
И звонкая здесь тишина.

Здесь каждый мужчина – добытчик,
Хоть звезд не хватает с небес,
Стремится наполнить достатком
Свой дом, – как и в поле чудес.

Здесь каждая в доме – хозяйка,
И каждая в доме – швея,
И мужа встречает с почтеньем,
Улыбку свою не тая.

Здесь люди намного стройнее,
И горные тропы любя,
Живут, забыв о болезнях, –
Жирок отогнав от себя.

Здесь старших всегда почитают,
Здесь первым услышишь: «Салом!».
Ты свой, если тут же ответишь:
«Валейкум», затем – «Ассалом».

Здесь путника хлебом встречают
И кислым еще молоком,
Нальют и зеленого чаю,
Крепись! Коль идти далеко...

Хочу быть и я, горожанин,
Как горцы с природой на «ты»,
Жить с нею всегда с пониманьем,
В гармонии – без суеты...

ВСТРЕЧА

Растерян взгляд, порывисты движенья,
Тревогу любопытство одолев,
Открыло чуть завесу отчужденья
В страничку новую взглянуть не смев.

Мы на земле, – Вселенские созданья,
Младенцы, и условностей рабы!
Мы проникаем в тайны мирозданья,
В быту ж беспомошны, – не оплошать кабы.

Душа! Когда б ты обрела свободу,
И мыслями делилась не таясь,
То поняла бы, что угодно Богу –
Красою восторгаться – не боясь!

проза

Латиф МАХМУДОВ

Миллион штук урюка

Рассказ

Мне никогда в жизни не было так тоскливо, как в начале этого лета.

Друг мой Мирвали бросил меня, удрал с отцом в Бостандык. К какому-то отцовскому другу, у которого в горах дом, и сад, и пчелы, и... Мирвали, правда, пригласил и меня, но не мог же я сразу сказать – спасибо, друг, конечно, я поеду. И пока я думал, как согласиться не сразу, он торопливо сунул мне руку.

– До свидания, друг, – сказал он, – я тебе письмо напишу из Бостандыка.

И укатил без меня.

Я слонялся по двору. Ходил и ходил по кругу, как одноглазая лошадь вокруг колодца. Ходил, ходил, голова закружилась, а я ходил.

– Делом бы занялся!..

– Каким?

Бабушка всегда придумает дело.

– Урюк бы собрал! Варенье сварим.

Вот еще! Зачем из и так сладкого урюка варить варенье?!

Я взял мяч и пошел пинать его на улицу. Допинался до соседней махалли.

Судьба у меня такая злосчастная – попал мячом в чье-то окно. Еще и стекло не кончило звенеть, когда я со всех ног рванул от того дома. Прошай, мяч!

Вот жизнь! Хоть садись посреди двора и вой от тоски.

И тут заскрипела калитка и раздался знакомый голос:

– Эй, Батыр!

Мирвали! Ну, погоди!

– Вам кого? – спросил я.

– Тебе что, голову напекло? Уже не узнаешь друга?

– Какого друга? Вы кто?

– Э-э, Батыр, не сходи с ума! – закричал он, заглядывая мне в лицо. – Мирвали я, Мирвали! Из Бостандыка приехал.

– Знал одного Мирвали, – сказал я, – он обещал мне письмо прислать. Из Бостандыка. Вы его там случайно не видели?

– Издеваешься?! Я, как дурак, тороплюсь к нему, хочу его обнять...

– Ладно, – сказал я примирительно. – Значит, отдохнул?

Мирвали подпрыгнул и уставился на меня.

– Я?! Отдохнул?! Да я не знал, как оттуда вырваться! Я тебе тысячу раз позавидовал, что ты остался дома.

- Мне?
 - Тебе!
 - Это уже интересно, – сказал я. – Рассказывай.
- Мирвали вздохнул.

– Интересно было только вначале. Едем мы на машине – кругом бахчи, сады, отары и горы. Думаю – здорово было бы здесь пастухом поработать. Нам с тобой. Я бы на коне искал хорошие пастбища, а ты бы пас овец. У нас бы овцы потолстели, раздулись, как бочки...

- Ты бы на коне, а я бы пас овец? Спасибо, друг! Паси сам!
- Но ты же не умеешь на коне!
- А ты?

И мы заспорили, как всегда. А потом вдруг подумали, что оба никогда не ездили не только на горячем скакуне, а даже на смирном ослике, и замолчали. Ведь живые кони не продаются в магазинах, словно велосипеды, не попросишь отца купить.

- Рассказывай дальше, – сказал я.

Приехали они. Друг отца работает в саду. Дети его работают в саду. Соседи и дети соседей тоже работают в саду. Все собирают урюк. Вечером хвастают друг перед другом: один собрал тридцать ведер урюка, другой сорок, а третий – все пятьдесят.

А Мирвали бродит вокруг сада. Один, как отбившийся от отары барашек. На гору залезет, посидит. С горы слезет, посидит. Делать нечего. Даже поговорить не с кем. Все работают, а он сидит, мучается.

- Да-а, – сказал я, пожалев его.

Потом и отец его пошел работать в сад, урюк собирать. Мирвали никто не прекает, что он один не работает. Но и никто не разговаривает с ним. Как будто его тут нет вообще, и вовсе не приезжал он сюда.

- Ну жизнь! – сказал я, и мне захотелось погладить друга по плечу.
- А однажды вечером, – продолжал он, – отец говорит мне: «И в кого ты уродился такой. У нас в семье никогда не было лентяев. Наверное, тебя Батыр с толку сбивает».

Обида вошла в мое сердце.

- А ты?
- А что я! Сказал: наверное.
- Какой же ты балбес, Мирвали! – горько упрекнул я. – Значит, на меня все и свалил! Сам первый лодырь, бездельник.
- Кто, я?! Никогда не был лодырем до знакомства с тобой. Это все ты!
- Сейчас я всем докажу!.. А ну пошли!
- Куда?
- К тетушке Жаннат.
- Что я там не видел, – буркнул он, однако двинулся за мной.

Тетушка Жаннат жила одиноко в небольшом чистеньком доме с уютным двором. Во дворе журнал арычек, росли кустики райхана, а над всем двором раскинули ветви две огромные урючины. Плодов на них было так много, что урючины походили на две желтые тучи, столкнувшиеся над двором.

Тетушка обрадовалась, увидев нас, пригласила сесть под урючину и стала угощать чаем. Принесла полную миску розовых полупрозрачных плодов.

- Кушайте, сыночки! А я пойду, маставу поставлю.
- Ах, урюк! – сказал я, прожевывая один плод и глядя на Мирвали. – Чистый нават.

Мирвали заерзал и с тревогой посмотрел на меня.

– Пока еще не нават, – сказал он. – Через неделю будет нават. Придем сюда через неделю...

Кажется, он догадался о моих мыслях.

- Через неделю воробьи все склюют, – сказал я.

- Им тоже хочется есть...
- Надо сегодня убрать весь урожай! – решительно сказал я.
- Хорошо, сегодня. Еще немного посидим...

Мы пили чай и говорили, и я все время удивлялся, чего это Мирвали подворачивает штанины. Держит пиалу в одной руке, а другой все подворачивает и подворачивает.

Он поставил пиалу и сказал:

- Я готов. Только договор: я трясу урюк, а ты подбираешь с земли.
- Я было кивнул головой, а потом спохватился и быстренько засучил штаны.
- Трясти буду я, а подбирать – ты!
- Первое слово дороже второго! Я сказал первым.
- Ну и что! А я первым залезу.

И я полез, но он схватил меня за штанину и не пускает. Я хотел его лягнуть, но руки сорвались, и я шмякнулся.

– Упал один созревший фрукт, – нахально пропел Мирвали и быстро полез на дерево.

Далеко он не успел влезть, так как я схватил его за ногу, и он с воплем, обдирая руки о древнюю, всю в трещинах, кору сполз вниз.

Мы чуть не подрались. Уже, сопя, начали толкаться левыми плечами, уже я горестно размышлял – где раздобыть несколько пятаков, лечить синяки. И вдруг Мирвали отступил.

- Два же дерева! – ахнул он.
- Ну и что?
- И нас двое. Каждому по урючине.

Тьфу, как все просто решилось. Почему это не пришло в мою голову?

В знак примирения мы снова сели под урючину и продолжили чаепитие. Хорошо! Вода течет по арычку, райхан благоухает, и иногда, как тяжелая градина, срывается с ветки спелый плод.

И мы сидим, как два уважающих друг друга человека, ведем за чаем неторопливую беседу.

- Богатый урожай!..
- Да уж не бедный.
- На каждой веточке не меньше, чем по сто штук.
- Может, больше. По пятьсот.
- А таких веточек на каждом дереве по тысяче.
- Да-а, полмиллиона штук на одной урючине.
- На двух – миллион.

И замолчали.

Наверное, мы подумали одновременно одно и то же: а кто будет собирать этот миллион? Мы? Мил-ли-он штук!

Я почувствовал, как у меня сразу заныли все кости, спина стала будто ржавая. Я потихоньку спустил засученные штанины и обулся.

И Мирвали потух. Сидит и бормочет: «Миллион, миллион...»

- Через неделю он еще слаше будет, – сказал я. – Вот тогда...
- Правильно! – подхватил Мирвали. – Лучше через неделю.
- Тогда чего же мы сидим здесь?

И мы пошли.

За калиткой мы еще раз оглянулись. Две тяжелые желтые тучи плыли над двором тетушки Жаннат.

Мы уже знали, что не по нашей воле прольется из этих туч сладкий золотой дождь.

Перевод Ф. Камалова

ПОЭЗИЯ

Любовь ТИЛЛЯБАЕВА

*Свеча урючины тихонько
пламенела*

* * *

Когда бессонными ночами
В висках года стучат набатом,
И угрызений и печалей
Тисками сердце крепко сжато,
Я вспоминаю детство, дом,
Арыка плеск в уютях сада,
Луны застывшей в небе ком
И луч сквозь плети винограда:
И чрез убогость всех прозрений,
Стремлений всех, всех знаков касты
Стрела пронзает сожаленья –
Ведь это все и было счастье!

* * *

Был день как день, осенний и безмолвный,
К зиме слегка клонившийся уже.
Спокойно было хлопковое поле
С фигурками в серебряной меже.
А золотого тополя клинок
Вонзился в тело розового неба.
Внизу на перекрестке трех дорог
Свеча урючины тихонько пламенела.
По склону же горы, неровной и покатой
Текла струя багрового заката.

* * *

Мы привыкаем жить без близких.
Родных по духу. И уже
Касаемся ладоней склизских
Без отвращения в душе.

И каменеют наши лица.
И безучастны голоса,
Когда в дверь странник постучится,
Ночлега в непогодь прося.
Грань меж добром и злом в сомненьях
Становится не так строга.
Недалеко и до мгновенья
В блаженстве возлюбить врага.

ТЕГИРМОН

(старая мельница)

Уют заброшенности. Кошкой
Здесь притаилась тишина.
В подслеповатое окошко
Глядится вечности вода.
Вокруг суры, кудрявя тени,
Плетьми свисает виноград,
И покосившиеся стены
Чуть желтоватый свет струят.

* * *

Прошел апрель – пора влюбленных. Май –
Чтоб маяться обманшика плодами,
Точь-в-точь как несмышленное дитя,
Объевшись недозрелыми «гура»ми.
Попавшихся в силки любви настиг
Предчувствий надвигающийся ветер,
И каждый в глубине уже постиг,
Как был велик обман. И как был светел.

* * *

Не глубоки твои колодцы –
Иссяк источник для питья.
В тебе, я знаю, не придется
Мне черпать воду бытия.
Как хрупко все, что ценным было,
Хоть ангел и простер крыло:
Любовь, огонь, добро и силу
Рекой забвенья унесло.

* * *

Дремлет осень, как большой ребенок,
Много дней метавшийся в жару,
Утомленный дождик тянет сонно
Песню колыбельную свою.
Осень-осень, видно, ты устала

Позолотой будни украшать:
Смотришь сверху безразлично-вяло
На мои попытки устоять.
Все ж твое приятно мне участие
В сиром одиночестве моем.
Неизбежность переждем ненастья
В тихом доме у огня вдвоем.

* * *

Ваш или мой черед – как знать,
Переплывет кто раньше Лету.
Кому на свете благодать
Встречать весну, а следом – лето.
Ведь время, крепко сжав тиски
Своих безжалостных объятий,
Сближает наши предзакатья
Там, где дороги так узки.

СИРЕНЬ

Доверившись обманному теплу,
Зажав в шершавых кулачках листочки,
На ветках голых выступили почки
И стынут в ожиданье на ветру.

* * *

Весна покрыла зеленью чинары
И разливает воздуха вино,
Процеживая солнечное марево
Сквозь кружевных акаций полотно.

* * *

Хрустальной тишиною по полю
Катился вечер в глубь долин.
На трос стальной прямого тополя
Подвешен хрупкий шар земли.

ГОРНЫЙ ПОТОК

Летит стремительно поток
На фоне нежных гор лиловых.
В туманной дымке уголок,
Травой заросший. Лес арчовый.
Темно и мрачно, но вдали
Мерцает голубое небо.
От сочной зелени земли
Несет теплом. И пахнет хлебом.

* * *

Хлеб наш насушный в тернистом пути –
Горечь предательств и очарований;
Высший удел – на костер свой взойти,
Не растеряв себя в риске исканий.
Путь лишь один: не впадать чтоб в соблазн,
Жить вопреки, не желая ни мести,
Ни воздаяния; и не для зла,
Не от бессилья замаранной чести.
Выше нет истины: пламя костра
Чтобы свечей к небесам устремилось –
Нужно, чтоб хвороста вдоволь скопилось.
Греться ж найдутся всегда мастера.

* * *

Всклокоченное солнце над землею
Глядит отечно-желтым босяком.
Пыхтит в одышке город, серой мглою
Накрытый, точно грязным колпаком.
И мысль летит в далекое далеко,
Где в кувшине двора цветет сирень,
Где солнца сатанеющего оку
Дна не достать – и там густая тень,
Где у соседей в сумерки так птица
Зайдется над сурой, в томление войдя,
Что кажется должна остановиться
Земля, за грань реалий перейдя.

* * *

Не политая грустными дождями,
Свой прячет осень потемневший лик.
От жажды пересохшими устами
Луч к краю лужицы спеша приник,
От бремени плодов освободившись,
Ждет отдыха усталая земля, –
Мечтает скромно тихую услышать,
Как в детстве, колыбельную дождя.

* * *

Тополя в округе облетают,
Золотым дождем листва идет.
Улетают птицы, улетают,
Косяком вонзаясь в небосвод.
Так и с душ спадают оболочки,
Растворяясь в тверди без следа;
И летят бесплотные комочки
В неизвестность мира навсегда.

проза

Сагдулла СИЯЕВ

Воспоминание

Рассказ

К вечеру жара спала, и воздух словно немного пожелтел от медленно тающих солнечных лучей.

Тетушка Равшан, прочитав коротенькую молитву, провела руками по лицу и поднялась из-за стола.

– Чего же вы торопитесь, мама? – сказала невестка. – Вы ведь и так редко бываете у нас. И сына не повидали.

– Пойду, дочка. Проведала. Все у вас, слава богу, в порядке. Будьте счастливы.

– Ильхамджан придет с работы, проводит вас, – не унималась невестка.

Старуха вздохнула и надела кавуши. Невестка засуетилась, сунула в пакет конфеты, печенье, проводила Равшан до калитки.

– Приходите почаще, – сказала она, целуя сморщенные щеки свекрови.

Тетушка Равшан подошла к трамвайной остановке. Народу – видимо-невидимо. На дверях стремительно пролетающих вагонов висят парни, покуривая сигареты. «Дай вам бог сильные ноги», – подумала тетушка Равшан и перешла на противоположную сторону улицы. Шла она медленно и долго. С пакетом в руках, в белоснежном кисейном платке, она тяжело шагала, словно усталый путник, и порою с надеждой поглядывала на все еще пролетающие мимо гремящие трамваи. Они по-прежнему были полны. Тетушка Равшан подошла к скверу и свернула в тенистую аллею. Посидеть бы. Глянув на медленно заходящее солнце, она опустила на скамейку. Положила рядом с собою пакет, вздохнула и поглядела по сторонам. Зеленые деревья, цветы. Как много цветов вокруг. Небольшой фонтан – аккуратными струйками падает вода. Тетушка Равшан тяжело вздохнула. Пахнет цветами и водой. Вода тоже имеет свой запах.

На сердце почему-то было тревожно.

Тетушка Равшан неподвижно сидела на скамейке и разглядывала водяные струйки фонтана – казалось, они падают прямо с неба.

...Когда-то здесь, на этом самом месте был Пьянбазар. Почему он так назывался, она и по сей день не знает.

Чуть пониже располагался квартал ремесленников. С утра до ночи здесь гремели молоты кузнецов. А на месте вон того красивого дома была земляная крепость. Там стояли солдаты.

В ту пору Равшан была маленькой. Отец ее, крестьянин, сеял, пахал, выращивал овощи и все отвозил вот на этот самый базар.

Однажды он взял с собою Равшан.

Она закуталась в материнскую паранджу, и ехали они на попутной двухколесной арбе. Ей было тогда лет двенадцать. Они с отцом продали овощи и фрукты и купили полосатую бязь на платье. Она хорошо помнит то свое платье.

На базаре сплошная толчея. Пыли по колено, у лавок гомонят ребятишки. Мужчины усатые, бородатые. Теперь таких не встретишь. А нищих, нищих дервишей... с черными чашками на шее для подаяния. Кричат, причитают:

*Создал всех людей алах,
Человек – былинка, прах.
После смерти в царстве божьем
Все равны – и раб и шах...*

Вдруг вода в фонтане зажурчала громче, и этот звук прогнал воспоминания.

На аллее показалась группа девушек. Они о чем-то весело болтали, перебывая друг друга. Ну, чисто птицы.

Поравнявшись со скамейкой, где сидела тетушка Равшан, девушки остановились.

– Свободно? – спросила одна с продолговатыми глазами и очень нежным, как показалось тетушке Равшан, голосом.

– Свободно, свободно, – ответила Равшан, забирая кулек со скамейки на колени.

Девушки опустились на скамью, как воробьи на ветку, и тут же забыли о старухе. Они оживленно говорили о чем-то своем.

Вроде бы неловко слушать чужие разговоры, – подумала тетушка Равшан. Но больше нигде нет свободной скамьи, а хочется еще немножко посидеть. Она глядела перед собою, стараясь не слушать болтовню девушек.

И все равно невольно слышала и шепот и смех.

– Потише.

– Да она не услышит.

– Как бы не так, к старости слух обостряется.

– Умница, дай за это я тебя поцелую.

– Отстань, измажешь помадой.

И снова смех.

Одна из девушек открыла портфель и вытащила открытки:

– Это Ленинград!

– Смотрите, девочки, какая красота.

– Ага, – закричала другая, – открытки из Ленинграда. Значит, и письмо есть.

Давай сюда портфель.

Обладательница портфеля смутилась.

– Ну ладно. Я и так знаю, что пишет тебе твой Камал. Слушайте! «Пусть это письмо летит быстрее ветра в мой родной Узбекистан, к моей прекрасной Бустан».

– Смотрите, смотрите, да она просто стихами говорит.

– «Как ты живешь, моя прелесть, не скучаешь ли обо мне?»

– Конечно, скучает, как же, столько парней вокруг!

– Молчи, а то я потеряю нить. «Моя радость, белые ленинградские ночи кажутся мне черными без тебя. Я обезумел от любви и уже, кажется, начал заговариваться».

– Неправда, этого в письме нет.

Девушки снова засмеялись.

– Когда же он приедет, этот влюбленный?

– Ты о ком, о Камале?

Она начала что-то говорить, но тетушка Равшан больше ничего не расслышала.

Камал! Как странно.

У нее тоже был свой Камал. И одинокий чинар был, и река рядом, и луна. Камал подходил к саду и заглядывал через забор. Увидев однажды Равшан, он робко поздравил ее, сунул в руки письмо и попросил: «Потом прочтешь». Она помнит все, что было написано на этом листке.

*Я на тебя взглянул – твой пленник я с тех пор:
Лишь об одной тебе я думаю...
К тебе стремится и душа и взор,
Лишь об одной тебе я думаю...*

Он был учителем в их кишлаке. В ликбезе. Высокий, с очень ясным лицом. И озорной.

Тетушка Равшан улыбнулась.

...Однажды он перелез через забор и подошел к ее дому. А из дома кто-то в этот момент вышел. Камалу показалось, что это Равшан. Он тихонько подкрался сзади и обнял. Было темно. Но Камал сразу понял, что ошибся.

– Караул! – закричал мужской голос. Это был отец Равшан.

Камал перепрыгнул через забор и удрал.

Отец слег от испуга. Позвали домуму, тот читал молитвы, изгонял злых духов. Ничего не помогло. Тогда Камал привел откуда-то русского доктора. Доктор выслушал старика и сказал: «Все пройдет, это небольшой шок». И прописал лекарство.

Через пять дней отец поднялся.

– Дай бог здоровья тому, кто привел доктора, – сказал отец. – Кто привел-то?

– Кто же, ясно, Камал, – ответила мать.

– Учитель?

– Учитель. Умный он парень.

– Просто от смерти меня спас. Я бы за него дочку отдал, если бы он согласился.

– Нужно еще у дочки спросить, может, он ей не нравится, – слукавила мать.

– Не противоречь! Такой парень. Кого ей еще нужно?

Равшан слышала тот разговор...

А девушки все гомонили.

– Мы вчера в анатомичке были.

– Ну и что?

– Тот человек вовсе не от тифа умер.

«Медички», – подумала Равшан.

А бедный Камал умер как раз от тифа. Они тогда собирали Ильхамджана в первый класс.

Теперь сын уже инженер. Строит дома. Красивые, высокие. Но Равшан не может жить у него. Уж очень высоко – голова кружится. У нее маленький дворик. Что может быть лучше? Цветы. А как пахнут вечерами.

Может, молодым и хорошо на этажах, уголь не нужен, горячая вода в доме.

А Равшан нравится мести и поливать свой дворник. Она уже немолода. И привыкла, не может без цветов, без своего удобного веника.

Девушки говорили о модных платьях.

Равшан поглядела на солнце – вот-вот скроется. Она медленно поднялась, взяла пакет. На душе больше не было тревоги, словно она решила какой-то важный для себя вопрос.

Тетушка Равшан выпрямилась и легкой походкой зашагала по аллее. Она уже не была похожа на усталого путника, возвращающегося из дальних краев.

Перевод Н. Владимировой

дебют

Светлана ШЕГЛОВА

Раскаленные слезы расплавленных струн

ОТВЕТ

Мы засыпаем в криогене –
Мы возвращаемся домой.
Бессмертны души и покой
В циклическом телообмене.

Ты спросишь: «Вечность – это рай?»,
А мы ответим: «Это память»,
Ведь если в прошлом боль оставить,
Она вернется, – так и знай.

Ты ищешь нечто, что сокрыто,
Ты хочешь знать, куда идти,
Стучишься в двери, что открыты,
Сбиваешься в конце пути...

Ты не боялся умирать,
Тебя страшит твоя реальность, –
Как в мире, где добро – банальность,
Способен человек дышать?

Твои мечты – гармония, любовь –
Есть сущность огненной Вселенной,
Столь бесконечно совершенной, –
Пульс жизни, смысл снов.

Ты – есть любовь, и если это слово
Тебе не надо объяснять,
Оставь попытки нас понять,
Начни с себя, родившись снова, –

В тебе есть все, что нужно знать.

ТВОЯ МУЗЫКА

Раскаленные слезы расплавленных струн –
В каждом звуке и в каждом дрожании связок,
Голос твой так мучительно вязок –
Ты прекрасен как тысячи лун...

И в движеньях, в таинственном взгляде,
В красоте твоих мраморных рук,
Волоокий мой, преданный друг,
Меркнуть вечно звезд ярких плеяде.

Ты спешишь оборвать жизни ход, –
Трудно вынести будней уродство,
Низвергаешь порока господство
Сочетаньем пронзительных нот.

Я таким, я таким полюбила
Этот мир, что создал для меня
Гений твой, чистый гений святого огня,
Что я в сердце своем не убила.

БУДЕШЬ ЛИ ТЫ?

Будет ли время, – с тобой не прощаясь,
День завершать. И в словах тишина,
Будет ли – не от отчаянья спасаясь,
Вновь затухать, воцарившись едва?

Буду ли я, будто снова влюбляясь,
Взгляд сквозь себя пропускать, как огнем
Прикосновеньем твоим обжигаясь,
Слезно просить быть изжаренной в нем?

Будем ли мы как в мечтах улыбаться,
Улыбкой, заметной лишь мне и тебе,
В нежности глаз от любви задыхаться?
Будешь ли ты в моей странной судьбе?

РАЗЛУКА

Уйди! И может эти руки
Забудут рук Твоих тепло,
Огонь моей любви забудут
Твои ревнивые глаза,
И никогда под эти звуки
Не зазвучат те голоса,
Что я хранила для Тебя,
Под них себя Тебе дарила.
Как загоралась бирюза
Вокруг зрачков Твоих, мой Милый...
Не помнишь Ты, но помню я.

Я ЖДАЛА ТЕБЯ...

Ты украл мою душу, своей приманив
(Ты не сделал мне больно, ты тоже обманут),
И безумною лаской ее осушив,
Заселил бесконечным туманом.

Все любили твой голос и твой звонкий смех,
Твой талант и девичью нежность.
Да, ты грешен, но даже сам грех
Спрятан был за безгрешную внешность.

Десять лет собирал ты людские тела,
Подбирая покорные души. Заботы
Не знал. Десять лет прождала я тебя,
Десять лет длилась эта охота.

Десять лет – и пришел наконец-то в мой дом.
«Почему?!» – вопрошаю я слезно.
«Почему?» – повторяла я долго потом, –
Ты украл мою душу так поздно...

* * *

Мне никогда не знать воды,
Что было раньше – я не помню.
Ты воздухом в меня проник,
Огонь подняв и тьмы бездонной.

Из терпких, сладостных оков
Твоих не вырваться и не вернуться
Из нереальных звездных снов,
Где я могу тебя коснуться.

Твое дыханье током в сердце –
То жить, то умирать... Легко как никогда!
Так тянет вниз – узнать всю бездну,
И выпить с рук твоих, одним глотком, как и всегда.

Так нежно, как клинок мне в грудь
Вошел твой голос, огненный и чистый...
Он пульс, он – все мое существование.
Я б умерла, его не будь.

Не вынимай его... прошу...
Пусть прорастет в меня металлом.
Я без него своим огнем себя же иссушу.
Я без него... Пустыней страсти одинокой стану.

дебют

Элбек НАЗАРОВ

«Веселый лифт», или можно ли доверять технике?

Рассказ

Наступили весенние деньки, и поднялся главный вопрос, возникающий у мужчин: «Что бы подарить на 8 марта нашим женщинам». Мы с друзьями отпросились по этому случаю в институте.

Пришел домой. Через полчаса раздался телефонный звонок, – это были мои друзья. Через десять минут они уже звонили в мою дверь. Я быстро собрался и вышел вместе с ними на лестничную площадку. Нажав на кнопку вызова лифта, стали ожидать его, но через определенный промежуток времени даже самые терпеливые из нас возроптали, а нетерпеливые – стали стучать по дверям лифта. Амир, в очередной раз убедившись в бесполезности приспособления под названием «кнопка вызова», разочарованным голосом сказал:

– Автобус и то быстрее приезжает, – и яростно нажал на кнопку, понимая, что это бесполезно.

Заскрипели блоки лифта где-то наверху, и он начал спускаться, но вдруг не останавливаясь, скользнул вниз.

Нас было пятеро. Мы решили разделиться. Я остался с Амиром, а Джалил, Денис и Бахти спустились вниз.

Началась «охота» на лифт – мы расставили «ловушки» на этажах, карауля его на каждом этаже. Минут пять мы с Амиром терпеливо нажимали на кнопку вызова, а лифт, словно издеваясь, проезжал то вверх, то вниз. Вдруг он стал снижаться, мы услышали смех и крики, доносившиеся снизу.

Не останавливаясь, лифт стал подниматься, и тут мы снова услышали голоса и смех наших товарищей. Мы уже собрались садиться в него, как вдруг он начал притормаживать, почти остановился, и...проехал наверх под дружный хохот наших друзей.

«Они издеваются над нами, забыв, что мы на седьмом этаже», – подумалось мне.

– Эй, у нас времени нет на веселье! Нам еще за подарками ехать! – крикнул Амир.

Друзья не откликнулись! Лифт проехал вниз, и вновь снизу послышался оглушительный взрыв смеха. Мы терпеливо ждали, но после того, как кабинка лифта еще четыре раза совершила тот же «подлый поступок», мы сильно разочлились. Амир начал раздвигать створки дверей лифта и кричать:

– Остановитесь!

Немного подождав, мы решили спуститься на один этаж ниже.

Теперь уже я не выдержал:

– Мы на шестом, ежайте на шестой!

– Я пойду на четвертый, – сказал Амир и стал спускаться вниз по лестнице.

Я остался один. Еще раз десять нажал на кнопку вызова, голоса по-прежнему доносились откуда-то снизу. Устав ждать, тоже решил спуститься. «Все же не один буду», – подумалось мне. На лестнице услышал громкие голоса:

– О, еще один! – смеялись мои друзья. На лестничной площадке стояли четверо моих товарищей.

– Вас что из лифта выгнали? – спросил я. Оказалось, что они вообще не ездили на лифте и, в свою очередь, думали, что это мы шутили над ними. В этот момент лифт еще раз проехал мимо нас.

– А кому же тогда мы кричали? – спросил я, смеясь.

– Не знаю, но кто бы это ни был, он, наверное, боялся остановиться, – сказали друзья.

Одним словом, нам так и не удалось спуститься вниз на лифте. Может возникнуть вопрос: почему мы не спустились по лестнице? Дело в том, что наша консьержка, заботясь о том, чтобы люди без определенного места жительства не нарушали покой жильцов, имеет привычку закрывать на замок выходящую с лестничной площадки дверь. Потому у нас не возникло даже мысли воспользоваться лестницей.

Но сделать это пришлось. И нам повезло – дверь стояла открытой настежь...

Поход за подарками, конечно, не состоялся и все наши планы сорвались, но зато я кое-что понял, – в этот день мне открылась простая истина: в жизни вообще трудно все планировать, ведь в ней нет ничего, что было бы идеально надежным – нас в любой момент могут подвести всевозможные сбои, поломки техники, несовершенное обслуживание и т.д. И получается, что, изобретая все новые и новые совершенные технологии, человек не может уже обходиться без них и безоговорочно веряет себя средствам технического прогресса.

просветители востока

Дилором АЛИМОВА,доктор исторических наук,
профессор**Махмудходжа Бехбуди**

(1875 – 1919)

Величайший мыслитель, лидер джадидского движения, известный просветитель, политический деятель, драматург Махмудходжа Бехбуди родился 19 января 1875 г. в г. Самарканде, в семье муфтия. Первоначальное образование он получил у своего дяди по матери Мухаммада Сиддика. Затем продолжил обучение в начальной старометодной школе и медресе. Знал арабский, персидский, русский и другие языки. Исполнял обязанности мирзы и казиза, занимал должность муфтия в местечке Джанбай недалеко от Самарканда. В 1900 г. совершил паломничество в Мекку.

В 1903–1904 гг. посетил Москву, Петербург, Казань и Уфу. В 1914 г. путешествовал по Турции, Египту и другим арабским странам.

М. Бехбуди имел и религиозное, и светское образование.

Обладая широким кругозором и глубокими знаниями, он всегда выступал против консерватизма и невежества и в своих произведениях призывал к правильному пониманию и толкованию исламской религии.

На страницах национальной периодической печати Туркестана было опубликовано множество его статей, посвященных социальным и политическим проблемам Туркестана, а также вопросам культуры, религии и воспитания молодежи. В центре его внимания постоянно находились вопросы образования и просвещения. В своих статьях «Мурожаат» («Обращение»), «Саёхат хотиралари» («Воспоминания о путешествии»), «Сарт сузи мажхулдир» («Слово сарт неизвестно») и других он подвергал критике консервативное духовенство, реакционную традиционность и невежество как в образовании, так в культуре, быту и религиозном сознании. Просветительские идеи М. Бехбуди были широко подхвачены его сподвижниками и пропагандировались через издаваемые джадидами газеты, журналы и новометодные школы.

В 1911 г. он написал драму «Падаркуш» («Отцеубийца»), которая способствовала продвижению идей прогресса, особенно в сознании молодежи.

В 1913 г. в Самарканде М. Бехбуди основал газету «Самарканд» и журнал «Ойна», на страницах которых находили отражение все животрепещущие проблемы того времени. Он поддерживал и другие джадидские издания и сотрудничал в газетах «Садои Туркистон», «Садои Фаргона», «Хуршид» и др.

Махмудходжа Бехбуди считается одним из первых основателей и пропагандистов новометодных школ, автором учебников и учебных пособий для учителей и учеников.

После февральской революции и октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков М. Бехбуди, будучи лидером джадидизма, переросшего от просветительского в общественно-политическое движение, выдвигал идеи освободительной борьбы коренного населения Туркестана за свои права, поднимая вопрос об автономном статусе Туркестана.

Его слова «Права не даются, а завоевываются!» стали девизом для джадидов. Расцвет его политической деятельности приходится на весну 1917 г., когда он являлся членом Краевого Совета мусульманских депутатов, членом редакции газеты «Хуррият», участником четырех Краевых мусульманских съездов. Возникновение первых политических организаций Самарканда также связано с именем М. Бехбуди.

Он принял непосредственное участие в образовании Туркестанской автономной республики под названием Туркистон Мухторияти, был введен в состав Временного национального собрания (Миллий маджлис) республики. После ее ликвидации, он отошел от политики и работал заведующим отдела образования в Самарканде. Но это не означало, что он отрекался от надежды на национальную независимость родины. В тот период, когда советское правительство развернуло незаконные действия по отношению к интеллигенции и предприняло шаги к репрессиям М. Бехбуди попытался выехать за пределы Туркестана и донести правду об этих событиях до мировой общественности. Однако, именно в этот период, весной 1919 г., по приказу Бухарского эмира он был арестован и казнен в г. Карши.

Местонахождение могилы Махмудходжи Бехбуди неизвестно.

публицистика

Раъно ЗАРИПОВА,заслуженный журналист
Республики Узбекистан

Хафиз Ширази – мой близкий брат

Книга доктора юридических наук, профессора Акмаля Саидова «Гёте – юрист» обращает внимание читателя на жизненный и творческий путь одного из гениев человеческой мысли – Иоганна Вольфганга Гёте. Причем, не только раскрываются политические взгляды поэта, но и рассказывается о его менее известной деятельности в качестве юриста. Мы задались целью подробнее проанализировать значение этой книги и обратились к ее автору.

– Акмаль Холматович, Ваше новое произведение «Гёте – юрист» отличается весьма своеобразными особенностями. Вы входите в мир права и наблюдаете его с другой стороны – через поэзию, через судьбу творца. Показывая узбекскому читателю новые грани личности Гёте, также говорите и о возможных иных подходах в сфере юриспруденции.

– Творческая деятельность Гёте свидетельствует о том, что в прошлом труды духовного и правового плана были облечены в поэтическую «одежду». Право как источник силы и мощи заключалось в эмоциональном слове, идущем из глубины сердца. По выражению Платона, «право возникло в форме нравочений, являющихся даром высших сил». Если обратиться к истории, то в юридической литературе сохранилось множество образцов и памятников поэтических традиций. Первая рукопись правового характера – «Авеста», являющаяся духовным богатством населения всего земного шара, создана в

форме наставлений Всевышнего. Библия также состоит из рифмованных строк. Мелодичность аятов священного Корана, этических норм и правил по шариату помогает их прочному закреплению в нашем сознании и в душе.

Из мирового письменного наследия вытекает, что поэтическая форма оказывала мощное влияние на формирование правового сознания человека и повышение его правовой культуры. «Ключ» к осознанию права искали не только юристы, но и теологи, философы. Даже в образцах устного народного творчества – в дастанах, сказках и преданиях можно встретить внимание к юриспруденции.

Многие великие мыслители прошлого, такие как Алишер Навои и Алигьери Данте, Эразм Роттердамский и Вильям Шекспир, Омар Хайям и Фридрих фон Шиллер, Федор Достоевский и Лев Толстой, в своих произведениях освещали правовую тематику. Среди этих представителей мировой классики творчество Гёте занимает особое место.

– Гёте, подобно великому Навои, был и поэтом, и государственным деятелем. Он мечтал о дружбе и сотрудничестве между народами. Хотел, чтобы Германия была единой, мощной, миролюбивой страной с высокой культурой. Он обращал больше внимания на правовые темы и идею гуманизма. В свою очередь, Вы в новой книге отмечаете, что в Германии до сих пор чтят творения Гёте, пронизанные

глубоко патриотическими идеями, называя их «национальной клятвой единения»...

– Конечно, это счастье Гёте. Узбекский читатель знал Иоганна Вольфганга Гёте как немецкого поэта, последнего представителя эпохи Возрождения, как автора сочинений в 148 томах. «Фауст» в переводе Эркина Вахидова стал одной из любимых книг нашего народа.

Писатель Садриддин Салим Бухорий перевел «Западно-восточный диван» Гёте. Я написал к ней предисловие. Рад, что узбекский читатель знакомится с ней на своем языке. И в этом произведении мы видим уважение Гёте к Востоку.

А в моей новой книге я постарался показать новую грань Гёте – его причастность к миру правоведения.

В своем художественном творчестве он обращался к разным жанрам – начиная от сказок и кончая романами. Плодотворно писал Гёте и в драматургии. Его творчество считается образцом приемов выразительности во всех областях духовной жизни. Наряду с этим, в качестве юриста, государственного деятеля, он внес достойный вклад и в развитие официально-делового стиля в языке.

Сознательная жизнь Гёте со времен учебы в университете до периода, когда он занимался самообразованием, была тесно связана с правоведением. Юридические знания, полученные в ходе адвокатской практики во Франкфурте, пригодились ему на службе у герцога Карла Августа (1757–1828). Он имел право участвовать и голосовать в Тайном совете. Работал и на должности премьер-министра. Хотя в подготовленных Гёте документах и преобладал юридический стиль, но в адвокатских выступлениях встречались обороты, свойственные Гёте-поэту.

Самое интересное, когда в 1875 году Карл Август пытался упростить официальный письменный язык и сократить некоторые методы изложения, поэт выступил против этого. Он остался сторонником сохранения официального стиля.

В его жизни художественно-творческая, общественно-политическая и юридическая деятельность совмещались и находились в полной гармонии. Он постоянно учился. С помощью Фридриха фон Шиллера вошел в мир философии, Фри-

дрих Карл фон Савинье напутствовал его в юриспруденцию, в освоении естественных наук большое влияние оказал Александр фон Гумбольдт. А вот под воздействием и впечатлениями от произведений Хафиза Ширази у него появилась любовь к Востоку.

Гёте занимался не только художественным творчеством. Как отмечено в его письме Кнебелю, он связал разные виды деятельности в один священный узел.

Он не был профессиональным ученым-юристом. Но его практическая подготовленность в правовой сфере давала возможность смотреть на происходящие в обществе события, противоречия и конфликты глазами юриста.

Во многих своих произведениях Гёте отразил двойственные взгляды между положительной и негативной оценкой, даваемой месту права в жизни. Например, в «Фаусте» языком его героя сожалеет не по поводу обучения правоведению, а по поводу получения теологических знаний. Мефистофель, приняв облик Фауста, дает студенту дьявольский совет об освоении знаний этой области.

Гёте удивил читателей своими строками о естественном процессе в правотворчестве. Он поднял вопрос об обязанности правителей, заключающихся в регулярной проверке соблюдения переходящих из поколения в поколение законов, традиций и обычаев с точки зрения законности. То есть, он выступал за отмену законов, если в них предусмотрены наказания за выдуманные преступления, например, за колдовство. По его мнению, устаревшие, не отвечающие требованиям времени законы также необходимо заменять на новые. Таким образом, Гёте утверждал, что законы не являются догмой, и продвигал идею о том, что юридически их надо совершенствовать.

Поэт старался объективно оценивать законы и для их обоснования, и для их критики. Он предупреждал о том, что в определенных обстоятельствах законы могут превратиться в «наследственное заболевание».

– В конце книги вы привели примеры из афоризмов, крылатых выражений Гёте. В одном из них сказано: «Кто не знает других языков, тот не имеет представления и о своем языке».

– Эти слова я хотел бы адресовать молодым людям, работающим в современной журналистике. Сегодня есть все условия для изучения языков. Но почти нет таких журналистов, которые могли бы вести интервью на нескольких языках. Я часто вспоминаю такие слова журналиста Анвара Джурабаева: «Во время поездки в Хельсинки в 1992 году встретил Президента США Старшего Буша, захотелось завести с ним беседу, но подвело незнание английского языка».

Представьте себе, сегодня по телевидению очень часто передают интервью с иностранцами. Но при этом только за кадром читают перевод их выступления, а непосредственную беседу журналиста на иностранном языке показать не могут. Факультет международной журналистики УзГУМЯ готовит молодых специалистов, хорошо знающих иностранные языки. Но пока их возможности не используются.

– Читая приведенные в книге высказывания Гёте, мы чувствуем, как он был близко знаком с философией Востока, в частности, с Кораном. Например, в них есть такие слова: «Природа всегда права, ошибки и заблуждения свойственны человеку».

– И в афоризмах, и в произведениях Гёте чувствуется его предрасположенность к отмене смертной казни. Он говорит: «Если была бы возможность отменить смертную казнь, мы бы не были против этого. Но отменить ее будет трудно. Даже если бы это случилось, все равно нам приходилось бы время от времени восстанавливать ее».

Когда были высказаны эти слова, об отмене смертной казни не могло быть и речи, потому что она обосновывалась религиозными книгами. Мечта Гёте осуществилась только спустя два века.

– Восток и Запад всегда интересовали великих людей. «Западно-восточный диван» Гёте является ярким тому примером.

– В противовес Редьярду Киплингу, писавшему: «Восток – это Восток, Запад – это Запад, они не соприкоснутся», в противовес многим политологам, философам и демографам Запада, творчество Гёте как яркая звезда сверкает на небосклоне мировой культуры.

Его многогранную деятельность и творчество можно назвать продолжением на Западе традиции восточных энцикло-

педических ученых и мыслителей – таких, как Ибн Сино, Беруни, Улугбек. Ибо он сделал открытия в науке минералогии и горных пород. Картины, нарисованные акварелью и карандашами, говорят о его способности художника.

На последнем этапе своего творчества Гёте проявлял большой интерес к древней индийской, китайской культуре и литературе и, особенно, к культуре мусульманского Востока. Глубоко изучая историю и культуру Центральной Азии, Ирана, хотел постичь дух этих народов. Из восточных поэтов Гёте больше всего нравился Хафиз Ширази, которого он назвал своим «близким братом». Присущие Хафизу настроения свободомыслия, гуманизма, неподчинения чуждым пережиткам очень подошли к идее жизнерадостности Гёте. В его стихотворениях, написанных в форме свободного подражания классике, именно по-восточному отображены глубокий лиризм, богатство красок и звуков, горячая любовь.

Примечательность «Западно-восточного дивана» – в гармонии любви и философии. В тот период, когда европейские деятели искусств не признавали народов Востока, Гёте, наоборот, восхвалял их поэзию и человеческие качества. Вспомним об оценке, которую он дал поэтам Востока: «Говорят, иранцы признали великими поэтами только семь из тех, кто жил и творил в течение пяти прошедших веков. А на самом деле, многие из «непригодных» по их мнению поэтов стоят выше меня». Возвеличивание восточных поэтов доказывает, насколько Гёте был против шовинизма и национализма, распространённых в то время в Европе.

– Жизнь поэта оборвалась 22 марта. Смерть человека, любившего Восток, в день восточного праздника Навруз, кажется неслучайной...

– «Откройте окна, пусть будет больше света», – эти слова Гёте стали последними. В этих последних словах, высказанных человеком, который всегда желал народам счастья, великодушия, света и тепла, заключен символический смысл – добро. Пусть оно постоянно переходит от сердец к сердцам, от предков к грядущим поколениям...

Листая страницы из произведений Гёте, нам захотелось представить читателям афоризмы писателя.

Афоризмы Гёте

Высшая и красивая черта в природе человека – любовь к родной земле, чувство свободы и независимости под защитой законов страны.

Человек, которому дарован настоящий талант, чувствует внутреннюю потребность в контакте с великими предками, и эта потребность свидетельствует о его большом таланте.

Первый признак невежества – не признавать красоту.

Язык всегда отражает в себе обстановку в стране.

Многого добиваются только те люди, которые хорошо знают свои силы, эффективно и в меру пользуются ими и действуют, оттачивая свой ум.

Легче найти ошибку, чем правду, истину.

Чтобы понять творческую личность, надо изучать законы его страны.

Время имеет свои капризы, это тоталитарный правитель, который через каждые сто лет по-разному смотрит на выполняемые работы и высказываемые слова.

Не переношу никакой революции, потому что революция больше уничтожает, чем создает.

Все законы созданы пожилыми людьми и мужчинами. Молодые и женщины любят исключения, а пожилые – правила.

У людей, решивших изучить все законы, не остается времени для их нарушения.

Судья, не способный наказывать, в итоге становится участником преступления.

Закон силен, но диктат потребностей еще сильнее.

Считают, что между противоречивыми мнениями лежит правда. Ничего подобного. Среди них лежит проблема.

Принципиальный адвокат в справедливом судебном процессе и умелый математик под звездным небом одинаково похожи на Всевышнего.

Единственный способ осознания естественного права – это наблюдение за природой и мышление.

Физическая суть врожденна, а нравственная суть приобретается.

Естественное право не врожденно, человек не рождается правоведом.

Порядок наследования является основной причиной неравенства.

Статьи законов, прокомментированные правителями, должны отменяться с формированием каждого нового поколения, либо с приходом к власти нового правителя они должны заменяться новыми в соответствии с требованиями времени.

публицистика

Акмаль САИДОВ,
доктор юридических наук,
профессор

Узбекский «Фауст»

«Есть величайшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный охватывается творческой мыслью, – такова смелость... Гёте в «Фаусте»... «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа; он служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности».

А. С. Пушкин

Введение

Великая поэзия не знает пределов ни во времени, ни в пространстве. Именно это – то есть беспредельность и бессмертие – самое надежное и точное мерило истинности мировой литературы, самое очевидное проявление ее волшебного воздействия на людей.

Поэты-творцы создают первоначально, а их творческие наследники – ученики, переводчики и ученые – вновь и вновь оживают в мыслях и чувствах читателей и зрителей в иных краях, в иных веках и – так же или по-иному, но всегда по-настоящему – радуют и печалят, вдохновляют и волнуют причащением святых тайн литературы и поэзии.

Живое взаимодействие разнородных творческих сил: поэта-автора, поэтов-переводчиков, ученых-исследователей и несчетного множества читателей, не сознающих своей причастности к поэзии, но жизненно ей необходимых, – создает бессмертие поэтического творения и величие языка и страны, его породившей.

Когда стихи, романы, драмы проникают в другой язык, в другую культуру, в другую страну, они обогащают ее народ, становятся неотъемлемой частью новой национальной культуры. Но тем самым

одновременно возрастает и мировое значение того народа, той культуры, которым принадлежат переведенные произведения, и языка, на котором они написаны.

Каждый полноценный, по-настоящему высокохудожественный перевод, живое воссоздание значительного литературного произведения на другом языке – это событие, связывающее и обогащающее два народа и вместе с ними всю мировую культуру.

Упрочивший свое всемирное значение созданием «Фауста» Гёте меньше всего – «автор одной книги». Да это и не мирилось бы с основной чертой его личности, ее поразительной универсальностью и энциклопедичностью.

Действительно, колоссальная продуктивность творческого ума Гёте поражает. Трудно даже обозреть громаду содеянного гением-одиночкой. Всему миру известны романы – «Страдания молодого Вертера», «Средство по выбору», двухтомная эпопея «Вильгельм Мейстер»; три большие поэмы – «Герман и Доротея», «Рейнке-Лис», «Ахиллес»; 54 пьесы и 20 книг «Поэзии и правды»; 1600 стихотворений и среди них – «Прометей», «Коринфская невеста», «Ма-

риенбадская элегия»; 1055 афоризмов в прозе и около тысячи поучений, поговорок в стихах; огромный том «**Западно-восточного дивана**»; тысячи и тысячи страниц документально-биографического содержания, очерки, многотомные дневники, том статей о литературе, том – об искусстве, книги о научных проблемах по метеорологии, минералогии, геологии, остеологии, ботанике, учения о цвете, переводы на немецкий с французского и итальянского, пятнадцать тысяч различных писем, картины и рисунки, схемы и чертежи, красноречивые коллекции и множество томов интереснейших «разговоров с Гёте», где приводятся его высказывания, излагаются его взгляды и мысли.

Осуществленное много лет спустя после смерти поэта-мыслителя знаменитое Веймарское издание (1887–1919 гг.) насчитывает 133 тома (в 143-х книгах). Поистине – это вулканическая умствен-

ная деятельность. Около 50 тысяч писем к Гёте, хранящихся в архиве, еще не стали в своем большинстве достоянием обществу.

Каждое поколение обращалось к творчеству Гёте, черпая из этого неиссякаемого источника плодотворные идеи и образы, пытаясь осмыслить все духовное богатство связанное с его именем. Показательно, что время от времени интерес к творческому наследию Гёте неуклонно идет по возрастанию. При этом основная задача гётеведов – сделать лучшие произведения великого немецкого поэта и мыслителя широко доступными для народа.

*Вот мысль, которой за жизнь изведан,
Итог всего, что ум скопил.*

*Узоқ ҳаёт йўлин ўтдимубосиб,
Олам ҳикматини айладим якун.*

И.В. Гёте

«Фауст» – великое творение Гёте

«Фауста» Гёте традиционно относят к великой литературе. К нему принято относиться с почтением и благоговением. И далеко не каждая страна может предложить своим читателям высококлассный художественный перевод «Фауста». Узбекистан таким уникальным переводом обладает.

Фауст – образ, созданный немецким народным преданием, претворенный гением Гёте в могучую философскую и лирическую трагедию, – давно уже стал достоянием национальных культур всех передовых стран мира. Однако процесс непрерывно расширяющегося и возрастающего значения «Фауста» – и любого другого великого творения мировой культуры – бесконечен, как бесконечна жизнь на земле. Каждый новый, по-настоящему поэтический перевод – новый этап благодатного развития мировой поэзии. И поэт-переводчик не только ведет своих соотечественников к сокровищам мировой литературы, но и сам приумножает ее богатство.

У «Фауста» Гёте, как у любого другого литературного произведения, есть своя уникальная история создания. Легенда о

Фаусте и «Фауст» Гёте как самое известное поэтическое произведение, созданное на основе **народной средневековой книги «История доктора Иоганна Фауста»**, занимает особое место в истории человеческой цивилизации. Фаустовского сюжета не было во времена античности. В мире древнего человека были и мистерии, напоминающие Вальпургиеву ночь, и темные силы подземного царства, куда спускались и Геракл, и Орфей, и Одиссей. Но никто не заключал с силами зла договора. **Контракт с дьяволом подписан в Средние века.** Спрос рождает предложение. Доктор Фауст подписал договор с Мефистофелем, **«движимый безумной жаждой истины»**, – такой уже ставшей традиционной фразой определяют побуждающие мотивы его действий, как будто безумцу нужно познание истины.

Фаустовский вопрос, фаустовская тема намного значимее литературных произведений о докторе-чернокнижнике, тем более что все они, включая и творение великого Гёте, невняты и невразумительны, риторически безответственны в своем финале. Вместе с тем, **«Фауст»**

Гёте – это прекраснейшая философская поэзия, которая органично сочетается с поразительной глубиной мысли. «Фауст» – произведение, полное высочайшей жизненной значительности.

Без постижения фаустовской истории трудно подойти к пониманию произведения, автор которого на протяжении всей своей зрелой жизни – на протяжении шести десятилетий (с перерывами) – стремился осмыслить жизнь Человека. **«Фауст» – не просто одно из произведений Гёте, которое называют его главной работой. Оно есть и итог всей жизни самого Гёте.** Для понимания гётевского «Фауста» не менее важно знать и историю жизни самого героя произведения, и историю предшествующих гётевскому произведению обращений к этому образу других авторов.

Более того – **«Фауст» Гёте – это произведение, понять которое можно только в контексте истории всей европейской культуры, начиная с Античной Греции.** А поскольку это произведение создано в конкретное время – в последние десятилетия XVIII – первые десятилетия XIX вв., понять его также невозможно вне конкретного времени. Таким образом, трагедия была начата в период **«Бури и натиска»**, окончена же в эпоху, когда в немецкой литературе господствовала **романтическая школа**. Естественно, что «Фауст» отражает все те этапы, по которым следовало творчество Гёте.

Первая часть «Фауста» находится в ближайшей связи со штюрмерским периодом творчества Гёте. В **«Прафаусте» Фауст** – обреченный бунтарь, напрасно стремящийся к проникновению в тайны природы, к утверждению власти своего «Я» над окружающим миром. А тема покинутой возлюбленной девушки, в приступе отчаяния становящейся детоубийцей (Гретхен), была весьма распространена в немецкой литературе периода «Бури и натиска». Это можно сравнить с такими произведениями, как **«Детоубийца» Вагнера**, **«Дочь священника из Таубенгейма» Бюргера**. Обращение к веку пламенной готики, Knittelvers, насыщенный вульгаризмами язык, тяга к монодраме – всё это говорит о близости к движению «Бури и натиска».

Вторая часть «Фауста», достигающая особенной художественной выразительности в «Елене», входит в круг литературы классического периода. Готические контуры уступают место древнегреческим. Местом действия становится Эллада. Очищается лексика. Knittelvers сменяется стихами античного склада. Образы приобретают какую-то особую скульптурную уплотненность. Здесь можно указать на пристрастие умудренного жизненным опытом Гёте к декоративной интерпретации мифологических мотивов, к чисто зрелищным эффектам: маскарад, классическая Вальпургиева ночь и т. п. В заключительной же сцене «Фауста» Гёте уже отдает дань романтизму, вводя мистический хор, открывая Фаусту католические небеса.

Подобно **«Годам странствований Вильгельма Мейстера»**, вторая часть «Фауста» в значительной степени является сводом мыслей Гёте о естественных науках, юриспруденции и политике, эстетике и философии. Отдельные эпизоды находят свое оправдание исключительно в стремлении автора дать художественное выражение какой-нибудь научной либо философской проблеме. Это можно сравнить с его стихотворением **«Метаморфозы растений»**. Все это делает вторую часть «Фауста» громоздкой и – так как Гёте охотно прибегает к аллегорической маскировке своих мыслей – весьма затруднительной для понимания.

По мере дальнейшего хода истории отношения «Фауста» Гёте с теми, кто к нему обращается, меняются. История жизни «Фауста» Гёте – это особо многогранная тема, связанная как со временем, так и с пространством. Будучи опубликованным в разных странах мира, и будучи переведенным на многие языки мира, в том числе и на узбекский, это произведение было в каждой стране воспринято по-особому.

«Фауст» Гёте, воспроизведенный на узбекском языке народным поэтом Узбекистана Эркином Вахидовым обогащает и узбекскую литературу и мировую Фаустяну.

Э. Вахидов значительно превзошел всех своих предшественников-переводчиков. Его перевод весь в целом вос-

создает и передает основные черты подлинника, размах и глубину мыслей, поэтическую силу и обаяние, индивидуальный стиль автора и колорит эпохи, музыкальный лад стиха и многоликий образный строй и ритмико-интонационное звучание бессмертного «Фауста» Гёте.

Э. Вахидову приходилось решать трудные и сложные задачи. Философская и вместе с тем лирическая трагедия Гёте отражает и воплощает весь долгий и сложный путь идейно-творческого развития поэта и мыслителя и вместе с тем целую эпоху истории человечества. «Фауст» – творение почти целой жизни Гёте: начатый в 1772 году, он был закончен только в 1831 году, за полгода до смерти автора. На протяжении более полувека Гёте несколько раз вновь и вновь возвращался к образу Фауста.

Гёте писал о том, что он пережил, но пережил не в материальном физическом мире, гуляя по Веймару, а пережил духовно – и Мефистофеля, и Елену, и сфинксов, и ангелов, и лемуров, и многих других существ, появляющихся в «Фаусте». Гёте хотел высказать в этом произведении, прежде всего, то глубочайшее, что может разыграться в душе стремящегося вперед человека. Он хотел привести к выражению переживания человеческого сердца, начиная от самых принимающих, связанных с обыденной земной жизнью и вплоть до высочайшего духовного стремления. Все, что Гёте чувствовал иногда, в свои юные годы, часто еще незрело, он вложил в первые части; то, как он чувствовал это позднее, он вложил в последние сцены первой части «Фауста». Затем, самое зрелое он внес во вторую часть «Фауста».

Многое изменилось за долгое время написания «Фауста» в Европе, в Германии и в личной судьбе и в характере самого Гёте. Движение истории и развитие его творческих взглядов отразились в многообразии отдельных элементов и в переменной динамике действия персонажей великой трагедии.

Две части «Фауста» – необычайно своеобразное сочетание самых разных, казалось бы, вовсе несовместимых явлений. Земной реальный мир соседствует, чередуется с миром причудливой литературной фантастики. Реальный мир причудливо и красочно многообра-

зен; в драматических сценах предстают шумные города и тихие лесные убежища, пышные дворцы и убогие лачуги, океаны и пустыни, горы и равнины... Сменяются ночи и дни, времена года и исторические эпохи, люди всех родов и состояний любят, сражаются, трудятся, веселятся, страдают, торжествуют, гибнут... А рядом с этим разноликим и разноцветным реальным миром, вокруг и внутри него раскрываются сказочные миры и мирки древних и новых мифов, легенд, преданий, философских аллегорий и символов.

В «Фаусте» отражены не только основные принципы, но и многие мельчайшие оттенки духовного мировоззрения Гёте, и притом не в окончательном итоговом состоянии, а в их долголетнем противоречивом становлении и развитии.

Однако при всей огромности, многоплановости, даже громоздкости эта поэтическая драма Гёте сохраняет и вполне определенное живое единство формы и содержания.

Все очень разные, несхожие между собой части огромного строения «Фауста» объединяет стройная общая основа. Не просто общая идея, потому что в трагедии «Фауст» воплощена не одна, а много идей, и не только образ главного героя, потому что он непрерывно видоизменяется.

Это именно общая основа – постоянство авторского отношения к действительности, отношения, которое в самом главном остается неизменным на протяжении всей жизни Гёте. Прежде всего, это – неослабное стремление к творческой деятельности, неутолимая жажда познания и неразрешимость трагических внутренних противоречий, определявших развитие самого Гёте и его литературного героя.

Субъективное жизнелюбие Фауста, жажда личного счастья и неистребимое желание утвердить свою творческую индивидуальность противоречат его же страстному желанию бороться за гармоничную и разумную жизнь для всех людей. «Фауста» при этом представляют носителем лучшего в человеке – разума, благородных чувств, ему свойственно стремление к совершенству, жажда беспредельного значения и вера в конечное торжество лучших начал жизни. А Мефи-

стофель рассматривается как воплощение абсолютного отрицания. Он же является одним из движущих начал жизни:

*Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, – потому
Дам бесконечного я спутника ему:
Как бес, дразня его пусть
возбуждает к делу.*

Перевод Н. Холодковского.

Либеральные и консервативные представления Гёте о постепенности (эволюционности) развития истории, о неизбежности вечных нравственных законов он сам же отрицает острой революционной критикой общественно-государственного строя и сознанием необходимости великих переворотов.

Утверждая историческую необходимость и благотворность социального прогресса, трагедия «Фауст» вместе с тем раскрывает его жестокость, корыстную бесчеловечность и безнравственность.

Такая противоречивая – и именно в противоречивости постоянная – общая идейная основа «Фауста» образовалась как следствие того, что развитие мировосприятия и мировоззрения Гёте в течение всей его жизни было стихийно-действенным и стихийно-духовным.

Гёте взял в основу своей трагедии старинный и очень популярный сюжет – легенду о Фаусте, знакомую даже неграмотным, даже детям, посещавшим ярмарочные балаганы, – взял так же уверенно и свободно, как некогда греческие трагики брали коллизии из общеизвестных мифов и поэм Гомера, как Шекспир брал фабулы для своих драм из популярных летописей, новелл и даже из пьес других авторов.

И трагедия Гёте поглотила все, что было создано ранее народным фольклором, изустной легендой, книгами, пьесами и песнями о Фаусте; поглотила и необычайно расширила и преобразовала в нечто совершенно иное, новое.

Скрытые подземные родники истории и горячие ключи народной легенды были непосредственными, живыми, но только первоначальными источниками великого потока философской лирической трагедии Гёте. Потому что главными, основными силами, создавшими его причудливое русло и могучие стремнины,

были события, образы и идеи современности, того мира, к которому принадлежал не прототип героя, а сам автор.

Маргарита и Елена, Вагнер и Мефистофель, Гомункулус и Эвфорион – это образы-идеи, в них живут поэтически рожденные, поэтически развивающиеся и поэтически олицетворенные мысли гения Гёте. Так же как во всех коллизиях, всех решающих драматических конфликтах и в отдельных эпизодах.

По-настоящему воссоздать «Фауста» на другом языке означает сохранить все эти многообразные и противоречивые особенности идей и мыслей, сталкивающихся и переплетающихся в обеих частях трагедии, и вместе с тем передать все великолепное разнообразие поэтического воплощения этих идей и мыслей. Потому что одно без другого невысказано – **весь идейный строй «Фауста» невысказан вне тех образных и музыкальных форм, в которых он выражен.**

Э. Вахидов сумел донести до узбекского читателя все богатство идей и образов бессмертной гётевской трагедии и в первую очередь, те идеи, те образы, на которых основано ее непреходящее мировое значение. Приведем один пример. И хоры ангелов, и хоры духов, и заклинание ведьмы, и причудливая чертовщина «Вальпургиевой ночи» – все это передано на узбекском языке Э. Вахидовым с исключительной поэтической виртуозностью и почти безукоризненно точно.

Следует особо отметить, что всюду, где у Гёте выступает на сцену фантастика, мистика, иррациональное, – Э. Вахидов явно чувствует себя, как рыба в воде: это ему интересно, это ему близко, и он проявляет неподдельное мастерство.

Эпизоды и строки «Фауста», где с наибольшей отчетливостью выражена смелая, трезвая мысль Гёте, его жизнеутверждающее мироощущение также Э. Вахидовым передаются доступно и выразительно.

*Не в славе суть. Мои желанья –
Власть, собственность, преобладанье.
Мое стремленье – дело, труд.*

И.В. Гёте.

*Кто ищет – вынужден блуждать
Изланиш бор ерда адашиш ҳам бор*
И.В. Гёте

Литературный подвиг Э. Вахидова

В «Фаусте» Гёте, несмотря на его фантастическую, аллегорическую форму, заключена большая жизненная правда. Фауст есть полное отражение всей жизни современного Гёте немецкого общества. Эта немецкая действительность, несмотря на ее отдаленность от узбекского переводчика более чем на два века, получила в переводе Э. Вахидова полноценное отражение.

В «Фаусте» выразилось все литературно-философское движение Германии конца XVIII – начала XIX вв. Произведение тесно связанное с реальной жизнью, насыщенное общественной проблематикой и в то же время сложным, остро актуальным для своего времени философским содержанием.

Своеобразие «Фауста», как философской трагедии, определило многие особенности его художественной структуры. В нем немало строк-афоризмов, которые (безотносительно к тому, кто из персонажей их произносит) отражают различные грани мировоззрения самого Гёте и живут самостоятельной жизнью, прочно врезаясь в память читателя. К числу таких знаменитых гётевских афоризмов относятся строки из **«Театрального вступления»** к трагедии:

*Was gläuzt, ist für den Augenlick geboren,
Das Echte bleibt der Nachwelt unverloren.*

В переводе Н. Холодковского они звучат так:

*Мишурный блеск рождается на мгновенье,
Прекрасному – потомства поклоненье!*

А вот перевод Б. Пастернака:

*Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.*

Э. Вахидов перевел эти строки следующим образом:

*Жилванинг умридир бир лаҳза фақат,
Авлодларга қолур ҳақиқий санъат.*

В **«Прологе на небе»** выражена одна из важнейших оптимистических идей трагедии. Господь, вручая Мефистофелю судьбу Фауста, уверен в конечном тор-

жестве над Мефистофелем, добра над злом, истины над заблуждением:

*Ein gater Mensch, in seinem dunklen Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.*

Подстрочный перевод этих строк звучит так:

Хороший человек в своих смутных стремлениях всегда сознает, где путь к истине.

Перевод этих строк, сделанный Н. Холодковским нельзя считать весьма удачным:

*Знай: чистая душа в своем исканьи смутном
Сознаньем истины полна!*

*Зулматдан йўл топиб чиқолур инсон,
Унга чироқ бўлур мен берган идрок.*

В переводе Б. Пастернака этот замечательный оптимистический афоризм, выражающий веру Гёте в человека, отсутствует.

Эти строки Поша Оглы Усман перевел так:

*Чин эҳтиросли, бетиним инсон
Ҳақиқат йўлин топар муқаррар.*

В **«Прологе на небе»** трагедия «Фауст» усваивает те очертания, в которых привык ее видеть современный читатель. Дерзания Фауста получают новую (заимствованную из **Библии – Книга Иова**) мотивировку. Из-за него спорят бог и сатана (Мефистофель), причем бог предсказывает Фаусту, которому, как и всякому ищущему человеку, суждено ошибаться, спасение, ибо **«честный человек в слепом исканьи все ж твердо сознает, где правый путь»**: этот путь – путь неустанных стремлений к открытию действительно значительного смысла жизни. Подобно Вильгельму Мейстеру, Фауст, прежде чем обнаружить конечную цель своего существования, проходит ряд **«образовательных ступеней»**.

Первая ступень – его любовь к наивной Гретхен, кончающаяся трагически. Фауст покидает Гретхен, и та, в отчаянии убив родившегося ребенка, погибает. Но Фауст не может поступить иначе, он не

может замкнуться в узкие рамки семейного, комнатного счастья, не может желать судьбы Германа («Герман и Доротея»). Он бессознательно стремится к более грандиозным горизонтам.

Вторая ступень – его союз с античной Еленой, который должен символизировать жизнь, посвященную искусству. Фауст, окруженный аркадскими рощами, на время находит успокоение в союзе с прекрасной гречанкой. Но ему не дано остановиться и на этой ступени, он всходит на **третью** и последнюю **ступень**. Окончательно отказываясь от всяких порывов в потустороннее, он, подобно «отрекающимся» из «**Годов странствований Вильгельма Мейстера**», решает посвятить свои силы служению обществу. Задумав создать государство счастливых, свободных людей, он начинает на отвоеванной у моря земле гигантскую стройку. Однако вызванные им к жизни силы обнаруживают тенденцию в сторону эмансипации от его руководства. Мефистофель в качестве командующего торговым флотом и начальника строительных работ, вопреки приказанию Фауста, уничтожает двух старичков земледельцев – Филемона и Бавкиду, живущих в своей усадьбе возле древней часовенки. Фауст потрясен, но он, все же продолжая верить в торжество своих идеалов, до самой смерти руководит работами.

Следует отметить, что в «**Прологе на небе**» Гёте дал идейно-философские и поэтические особенности трагедии «Фауст». В этой связи надо подчеркнуть, что Э. Вахидов хорошо понял смешанные с легкой иронией мотивы, поэтическую иносказательность и философскую сущность «Пролога». При этом, он слепо не копирует посредник (перевод Б. Пастернака), а уточняет характерные для оригинала стиль и гармонию (мелодию, мотив, напев), придерживаясь в определенных рамках содержания подлинника, блестяще поэтически передал художественный язык оригинала.

Даже печальная, задумчивая и несколько тревожная интонация «**Посвящения**» верно улавливается Э. Вахидовым. В узбекском переводе точно переданы тревога и страдание Гёте.

*Яна чорлар мени илоҳий бир ун,
Яна хаёлларга чўлғанди бошим.
Сабо арфасидек хазин ва сермуне*

*Қуйилар сатрлар, қани бардошим!
Музлаган жисмимни эритар бу кун
Кўзимдан қуйилган қайноқ бу ёшим.
Бу олам чекинур, ўтмиш-чи, аён –
Кўзларим олдида бўлар намоён.*

*И вот воскресло давнее стремленье,
Туда в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа золовой струной;
В суровом сердце трепет и смиренность,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, – возстало, оживилось!*

Перевод Н. Холодковского

Действительно, Э. Вахидов, глубоко проникнув суть философской концепции Гёте, строго соблюдал требования перевода философской поэзии, а именно соблюдение точности, изящества, сжатости, художественности языка, совмещение их с идейностью, научностью, проблематичностью, индивидуализацией речи персонажей драматической поэмы. Именно поэтому Э. Вахидов, видя в образе Фауста воплощение лучших традиций мировой классической литературы, сумел адекватно переоплотить творческое своеобразие Гёте, своеобразие языка персонажа индивидуальности характера.

Осуществить перевод «Фауста» под силу только поэту-ученому, пытливому исследователю и художнику-мыслителю, который в равной мере способен и понимать глубокий смысл, и чувствовать – слышать, ощущать внутренний лад поэзии Гёте, способен обозреть огромное целое и не упустить мельчайшей подробности.

Эркин Вахидов оказался именно таким достойным переводчиком бессмертного «Фауста» Гёте.

Первый отзыв о Фаусте дает Мефистофель в «**ПРОЛОГЕ НА НЕБЕ**»:

*Vom Himmel fordert er die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust,
Und alle Nah und alle Ferne
Befriedigt nicht die tiefbewegte Brust.*

*И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.*

Перевод Б. Пастернака

Перевод Э.Вахидова точно передает эту характеристику, и вместе с тем свободно звучит живая разговорная интонация узбекской речи. Звонкая аллитерация, в данном случае отсутствующая в подлиннике, но органически присущая немецкому стихосложению, здесь вполне уместна:

*Истар – юлдузларин узатсин осмон,
Ер эса бахш этсин туганмас сафо
Ва лекин ҳар нечук бўлса комрон –
Таскин топа олмас у кўнгил асло.*

Первый монолог Фауста – грубоватые, спотыкающиеся «книттельферзе» – традиционный силлабо-тонический стих немецкого фольклора – Гёте, наполнил философскими размышлениями и лирическими порывами:

*Habe nun, ach Philosophie,
Juristerei und Medizin,
Und leider auch Theologie
Durchaus studiert mit heibem Bemühn.
Da steh ich nun, ich armer Tor!
Und bin so klug als wie zuvor;*

*Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.*

Перевод Б. Пастернака

Речь Фауста Э. Вахидовым воспроизведена близким к немецкому фольклору размером. Именно таким творческим приемом пользовался Гёте для изображения народности образа.

Переходы от насмешки, иронии к печальным сетованиям, от скорбного отчаяния к дерзновенным надеждам и гордой уверенности в себе внезапны и резки, но вместе с тем естественны, непринужденны. Богатую оттенками настроений и мыслями поэтическую выразительность подлинника воссоздает узбекский стих Э. Вахидова:

*Илоҳиёт ила банд бўлдим,
Файласуфи хираманд бўлдим.
Илми ҳуқуқ, илми табобат –
Барчасини ўргандим, фақат,
Фақат менга бир нарса аён:
Нодон эдим, нодонман ҳамон.*

В сцене «Рабочая комната Фауста» герой произносит волшебное заклинание, и Гёте вкладывает в его уста следующий афоризм:

*Wer sie nicht Keunte,
Die Elemente,
Ihre Kraft
Und Eigenschafft,
Wäre Kein Meister
Über dir Geister.*

Подстрочный перевод:

Кто не знает стихий, их сил и свойств – тот не в состоянии повелевать духами.

В переводе Б. Пастернака этот афоризм звучит так:

*Кто слышит впервые
Про эти стихии,
Их свойства и строй,
Какой заклинатель?
Кропатель пустой!*

Познание сил природы – источник могущества человека: такова мысль Гёте. Э. Вахидов полностью сохранил рациональный философский смысл этого афоризма:

*Кимга бу дуо
Бўлмаса ошно,
Ким сеҳр кучин
Ўз нафи учун
Билмаса агар,
У не афсунгар?*

Эти строки Поша Али Усмон перевел так:

*Ким агар билмас
Моддалар сирин,
Кучин, хассасин,
Ҳоким бўлолмас
Иблису жинлар
Устидан зинҳор.*

Особого внимания заслуживает один из монологов Фауста (в сцене вторичной встречи его с Мефистофелем), где с особенной силой выразился гётевский пафос критики и отрицания. Герой Гёте проклиная «обман славы», проклиная «все, что льстит нам как собственность», и с особенной страстью проклиная Мамону – бога золота:

*Verflucht, was als Btsitz uns sechmeichelt,
Als Weib und Kind, als Knecht und Pflug!
Verflucht sei Mammon, wenn mit Schätzen
E runs zu Kühnen Taten regt,
Wenn er zu müssigem Ergetzen
Die Polster uns zurechte legt!*

*Я проклиная самомнение,
Которым ум наш обуян,
И проклиная мир явлений,
Обманчивых, как слой румян.
И обольщение семьянина,
Детей, хозяйство и жену,
И наши сны, наполовину
Неисполнимые, кляню,
Кляню Мамона, власть наживы,
Растлившей в мире все кругом,
Кляню святой любви порывы
И опьянение вином.*

Перевод Б. Пастернака

*Лаънат бўлсин авраб инсонни
Аллалаган ўшал туйғуга.
Лаънат бўлсин табаррук жонни
Тан ғорига солган доғуга.
Лаънат, адо қилғувчи бизни
Кўнгилдаги такаббурга ҳам.
Лаънат, мурғак ҳисларимизни
Алдагувчи тасаввурга ҳам.
Лаънат сенга, бизни банд этган
Турмуш ўйи, оила, шухрат...
Лаҳза бизни сарбиланд этган
Шириш тушлар, сизга ҳам лаънат!
Сенга ҳам эй бойликка ружу,
Лаънат бўлсин бутун умрга.
Лаънат бўлсин муҳаббатга-ю,
Шароб берган тотли сурурга.*

Узбекский текст «Фауста» в целом с поразительной точностью передает и логическое и поэтическое, эмоциональное содержание подлинника. Это можно явственно ощутить при сопоставлении такого, например, характерного и существенно важного отрывка из середины монолога:

*Flieh! auf! hinaus ins weite Land!
Und dies, geheimnisvolle Buch
Von Nostradamus eignere Hand
1st dir es nicht Geleit genug?
Erkennest dann der Sterne Lauf,
Und wenn Natur dich unterweist,
Dann geht die Seelenkraft dir auf,
Wie spricht ein Geist zum andern Geist.*

*Встань и беги, не глядя вспять!
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь.
И ты прочтешь в движенье звезд,
Что может в жизни проистечь.
С твоей души спадет нарост,
И ты услышишь духов речь.*

Перевод Б. Пастернака

*Қоч бу ердан, ўтказма дамни!
Кет ва ҳамроҳ этиб йўлингга
Сирлар тўла Нострадамнинг
Китобини олгин кўлингга.
Шунда сенга юлдузли само
Аён қилур тириклик розин.
Кўнглинг бўлур доғдан мусаффо,
Тинлагайсан руҳлар овозин.*

Э.Вахидов, учитывая гётевскую логику эпического повествования и лирическую эмоциональность монологов Фауста, стремился к тому, чтобы каждая деталь в стихотворном ряду была эквивалентна оригиналу по содержанию и эмоционально-эстетической значимости.

Противоречивая сущность мироощущения Фауста поэтически выражена в его беседе с Вагнером в сцене «**у городских ворот**». Это известные, часто цитируемые слова о двух душах в одной груди:

*Du bist dir nur des einen Triebs bewubt,
O lerne nie den andern kennen!
Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine hält in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammern den Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.*

*Тебе знакомо лишь одно стремление,
Другое знать – несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые – и жаждут разделья.
Из них одной мила земля, –
И здесь ей любо – в этом мире,
Другой – небесные поля,
Где духи носятся в эфире.*

Перевод Н. Холодковского

Сопоставляя разные переводы этих строк, можно явственно почувствовать существенные особенности разных творческих методов. Э. Вахидов перевел так:

*Сенга фақатгина битта тилак ёр,
Тамом бегонадир ўзга бир дунё.
Менинг кўксимда-чи, икки юрак бор,
Иккиси бир-бирин тан олмас асло.
Бирини она ернига меҳрига тўлуғ,
Вужудимни қилур тупроққа пайванд.
Бирининг оташи қуёшдан улуғ,
Парвоз этмоқ бўлур юлдуздан баланд.*

Э. Вахидов правильно воспроизводит поэтическую суть оригинала. Предметный образ и заключенная в нем логическая абстракция – раздвоение мироощущения – неотделимы от вполне определенного душевного состояния, настроения, связанного с мелодическим и ритмическим строем стиха, с многообразными представлениями, которые создаются определенными словосочетаниями.

Сохраняя общий смысл и интонацию, узбекский поэт по-своему воспринимает и передает ощущение неразрешимого противоречия. Вместе с тем он оказывается значительно ближе к духу и поэтическому строю мыслей Гёте, чем многие переводчики. Э. Вахидов ближе, как и Б. Пастернак, к реалистической, земной страстности Гёте, чем «эфирные духи» Н. Холодковского.

*Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.*

Перевод Б. Пастернака

Э. Вахидов не столько переводит слова и не столько озабочен сохранением ритмического строя подлинника, сколько передает его общий дух и смысл, стремится воссоздать основной тон стихов Гёте, смело применяя для этого живые поэтические средства современного узбекского языка.

Слова Фауста, исправляющего свой перевод Евангелия, слова, в которых провозглашено ясно осознанное творческое материалистическое мировосприятие Гёте, чрезвычайно важны для понимания всей драмы:

*Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat
Und schreibe getrost: Im Anfang war die Tat!*

*Но свет блеснул, и выход вижу я –
В деянии начало бытия.*

Перевод Холодковского

*Я был опять, как вижу, с толку сбит,
«В начале было дело» стих гласит.*

Перевод Б. Пастернака

Э. Вахидов перевел их торжественно, приподнято:

*Йўқ, қудрат ҳам эмас, қилибман хато,
“Дастлаб Амал бўлган”. Шу асли маъно.*

Существенное значение для понимания всей многослойной лирико-философской трагедии имеет монолог Фауста в сцене второй встречи с Мефистофелем:

*In jedem Kjeide werd ich wohl die Pein
Des engen Erlebens fühlen.
Ich bin zu alt, um nur zu spielen,
Zu jung, um ohne Wunsch zu sein.
Was kann die Welt mir wohl gewähren?
Entbehren sollst du! sollst entbehren!*

*Что ни надень – все мучусь я хандрою
И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть.
Свет ничего не даст мне, я уверен:
«Умерен будь! лишь будь умерен!».*

Перевод Н. Холодковского

Б. Пастернак переводит смелее, свободнее и неизмеримо поэтичнее, но едва ли точнее:

*В любом наряде буду я по праву
Тоску существованья сознавать.
Я слишком стар, чтоб знать одни забавы,
И слишком юн, чтоб вовсе не желать.
Что даст мне свет, чего я сам не знаю?
«Смирйя себя» – вот мудрость прописная.*

Э. Вахидов добросовестно и вдумчиво перевел:

*Қай либосда бўлмай, барибир қалбим
Сезажак не ғусса бўлса дунёда.
Ёлғиз сафо учун кексайиб қолдим,
Беҳавас бўлмоққа ёшман зиёда.
Не берур мен ўзим билмаган олам?
“Тобе бўл, сабр ила чека бер алам!”*

Э. Вахидов дает и перевод, но и в то же время как бы другие стихи на ту же тему. Внешне они проще, будничней, ироничней. Это узбекский Фауст XX века, хотя он так же неумоно страстен и тоже мыслит не рассудочно, а поэтично.

Одно из центральных мест в трагедии Гёте занимает образ Мефистофеля – одного из сложнейших образов мировой литературы. Мефистофель – не только символ сводника, носителя зла. В его образе Гёте сатирически отразил пороки средневековой Германии. По замыслу Гёте Мефистофель выступает то в роли Фауста, то в маске шута, то в облике Фаркиады и т.д. Но везде и всюду сохраняется единственно ему присущие действия и манера речи, своеобразный характер. В этой связи следует отметить, что Э. Вахидов, используя равнозначные оригиналу стилистические особенности, сумел полноценно воссоздать демоническую внешность, индивидуальный стиль и сатирико-юмористический тон речи, поэтико-философский колорит Мефистофеля. В узбекском переводе ярко выражены юмор речи, а также своеобразное мышление персонажа.

То изумительное мастерство, с которым Гёте владел народным языком, ярко сказывается на страницах «Фауста» в речи Маргариты. Все реплики и монологи Маргариты отличны особой непосредственностью, задушевностью. Всюду, где звучит ясная, простая речь Маргариты, – Э. Вахидову удалось передать обаяние этого образа. Надо особо отметить, что Э. Вахидову бесспорно удался перевод бессвязного лепета обезумевшей девушки в заключительной сцене «Тюрьма».

Маргарита отличается от других героев трагедии простотой характера, искренностью и трудолюбием, красотой и душевностью. В интерпретации образа Маргариты в узбекском переводе дана реалистическая трактовка образа Маргариты и раскрыт ее богатый духовный мир. Можно утверждать, что Э. Вахидов создал образ Маргариты в узбекской поэзии, сумел передать благородные свойства героини.

Песня Гретхен, «нежная» безыскусственная, будто и впрямь рожденная фольклором, именно поэтому необычайно трудна для перевода.

*Meine Ruh ist hin,
Meln Hefz ist schwer;
Ich finde sie nimmer
Und nimmermehr.*

Н. Холодковский превратил ее в нечто напоминающее «жестокий романс»:

*Покоя нет,
Душа скорбит;
Ничто его
Не возвратит.
Там его нет,
Там все мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущен, молчит;
Мой бедный дух
Сражен, разбит.*

Б. Пастернак написал другую песню, близкую по настроению, но весьма далекую по стилю. Это песня очень интеллигентной девушки:

*Чуть он отлучится,
Забьюсь, как в петле,
И я не жилица
На этой земле.*

*В догадках угрюмых
Брожу, чуть жива,
Сумятица в думах,
В огне голова.*

*Что случилось со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.*

*Гляжу, цепenea,
Часами в окно.
Заботой моею
Все заслонено,*

*И вижу я живо
Походку его
И стан горделивый,
И глаз колдовство.*

*И, слух мой чаруя,
Течет его речь,
И жар поцелуя
Грозит меня сжечь.*

*Что случилось со мною?
Я словно в чаду.
Минуту покоя
Себе не найду.*

У Э. Вахидова раздается народная узбекская девичья жалоба. И только необычные короткие, отрывистые строки придают ей иноземное звучание. Она, пожалуй, ближе всех иных переводов и по духу и по форме к подлиннику:

*У бўлмаса гар
Ёнимда бир дам,
Қоронғу бўлар
Менга бу олам.
У қайда қолди,
Қуйилар ёшим.
Ақлим йўқолди,
Айланди бошим.
Кўнглимда нечун
Йўқ зарра ором?
Асирман маҳзун
Ўйларга тамом.
Дарчадан боқсам –
Уни кутарман.
Йўлига ҳар дам
Кўзим тутарман.
Хаёлдан кетмас
Қадду қомати.
У олган нафас,
Барча одати ...
Унута олмам
Майин сўзларин.
Табассумин ҳам
Ёниқ кўзларин.
Кўнглимда нечун
Йўқ зарра ором!
Асирман маҳзун
Ўйларга тамом.*

О власти золота говорит простодушная Маргарита:

*Nach Golde drängt,
Golde hängt
Doch alles. Ach wir Armen!*

Н. Холодковский переводит совершенно точно:

*Все денег ждут,
Все к деньгам льнут;
Ах, бедные мы, право!*

*Асли, барча пул дер,
Бойлик дер барча.
Дунёда шўрлик зот йўқдир бизларга.*

Сравним с переводом Б. Пастернака:

*Вся суть в кармане,
Все – кошелек,
А нам, простым, богатства не дал бог!*

Эти строки Поша Али Усмон перевел так:

*Олтингадир вобаста.
Олтинча ҳирс ҳар касда.
Не қилопур айт, биздек бояқишлар?!*

Удался Э. Вахидову разговор Фауста и Маргариты о религии. Знаменитый монолог, где Фауст наперекор религиозной вере утверждает единство и материальность мира, – в узбекском переводе не лишен доли той страстности, эмоциональной силы, какою он обладает в подлиннике.

Вторая часть «Фауста» включает еще больше трудных задач для переводчика, чем первая. Во второй части трагедии **“Фауст” – личность, полная ответственности, прошедшая школу самовоспитания.** Чувство вины помогло Фаусту обрести свободу. Его союз с дьяволом направлен теперь не на собственное, а на общее благо. Хорошо, может и так, а как быть тогда с сиренами и сфинксами, с лемурами и множеством других существ, которые встретились на пути Фауста, прошедшего школу самовоспитания. Как быть с Еленой, явившейся из другой эпохи? А как следует относиться к духу Земли? А кто на самом деле сам Мефистофель – просто эффектный господин с рогами, возникающий из-под земли под эффектную мелодию Гуно?

Этих и других вопросов множество, и на них исследователи – гётеведы дают простые ответы – ведь это творение поэта, и у него свои фантазии, богатое воображение, и не следует понимать все буквально. Лично у меня подобные суждения не вызывали доверия, ибо они не помогали войти в мир Гёте, а, напротив, от него отдаляли. Отношения с «Фаустом» Гёте начали меняться только тогда, когда стало возможным войти в пространство немецкого восприятия, и взглянуть на узбекского «Фауста» со стороны.

Следует отметить, что все более разнообразны и сложны стихотворные формы во второй части «Фауста». Драматическая поэма Гёте, кроме всего прочего, еще и своеобразная энциклопедия выразительных средств поэзии. В «Фаусте» представлены едва ли не все известные в ту пору виды и манеры, жанры и стили поэзии. Но никогда и ничто не становится у Гёте формальным «экспериментом». Каждый раз новый лад, строй или ритм стиха, новый стиль речи оказывается необходимым выражением перемены мыслей, настроений, перелома действия. Все это создает при переводе «Фауста» очень сложные проблемы.

В большинстве случаев Э. Вахидов решает их так же смело и естественно, так же уверенно владея щедрыми дарами родного узбекского слова. Следует отметить, что в узбекском переводе Э. Вахидов с большим мастерством употребляет традиционные арабские и персидские слова, а также латинские и другие заимствования, ономастику для обеспечения единства времени и пространства, формы и содержания.

Фауст второй части – это человек, который, своим высшим Я, через посредство своего физического тела, рассматривает жизнь в ее красочном отблеске. Он продолжает теперь пасти через жизнь это тело, как нечто, сохраняемое для того, чтобы еще развиться то, что как высшее Я, предохранит его от того, что выступит в последующих инкарнациях.

Для понимания исходной точки второй части «Фауста» не менее важно прочувствовать вину Фауста. В этой земной жизни он несет вину, как источник отрывающегося высшего познания, более точного познания жизни. И тогда, несмотря на то, что Фауст несет на своей душе тяжкую вину, открывается возможность, чтобы его высшее Я было приведено в связи с тем, что как духовное, живет, действует и творит в мире.

Гёте знал, что к истине можно приблизиться, если спуститься на один пласт глубже того, что называется обычным, дневным сознанием человека. В Вальпургиеву ночь душа Фауста была вырвана из его тела. С Мефистофелем он встречается в духовном мире. Астральное тело Фауста отделяется от его Я.

Вальпургиева ночь – это сцена, очень важная для Гёте. Фауст совершает путь назад – к классической, греческой эпохе, переживает Классическую Вальпургиеву ночь. Обращается же Гёте к жизни греков углубляясь в характер и формы мыслительной жизни греков, которая непохожа на мыслительную жизнь современного человека.

Во второй части «Фауста» действуют и существа, принадлежащие миру, который прежде существовал для человека физически, а современный человек уже может переживать его только во сне. Эти существа невидимы в нашем мире. У Гёте действуют существа, которых он встречает, обращаясь назад, к истокам нашего современного бытия. Это сирены – существа связанные с водой и воздухом, точнее с субстанцией «вода-воздух», существовавшей как нечто единое до того, как она разделилась на воду и воздух. Ведь когда-то не было и твердой Земли. Состояние света и мрака переживалось в мире, где все колеблется, течет, волнуется, охвачено вихрями. То, что вошло в человека одновременно с образованием Земли, связано с природой существа, которое называется сфинксом. С ним связана твердая точка равновесия в волнуемом элементе. Элементарные духи, связанные с водой и с воздухом, сохранились еще в греческих мифах, как вообще в мифах, в мифологии, сохранились отзвуки древних истин.

Воспроизведение на узбекском языке второй части «Фауста» потребовало от Э. Вахидова таланта и новаторства в передаче народу – носителю языка перевода – содержания новых для него жизненных переживаний и эстетических тенденций. Создание на узбекском языке поэтических размеров немецкого оригинала во всей полноте и созвучии с учетом национальной специфики выявило мастерство Э. Вахидова в овладении поэтической техникой Запада и Востока. Об этом свидетельствует освоение им таких поэтических стилей, как октава, александрийский стих и терцина, умелое применение художественной компенсации и полнокровное отражение в переводе психологии героев, национального духа путем создания аналогичных интонационно-стилистических ходов. При этом, заслуга

Э. Вахидова состоит в том, что используя имеющиеся в узбекской поэзии размеры, он сумел найти античным стихам без рифм созвучные, вытекающие из особенностей вольного стиха размеры.

Весь пронизанный звонкой переливчатой музыкой маленький монолог Ариэля по-узбекски звучит, пожалуй, даже мелодичнее, чем в подлиннике и у Б. Пастернака.

*Horchet, horcht dem Sturm der Horen!
Tonend wird für Geistesohren
Schon der neue Tag geboren.
Felsentore knarren rasselnd,
Phöbus' Räder rollen prasselnd,
Welch Getöse bringt das Licht...*

Ариэль

*Слышите, грохочут Оры!
Только духам слышать впору,
Как гремят ворот затворы
Пред новорожденным днем.
Феба четверня рванула,
И приносит столько гула!
Уши оглушает гром,
Слепнет глаз, дрожат ресницы.
Шумно катит колесница,
Смертным шум тот незнаком.
Бойтесь этих звуков. Бойтесь,
Не застали б вас врасплох.
Чтобы не оглохнуть, стройтесь
Внутрь цветов, под камни, в мох.*

Перевод Б. Пастернака

Ариэль

*Тингланг – кўкда гулдирак!
Бу Ора берган дарак.
Янги кун учун фалак –
Очган дарбозаси бу.
Қулоқ тутинг садога:
Феб ҳам чиқди самога,
Нурлар овозаси бу!
Феб ҳам чиқди олдиндан,
Аробаси олтиндан.
Бу қандайин қалди роқ?
Қоматга келди қулоқ!
Тангри, руҳларга аён,
Лек бандалардан ниҳон
Сирли само саси бу.
Ҳанжардир, қочинг йироқ.
Тошу гулбарг остига
Беркининг, эльфлар, тезроқ!*

Замечательным примером живой поэтической эквивалентности перевода-оригинала может служить монолог Зоило-Терсита.

*Hu! hu! Da komm ich eben recht!
Ich schelt' euch allzusammen schlecht!
Doch was ich mir zum Ziel ersah,
Ist oben Frau Victoria.
Mit ihrem weiben Flügelpaar,
Sie dünkt sich wohl, sie sei ein Aar,
Und wo sie sich hur hingewandt,
Gehör' ihr alles Volk und Land;
Doch wo was Rühmlisches gelingt,
Es mlch sogleich in Harnisch bringt.
Das Tiefe hoch, das Hohe tief,
Das Schiefe grad, das Grade schief,
Das ganz allein macht mich gesund,
So will ichs auf dem Erdenrund.*

Зоило – Терсит

*Постойте, я сейчас вас всех
Разделю тут под орех.
И первой из почтенных дам –
Победе этой я задам.
Размер ее орлиных крыл
Бедняжке голову вскружил.
Ей кажется, что ей всегда
Должны сдаваться города.
Меня до испугу злит
Бесстыдство тех, кто знаменит.
Уважу слову, злость берет,
Заслуги, подвиги, почет,
Все, все б перевернул вверх дном,
Смешав, как в зеркале кривом.*

Перевод Б. Пастернака.

У Э. Вахидова, как и в подлиннике, мысль и образ нераздельны, поэзия и мудрость сплавлены воедино. И все предельно ясно и просто; обозримы самые сложные противоречия; самые резкие контрасты не создают диссонанса.

Зоило – Терсид

*Бу ерга келдим букун
Сизларни боплаш учун.
Энг биринчи нишоним –
Нусрат аталган хоним.
Ўзни қанотли аёл –
Бургут деб қилар хаёл
Ўйлар, бор қишлоқ, шаҳар –*

*Бўлур унга мусаххар.
Учраса бир шуҳратлик
Тепа сочим бўлур тик.
Қани гуноҳни шонга,
Ҳақиқатни ёлғонга
Айлантирсаму хандон –
Элга қилсам намоён.*

Для понимания «Фауста» Гёте особенно важно понять и то, какова в этом произведении роль Гомункула. Ведь Гомункул – это, в сущности, образ человека, тот образ, который человек может составить о себе самом с помощью своего обыкновенного земного ума. Как может человек прийти к тому, чтобы в созерцании себя не остаться пустым Гомункулом, а продвинуться вперед к Ното? Для Гёте ясно, что достигнуть этого можно только через те познания, которые могут быть приобретены в свободном от тела состоянии лишь духовно-душевым существом.

То, что человек осмысливает обычным познанием – остается Гомункулом. Если же человека ввести в мир образный, инспиративный, получается человек, обладающий сверхчувственными способностями. При этом Гёте обращается к греческому миру, ибо человек принадлежавший к миру древних греков, мог находиться духовно-душевно вне своего тела, созерцая природу, созерцая мифический мир, который был для них духовной действительностью. Через обращение к античному миру Гёте стремится к обретению полноты человеческих познаний, познаний в свободном от тела состоянии. Фауст ищет дух бессмертного, вечного – ищет то, что осталось от Елены. Для этого он должен спуститься к матерям.

Матери – это образ духовного знания всех времен: Матери были тем, что человек познает, когда открывается его духовное око. Ему удается вывести дух Елены из царства матерей, но Фауст еще не созрел, чтобы соединить этот дух со своей душой. В нем пробуждается чувственная страсть, он хочет обнять прообраз Елены, и оказывается отброшенным назад. Так бывает с каждым, кто из личных, эгоистических чувств хочет приблизиться к духовному миру. В третьем акте второй части Елена может выступить уже телесно. С Еленой нельзя соединиться в бурной страсти, но можно встретиться с нею, переживая тайны бытия.

Во второй части «Фауста» Гёте заставил своего героя вернуться в прошлое, вплоть до древней Греции, что было необходимо и для того, чтобы понять следующее: **глубокое уважение к истине, уважение к знанию, которое стремится выйти из узких границ своего окружения, своей среды, – вот то, что мы должны себе приобрести.**

В финале «Фауста» появляются ангелы, возносящие энтелехию Фауста, его бессмертное начало. Они вырвали его бессмертное начало у Мефистофеля. Блаженные младенцы принимают Фауста в свой круг. Через посредство Небес Царицы Фауст ищет в Гретхен сущность Марии. Поэтому то, что свершилось, может выразить мистический хор:

*Лишь символ – все бренное,
Что в мире сменяется,
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания,
Как сущность конечная,
Лишь здесь происходит,
И женственность вечная
Сюда же возводит.*

Перевод Н. Холодковского.

У Б. Пастернака:

*Все быстротечное –
Символ сравнение.
Цель бесконечная
Здесь – в достижение.
Здесь – заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.*

Эти строки переведены Э. Вахидовым следующим образом:

*Ўткинчи дунё
Бир тимсол фақат.
Бу ерда танҳо
Ҳосилдур мақсад.
Бунда ҳақиқат!
Бизни ҳар замон
Мангу назокат
Тортар ул томон.*

В конце трагедии ангелы возносят душу умершего Фауста на небо. Заключительные сцены трагедии в гораздо большей степени, чем другие произведения Гёте, насыщены пафосом творчества, созидания, столь характерным для эпохи французского социал-утописта А. Сен-Симона.

Э. Вахидов сумел передать в узбекском переводе «Фауста» не только содержание, но и дух оригинала.

*Wenn man der Jugend Keine Wahrheit sagt,
Die gelben Schnäbeln, Keineswegs behagt,
Sie aber hinterdrein nach Jahren
Dus alles derb an eigner Haut erbahren,
Daun dunkeln sie, es Käm aus eignem Schopb
Da beiht es denneder Weister war ein Tropf.*

*Как неприятна правда молодым,
Когда ее в лицо мы говорим.
Когда-то нами вбитая начала
Жизнь после подтверждает, что ни шал,
Им кажется, что тут развиться знак:
«Мы возмужали, мы народ бывалый,
А наш учитель жалкий был дурак».*

Перевод Б. Пастернака

Перевод на узбекский язык Э. Вахидова:

*Юзга айтса не учун ажаб,
Ёшларга ҳеч ёқмас тўғри гап?
Чинлигини биз айтган сўзнинг
Ҳаёт ўзи тасдиқлар, бироқ
Ёшлар дейди: ўсдим мен ўзим
Домлам эди қип-қизил аҳмоқ.*

В «Фаусте» Гёте изложил свое мировоззрение, которое можно характеризовать как гётеанизм. Многие обыватели, сытые люди, думают, что если в достаточной мере развить мышление и в достаточной мере развить волю, то уж, конечно, они придут к цели. Но в этом сытом самочувствии, на легко доступных дорогах, лежит поверхностная сторона жизни. Здесь нет того, что делает возможным после жизненного испытания, – потому что человек испытывается, когда он с надлежущей интенсивностью внутренне представляет себе обе указанные границы, – здесь нет того, что делает возможным,

после достаточного испытания, преодолеть препятствие, вступить в другой мир, который не может быть пережит сознанием, развиваемым между рождением и смертью.

Человечество должно однажды узнать, исходя из гётеанизма, что переживать можно не только наслаждение, удовлетворение влечения, которое часто только внушают себе, которое часто навеяно иллюзиями. Но переживать можно и то, что ведет человека к его цели через препятствия, через разочарования, через потерю иллюзий. И кто отказывается пережить разочарование, кто отказывается метаморфизировать в известный момент жизни всего себя, как человека, тот не может продвинуться дальше в познании, в понимании человечества.

Можно с полным основанием утверждать, что обе части «Фауста» переданы Э. Вахидовым вдохновенно, поэтически, с той неукротимостью, почти буйством фантазии, которые отличают великий подлинник Гёте. Узбекский «Фауст» Э. Вахидова народен, полнокровен, прост и выверен по гётевски гениально.

Неотъемлемое качество вахидовского перевода – искусство языковой характеристики всех героев трагедии, и притом не только ведущих персонажей, но и эпизодических фигур. Самые различные пласты трагедии: пляски поселян и церковное песнопение, садовая беседка и адова пасть, полет Фауста и Мефистофеля на вороных конях и светящаяся колба с малюткой Гомункулом над Фарсальским полем, раздирающая душу сцена в тюрьме перед казнью Гретхен и трогательный миф о Елене – в переводе Э. Вахидова уравнились в своих правах: стали непреложной поэтической реальностью.

Эркин Вахидов сделал «Фауста» Гёте живым явлением узбекской поэзии. Главное достигнуто – поэтическая метаморфоза, замечательное по мощи стиха и слога узбекское перевыражение «Фауста».

*Человеком был я в мире,
Это значит – был борцом!*

И.В. Гёте

Узбекская жизнь «Фауста»

Когда с картины столетней давности счищают пыль и копоть времени, выступают живые краски во всей их первоначальной прелести. Гёте писал «Фауста» всю свою жизнь. Видимо, что Э. Вахидов готовился к переводу «Фауста» тоже всю свою жизнь и плюс пять лет напряженной творческой работы.

В самом деле. Вспомним хотя бы некоторые стихи Э. Вахидова, чтобы убедиться, как давно образы гётевской трагедии владели воображением узбекского поэта. Он убедительно передает весеннюю свежесть девической доверчивости «Маргариты» и овладевшей ею влюбленностью, что восстанавливает природу гётевского весеннего, праздничного гулянья, на котором происходит встреча с Фаустом. Вся жизнерадостность сцены «У ворот» раскрыта и тонко прочувствована Э. Вахидовым.

В том-то и прелесть узбекского перевода «Фауста», что в нем автор и переводчик сливают свои голоса в один, что вы, читатель, приближены вплотную к тексту, читая не только перевод, не только изложение мыслей Гёте, но и их реальное выражение.

И как бы ни были точны и доброкачественны комментарии, все равно их не хватит, чтобы пояснить родственность и близость той свободы фантазии, той непосредственности интонаций, какие роднят перевод с подлинником. **Для чтения Гёте необходимы комментарии подробные и тщательные, чтобы не потерять той путеводной нити, которая ведет по сложным и разветвленным ходам поэтической трагедии.** Но трудность эта во много раз увеличивается перед переводчиком, который обязан быть чутким и к точности выражения мыслей, и к их оттенку в данном контексте.

В ранее известных переводах «Фауста» их авторы, преследуя точность, теряли переносные значения, оттенки которых не уловишь простым словарным соответствием. Мир Гёте настолько насыщен образами, его мышление настолько обширно во всех областях истории, культуры и науки, что часто для того, чтобы понять то, о чем сказано образно, необходимо обращаться к энциклопедии и справочни-

кам. Поэтому-то и затруднено чтение Гёте для широкого читателя, не знающего немецкого языка и становившегося в тупик при попытках разобраться в том или ином эпизоде второй части «Фауста».

И вот в переводе Э. Вахидова «Фауст» Гёте можно прочесть, если и не в один присест, не между делом, то и не лазая в словари, с помощью тех кратких, но точных, комментариев, которые представлены в конце книги.

Почему же это стало проще и доступней?

Да все потому же, что переводчик – Э. Вахидов, свободно чувствуя себя в словарной и смысловой особенностях гётевской поэтики, свободно и сильно овладел языком Гёте, его средствами выражения, его культурой. Овладел, не поддавшись безвольно ее обаянию, не попадая под груз этой культуры, а раскрывая ее узбекскому читателю со всей душевной горячностью, со всей разнообразностью ее форм. Трудность постижения Гёте становится при этом благодарной возможностью собственного повышения знаний, расширения читательского горизонта, но не в этом только дело.

Творение Гёте – прежде всего поэтично больше, чем об этом известно узбекскому читателю. Мы знали о нем как о классическом произведении немецкой литературы, знали как о книге, вечно дорогой поколениям, но от нас ускользала та прелесть поэтической глубины, спускаться на какую у нас просто не хватало духу. Но жемчужины добываются именно в глубине и именно не случайно.

В океане гётевской бездонной фантазии, среди философских напластований, чудовищных сплетений сарказма и иронии, издевки и полемичности с окружающей его поповско-ханжеской лженаукой и лжеискусством, вдруг открываются такие светлые дали любви к человечеству, веры в него, родства с ним, что забываются мгновенно только что просvisteвшие словесные бичи и скорпионы, выпускаемые Гёте на защиту своих человеческих дум и убеждений.

Что касается первой части «Фауста», доказательств здесь не требуется много. Стоит вспомнить лишь хотя бы диалог Фауста с Вагнером:

*Взгляни отсюда вниз с утеса
На городишко у откоса.
Смотри, как валит вдаль народ
Из старых городских ворот.*

*Шу юксак қоядан шаҳарга қара,
Нақадар улугвор, ажиб манзара!
Шаҳар дарбозаси букун кенг очик,
Дикқи нафас уйдан чиқиб халойик.*

*Они восстали из-под гнета
Конур, подвалов, верстаков,
Ремесленных оков, без счета,
Нависших крыш и чердаков.*

*Улар халос бўлиб чиқдилар букун
Хароб кулбалардан, ертўлалардан.
Бегим кун барчаси дастгоҳда тутқун,
Байрамда чиқурлар бу тор шаҳардан.*

*И растеклись ручьев живей,
И бросились к речным причалам,
И рыщут лодки по реке,
И тяжело грести усталым
Гребцам в последнем челноке.*

*Анҳорлардай оқар халқ жўшқин ва шод.
Дарёга ошиқар ана халойик,
Қирғоқда ҳам жой йўқ кўйгали қадам.
Ҳов сўнги қайиқда одамлар тўлиқ,
Жуда зўр кеилбди эшкакчига ҳам!*

На что Вагнер, с присущей ему чопорностью схоласта и педанта, отвечает кислым комплиментом:

*Прогулка с вами на свободе
Приносит честь и пользу мне.
Но от забав простонародья
Держусь я, доктор, в стороне.*

*Мен учун сиз билан сайр этмоқ танҳо
Ҳам фойда келтирур, ҳам катта шараф.
Оддий халойиқдан ўзимни аммо
Олиб юрамен, доктор, бир тараф.*

Содержание этих строк давно известно и по другим переводам, но разница в тоне, оттенок речи Фауста и Вагнера впервые достигает ушей узбекского читателя. В то время как в речи первого нам слышатся знакомые и родные звуки всех лучших людей земли, всех наших лучших поэтов, – в сухой поджатости губ второго

так и чутется ханжа и филистер, схоласт и подхалим, ценящий свыше всего собственную «честь и пользу».

Можно привести только один этот пример речевых характеристик, с такой чуткостью слуха оттеняемых Э. Вахидовым. Их много можно было бы привести и в разговорах горожан, и в речи придворных, и даже в оттенках речи тех чудовищ, какими Гёте заблагорассудилось прикрыть образы своих хулителей и противников. Нет нужды доказывать это, наше положение о гибкости и яркости речи, передаваемой Э. Вахидовым, явствует из чтения.

Во всех случаях столкновения с характером персонажа Э.Вахидов умеет точно и ярко персонифицировать речь этого персонажа. Он выделяет его из массы действующих лиц и образов при помощи того синтаксиса и словарного состава, который свойственен именно этому лицу. На что уж, кажется, фантастичны образы сфинксов и грифов во второй части «Фауста». Но и им Гёте сообщил «нечеловеческую речь», речь чудовищ, однако доступную пониманию, и вы чувствуете за их словами речь буквоедов, мнимочучных, помешанных на корнях слов.

На приветствие, обращенное к ним со стороны Мефистофеля, – «стариканам гривачам» – грифы отвечают:

*Не гривачам, а грифам! Очень странно
Нам удружил, зачислив в стариканы!
Звучанием, корней живут слова.
В них слышны грамматические свойства.
«Грусть», «грыжа», «гроб»
приводят нас в расстройство.
Мы не желаем этого родства.*

Перевод Б. Пастернака

Гриф

(Бўғиқ)

*Ажаб, қандай гуруҳ? Грифлармиз биз,
Кекса гуруҳга ҳеч йўқ алоқамиз.
Қари деб ном олиш кимга ҳам ёқур,
Ҳар бир сўз маъносини қилмоқ учун ҳис,
Аҳли дониш ўзак товушга боқур.
Бизнинг номимизга бўлибди уйқаш
Гиряю, гириху гирдлиғ, гирифтюр.
Бу сўзларнинг бари грифга ўхшаш,
Бўлмоқ истамаймиз биз уларга ёр.*

Трудно не разгадать в этой реплике формалистов-лжеученых, которых Гёте наделил страшной внешностью крылатых чудовищ. Она дает адрес того, кому она свойственна. Этого примера достаточно для показа особенностей перевода, где бывшее в других переводах просто непонятным становится прозрачным по смыслу и по образу.

И все-таки главное не в этом. Главное в том, что слово начинает жить действием. Начинает глубиться перспективой цвести тканями, звучать голосами. И вы начинаете видеть и слышать, именно то, что задумал Гёте:

*Кто с бурею сближает чувств смятенье?
Кто грусть роднит с закатом у реки?
Чьей волею цветущее растение
На любящих роняет лепестки?
Кто подвиги венчает? Кто защита
Богам под сенью олимпийских роц?
Что это? – Человеческая мощь,
В поэте выступившая открыто.*

Перевод Б. Пастернака

*Ким ул богда унган оддий печакни
Шухрат гултожига этди баробар?
Кимнинг изми ила олам чечакни
Маҳбублар пойига сочди саболар?
Кимдир ул, забт айлаб Олимп маскадин,
Тангарилар посбони бўлолган қодир?
Улдир одамзотнинг буюк қудратин
Қалбида мужассам айлаган шоир.*

И вдруг из-за мистической мишуры, к которой сам Гёте относится только как к бутафории, выступает автор.

И тогда:

Астролог

*Наш государь, молчавший до поры,
Велит скорее обратиться к драме.
Стена, раздвинься! Врозь ползут ковры,
Как будто бы их скатывает пламя.
Оборотьясь изнанкою, драпри
Изображают сцены углубленье.
Мерцает свет таинственный внутри,
И я уже стою на авансцене.*

Мунажжим

*Ҳоқонимиз тезроқ драма
Бошлансин деб бердилар фармон.
сурил девор! ана гиламлар –
Кўтарилди аста баландга*

*Бамисоли ўраб аланга.
Мана, саҳна бўлди намоён.
Сирли шуъла таралмоқда жим,
Мен саҳнанинг олдига чиқдим.*

Да, ползут декорации, «как будто бы их скатывает пламя», и остается действие поэзии на читателя. Действие, не поддающееся измерению и вычислениям правил поэтики. Просто действие человеческой мощи, способной на великие подвиги. Самые изумительные творения человеческой фантазии она делает реальными и объемными.

И пускай Парис и Елена вызывают критику придворных дам и кавалеров; но они восстают именно такими, как были задуманы в мифах. И добрый «доктор Фауст» становится реальным, таким, каким он предстал в народном предании. И сам Гёте восстановлен Э. Вахидовым перед нами силой той же чудесной человеческой мощи, «в поэте выступившей открыто».

Здесь не место заниматься разбором философского значения «Фауста». Думаю, что неуместно было бы делать и формально-поэтический разбор перевода. Я повторяю, что поэтика Гёте настолько сложна и своеобразна, что схоластическим (ненужным) трудом было бы перечислять те размеры и свойства стиха, которые точно переданы или от которых отступил Э. Вахидов. Одно ясно и без такого разбора: едва ли кто-нибудь мог бы передать прелесть стиха Гёте с большей точностью, чем Э. Вахидов, свободно и широко использующий любую форму стиха, не теряя своего голоса ни в одной ноте звучания. Стоит привести отрывок многоголосого звучания этого стиха хотя бы в сцене появления Елены и Париса, во второй части «Фауста». Фауст, увлеченный им же самим созданным обликом Елены, восторженно созерцает ее:

*Я не ослеп еще? И дышит грудь?
Какой в меня поток сиянья хлынул!
Недаром я прошел ужасный путь.
Какую жизнь пустую я покинул!*

*Ҳақиқатми ва ёки рўё
Кўрганам бул пари жамоли.
Чинданми бул қаршимда пайдо
Гўзалликнинг буюк камоли.*

*Дарю тебе все напряженье воли,
Все, чем владею я и чем горю.
И чту твой образ и боготворю,
Всю жизнь, и страсть, и бред, и меру боли.*

*Менинг барча кучу иродам –
Донишим ҳам ва жунуним ҳам,
Шавқим, ишқим, ҳаётим бари
Сенга бўлсин, эй гўзал пари.*

Мефистофель
(из суфлерской будки)
Владей собой, не выходи из роли.

Мефистофель
(мулаҳқин кўшиқдан)
Эсингни йиғ, чиқма ўйиндан.

Поэт
*Действительно, богиня, как в романе,
К нему нагнулась, пьет его дыхание.
Целует! – С завистью смотрю туда.*

Шоир
*Яқинлашиб келдию хиёл –
Туйди пари йиғит нафасин.
Ана ўпди. Тошар ҳавасим.*

Дуэнья
При всех? Особа эта без стыда.

Кампир
Ҳамманинг кўз олдида! Уят!

Фауст
К мальчишке благосклонность!

Фауст
Шундай ўпар болани фақат.

Мефистофель
*Тише, брат!
Пусть делают виденья, что хотят.*

Мефистофель
Жим! Не қилса қилсин ул пари

И восторженность Фауста, и ядовитый сарказм Мефистофеля, и зависть поэта, и ханжество дуэньи так видимы в коротких репликах, что действие как бы разыгрывается здесь же, на странице. Можно было бы привести много таких мест, чтобы показать переливы стиха, гибкость синтаксиса, разговорность интонаций. Но для этого понадобилась бы не статья, а книга. Однако пока этой книги не

написано, и наши скромные замечания могут служить некоторым введением в историю этого замечательного перевода Э. Вахидова, пока еще не отмеченного по достоинству литературной критикой.

Скажем просто. Много лет я при всех усилиях не мог дочитать «Фауста» до конца. Вторая часть всегда была для меня непреодолимой. Я не знал, как с ней быть. Я не умел ее читать. И Гёте я ценил главным образом по «Годам странствований Вильгельма Мейстера», которые мне казались и человечней и увлекательней «Фауста».

Первый раз еще в школьные годы я взял в руки перевод Э. Вахидова с определенным предубеждением. И вот я читал его ночь напролет и следующий день, отложив все остальные занятия. Я вдруг увидел не оперного Фауста и не оперную Маргариту. Я увидел средневековый немецкий городишко, где мечется до смерти огорченный безвыходностью науки и познания человек. Человек этот подавлен бессмысленностью своего существования.

*Алхимии отцовою пережитки,
И вы, исписанные от руки
И копотью покрывшиеся свитки!*

Бесполезный хлам накопившейся схоластики, толпа филистеров и школяров, зубрящих все тот же свод бескрылых формул, доводят его до отрицания ценности жизни. Что спасает его от бутылки с ядом? Пение ангелов (как в прежнем толковании переводчиков)? Нарочито привнесенный Гёте элемент небесного вмешательства? Но нет же, нет! Воспоминания детства, когда

*Я убегал на луговой откос,
Такая грусть меня одолевала!
Я плакал, упиваясь счастьем слез,
И мир во мне рождался небывалый.*

Могут возразить, что и у других переводчиков передан тот же смысл подлинника. Да, но почему же он не действовал с такой силой, как у Э. Вахидова?

Ответ прост: потому что в лице Э. Вахидова мы имеем такого поэта, стих которого действует сильнее, чем усилия остальных отважившихся на подвиг перевода «Фауста». В других переводах главным образом небесные силы;

а здесь – не «святые песнопенья», а сама весна, сама радость жизни, всхлынувшая из-за детских воспоминаний, отводят яд от губ Фауста. И недаром вслед за этим следует народная, веселая сцена у ворот, как бы в подтверждение ценности и радости жизни с людьми.

Страница за страницей, вedomый заботливой и умной рукой переводчика Э. Вахидова, я пробирался по лабиринтам гётевской мысли и открывал для себя незнакомые до сих пор картины такой яркости и остроты, что пробирала дрожь нового, неизведанного познания. Я слышал раскаты такого голоса, силу и многозвучность которого я не мог себе до сих пор представить. Вставали и виденья, чудовищные в своей дикости. И это было средневековье, последние удары которому наносил гениальный писатель, которого я знал только отчасти, выраставший у меня на глазах. Передо мной вставал полувековой труд человека, в разном возрасте строившего свою трагедию, прикрывая этот труд от уни-

чтожения всеми признаками религиозного повиновения. Но под этими внешними знаками благонадежности восставал гений, задумавший переправить неверное толкование древнего закона «Вначале было Слово». Нет, «Вначале было Дело!» – решает Фауст, и с этого решения начинается его трагедия.

Я прочел «Фауста» заново и до конца. Я благодарен переводу Э. Вахидова, который мне позволил это сделать, преодолев затруднения, с которыми я встречался при всех ранее бывших попытках. Думаю, что не я один испытываю это чувство.

«Молодость» «Фауста» для узбекского читателя восстановлена и по современному передана Э. Вахидовым.

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.*

*Ким-эрк, ҳаёт деб жанг қилолса ҳар кун –
Эрку ҳаёт учун ўша муносиб.*

И.В. Гёте

Заключение

Полноценный, по-настоящему высокохудожественный перевод обеих частей «Фауста» Э. Вахидова хорош тем, что его автор, будучи талантливым поэтом, сумел передать красоту стиха Гёте, найти узбекский эквивалент его мелодике. Поэтому если кто-то хочет познать мысль Гёте, постигнуть его образы, то для этого следует обратиться именно к переводу Э. Вахидова.

В целом Э.Вахидов сделав перевод «Фауста», показал богатые возможности узбекского языка, поэзии, гармонизировал поэтическое слово, используя различные приемы художественной компенсации компонентов целого в проявлении стиля Гёте и национального духа трагедии. Широкая эрудиция переводчика видна в точном выборе слов, рифм, фразеологизмов, афоризмов, созвучных размеров. Именно поэтому узбекский перевод «Фауста» воспринимается легко, волнует сердце и точно воспроизводит оригинал.

Мастерство и широта диапазона мышления Э. Вахидова проявились в созвучной передаче стиля – поэтической гармонии лирического драматизма или

юмора и философского содержания немецкого текста (ритмомелодика, мотив, напев, язык персонажа). Глубокое изучение творческого метода Гёте позволило Э. Вахидову отразить национальный дух трагедии, языковые особенности. Высокая художественность работы, достоверность отражения духовных воззрений Гёте, воссоздание речи персонажей соответственно их духовному миру на базе идейной проблематики и фактического материала исходного языка обусловили высокое качество узбекского перевода. Высокохудожественный профессионализм Э. Вахидова проявился в том, что для интерпретации каждого персонажа он сумел найти индивидуальные черты, созвучные подлиннику, поэтический язык и стиль, обеспечить образность языка и гётевскую прозрачность характеров героев в процессе борьбы, движущий сюжет.

Строки, полные глубоких философских мыслей, символики, прекрасных свежих сравнений украшают узбекский перевод «Фауста», что свидетельствует о богатстве языковой палитры Э. Вахидова, су-

мевшего изыскать новые художественно-выразительные средства в узбекском языке. Художественная выразительность строк, яркие и красочные образы свидетельствуют о вдумчивой, кропотливой и созидательной работе поэта-переводчика, старавшегося по возможности сохранить и передать даже тайные намеки Гёте. По силе воздействия на читателя узбекский «Фауст» Э. Вахидова не уступает оригиналу и русскому переводу Б. Пастернака.

Узбекский «Фауст» Э. Вахидова, великое творение и литературный подвиг талантливого поэта-ученого, надолго останется одним из добрых даров узбекской культуры. Это дар народам Узбекистана и Германии и всем любящим и чтящим Гёте, где бы они не жили. Э. Вахидов посредством перевода этого произведения, одним из эталонов трактовки духовно-философских проблем в мировой литературе, открыл новую страницу в истории немецко-узбекских культурных связей. Освоение шедевра мировой поэзии стало огромным успехом узбекской переводной литературы.

У каждого, кто встретился в своей жизни с «Фаустом» Гёте, возникают свои,

особые отношения с этой великой книгой. Но на то, как происходит первая и последующие встречи с этим произведением, огромное влияние оказывает очень многое. В первую очередь, многое зависит от того, насколько сам человек готов к встрече с этой книгой, насколько значителен его личный опыт. Но влияют и внешние факторы, ибо многое определено тем, каковы особенности восприятия этого произведения в конкретной стране и в конкретное время. Они могут меняться в зависимости от изменений в жизни страны и ее общества, а могут оставаться неизменными на протяжении длительного периода.

Несомненно, великое произведение Гёте будет снова переводиться на узбекский язык (в этом одно из своеобразий художественного перевода), но перевод Э. Вахидова никогда не потеряет своей значимости как уникальный пример высокого поэтического искусства, будет вдохновлять последующих переводчиков «фаустианы», «осваивать» художественно-эстетические, историко-философские и естественно-научные вершины творчества Гёте.

публицистика

Ибодулла ШОЙМАРДОНОВ,

кандидат исторических наук,

Анвар ШЕРОВ,

журналист

Достойное воспитание детей – залог успешного будущего нашего общества

Надежды и чаяния каждой семьи связаны с детьми. Сколько радости они нам приносят, какую поддержку оказывают нам! Мы хотим видеть их здоровыми и счастливыми, а в будущем – полностью реализовавшими свои способности и процветающими.

Для нашего народа статус семьи всегда считался священным. Основную задачу родители видят в воспитании своих детей так, чтобы они могли свободно вливаться в общество и приносить ему пользу, чувствовать себя равноправными в общении с другими людьми. Именно это мы имеем в виду, когда сравниваем дом с полной чашей. Хорошие и счастливые дети – это и есть благополучие семьи.

С первых дней становления независимости Узбекистана была определена основная цель государства – создание необходимых условий для воспитания здорового подрастающего поколения, достойного духовного и культурного наследия своего народа и национальных традиций. Были установлены правовые основы воспитания физически и духовно здоровых детей, что является ярким свидетельством заботы нашего государства

о детях, ответственности за них, которую оно взяло на себя. И поэтому не случайны слова Президента нашей страны Ислама Каримова: «В центре устремлений каждого из нас стоит мечта вырастить наших детей физически и духовно здоровыми, ни в чем и никому не уступающими, увидеть их счастье и благополучное будущее». И действительно, богатство любого правового государства – в его людях, в молодежи. Забота о детях, защита их прав и интересов – и есть главное направление в политике нашей страны. В 45-й статье Конституции Республики Узбекистан говорится следующее: «Права несовершеннолетних, нетрудоспособных и одиноких престарелых находятся под защитой государства». И именно поэтому Конвенция по защите прав ребенка, принятая мировой общественностью на 44-й сессии Главной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 года, является одним из основных документов, имеющих силу международных норм по правам человека и направленных на процветание будущего человечества.

Этот документ, являясь сводом гражданских, политических, культурных и

* Государственная программа «Год гармонично развитого поколения». «Конституция Узбекистана – прочный фундамент нашего продвижения на пути демократического развития и формирования гражданского общества». Из доклада Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на торжественном собрании, посвященном 17-летию Конституции Республики Узбекистан, 5 декабря 2009 г., Ташкент, «Узбекистан», 2010, С.3.

других прав человека, включает в себя Закон о правах ребенка на развитие его умственных, физических и духовных способностей и, помимо всего, содержит права детей на охрану их здоровья и безопасности окружающей среды, права на медицинское обслуживание, лечение, питание, обеспечение одеждой и жильем.

Конвенция усматривает право каждого ребенка на жизнь, здоровое развитие, усыновление его другими людьми, а также права детей с ограниченными умственными способностями, детей-беглецов и правонарушителей. Первостепенная роль в заботе о детях, защите и оказании им помощи отводится семье и родителям. Особо следует выделить, что одной из важнейших тенденций в защите прав ребенка считается принятие всех необходимых мер для того, чтобы дети, независимо от расы, цвета кожи, возраста, пола, языка, религии, имущественного положения, состояния здоровья, родителей, опекунов и других обстоятельств, могли свободно использовать свои права.

Узбекистан, в качестве равноправного субъекта принимая участие в международных отношениях, взял на себя обязательство ввести в свое законодательство правовые нормы для детей, установленные международным сообществом и обеспечить их выполнение. Не случайно, одним из первых шагов нашего государства после обретения независимости стало присоединение 6 декабря 1992 года к международной Конвенции по правам ребенка.

Известно, что только сильное государство может оказать свое функциональное воздействие на общественные структуры. Когда общественные структуры будут обеспечивать выполнение закона о правах ребенка, когда они будут отвечать за формирование гражданского общества, когда каждый гражданин будет допущен к управлению государством и обществом, такое государство может быть признано сильным. Следовательно, одного только установления закона о претворении в жизнь прав и интересов детей в законодательных и других нормативных документах недостаточно, необходимо

привести в действие все государственные механизмы, задействованные в данном вопросе, для осуществления прав детей, предусмотренных законом и в международных документах.

Не имея представления о внутреннем мире каждого ребенка, его поведении, характере и интересах, трудно достигнуть поставленных целей в его воспитании. Такое воспитание осуществляется совместными усилиями родителей, махалли и широкого круга общественности, и от этого зависит, каким человеком он вырастет. Само собой разумеется, что работая с детьми, занимаясь их воспитанием, мы должны учитывать и возрастные особенности, а отношения с ними должны строиться соответственно их возрасту.

Сегодня в Узбекистане в широком масштабе осуществляются работы по оказанию материальной и моральной помощи молодежи, ее трудоустройству и поступлению в учебные заведения при активном участии широкой общественности: воспитателей, учителей, активистов махалли, а также самих родителей, объединением общих усилий. Задачи махалли по осуществлению прав и интересов детей четко определены в «Законе об органах самоуправления граждан республики», принятом 14 апреля 1999 года.

Известно, что сегодня махалля является главным очагом хранения, обновления и развития национальных обычаев и традиций. В целях предупреждения распространения среди молодежи наркомании и алкоголизма, предотвращения правонарушений, махаллинские комитеты, совместно с соответствующими органами внутренних дел, юстиции, прокуратуры и народного образования принимают все необходимые меры и проводят различные мероприятия по решению данного вопроса. Следует отметить, что особенно в наше время укрепление здорового образа жизни в нашем государстве имеет большое значение. Оно способствует формированию у молодежи свободного мировоззрения, стремления жить с благими намерениями, направлять свои способности и жизнедеятельность на осуществление добрых и справедливых дел, развивать в

себе чувство гражданского достоинства, справедливости, взаимной поддержки, человечности. Новое мировоззрение дает возможность молодежи лучше понять высокие нравственные основы национальных культурных ценностей и достижений нашего народа. Внедрение в общественное сознание необходимости правильного воспитания подрастающего поколения, осуществления на деле прав ребенка занимает особо важное место в общеправовой политике государства. Это свидетельствует о том, что все эти процессы находятся в центре внимания государства.

Мечта каждого человека – видеть будущее своего ребенка процветающим и счастливым. Поэтому Президент нашего государства уделяет пристальное вни-

мание воспитанию здорового молодого поколения, – он является организатором и руководителем общегосударственной программы по всестороннему развитию личности, которая может найти свое достойное место в обществе, преследуя основную цель – процветание независимого Узбекистана.

Наше государство имеет все правовые, идеологические и экономические основы для полного осуществления этой цели. Все наши устремления направлены на то, чтобы молодое поколение выросло достойным своих прадедов и отцов. Ведь не зря говорят: «Посеешь отборное зерно, получишь богатый урожай». А зерна добра, которые мы сеем сегодня, безусловно, дадут благодатный урожай.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Шамсиддин КАМОЛИДДИН

доктор исторических наук,
профессор**К биографии Ахмада Йугнаки**

В истории развития средневековой литературы тюркоязычных народов Средней Азии особое место принадлежит Ахмаду Йугнаки – автору поэтического произведения «Хибат-ал-хака-ик» («Дар истин»). Об авторе этого труда, являющемся одним из наиболее ранних тюркоязычных поэтов исламского времени, сохранились очень скудные данные, которые можно почерпнуть, главным образом, из самого этого единственного дошедшего до нас его произведения, а также из сочинений более поздних авторов. Поскольку в самом труде нет точных указаний относительно места и времени его написания, следовательно, и время жизни этого автора определяется исследователями по-разному: X–XII, XI–XII, XII–XIII вв. и даже XV в.

Сочинение Ахмада Йугнаки было предназначено для простых необразованных слоев тюркского общества с целью объяснить им на их простом родном языке основы морали и идеологии ислама. При этом автор широко использовал *хадисы* и *аяты* Корана. Поэма состоит из 14 небольших глав, заключающих в себе от 242 до 256 бейтов (в разных списках) стихотворного текста назидательно-поучительного содержания. Первые пять глав являются предисловием, в котором приводятся стихи, восхваляющие Всевышнего, пророка Мухаммада и его *асхабов*, сведения о некоем правителе по имени Дад Сипах-салар-бек, которому была посвящена эта поэма, излагаются причины и необходимость ее написания. Далее следуют основные главы сочинения, каждая из которых посвящена определен-

ной теме. В них рассматриваются такие вопросы, как польза знания и вред невежества, говорится об изменчивости мира, о преимуществах сдержанности и воспитанности, щедрости и благородства, о вреде высокомерия, скупости, жадности и др. В конце сочинения автор приводит свои извинения за поучение.

До нас дошло несколько рукописей этого сочинения, название которых в различных списках приводится по-разному: «Хибат-ал-хака-ик» («Дар истин»), «Атабат ал-хака-ик» («Двери истин»), «Гайбат ал-хака-ик» («Тайны истин») и др. Один экземпляр, написанный арабским и уйгурским письмом в 1444 г. в Самарканде Зайн ал-Абидин Бахши ибн Султан Бахт Джурджани Хусайни, хранится в библиотеке Аяа Софийя в Стамбуле (№ 4012). Текст поэмы изложен уйгурским письмом, а *аяты* Корана, *хадисы* и отдельные *бейты* – арабским. Другой экземпляр поэмы, переписанный уйгурским и арабским письмом в 1480 г. в Стамбуле *шайхом* Абд ар-Раззаком Бахши, содержится в сборной рукописи (№4757), хранящейся также в библиотеке Аяа Софийя в Стамбуле. Еще один экземпляр сочинения, переписанный арабским письмом неизвестным лицом, хранится в библиотеке Топкапу-Сарай в Стамбуле (№ 35552/244). Имеется и несколько других списков, которые хранятся в рукописных фондах Турции и Германии. Согласно одной из рукописей, хранящейся в Анкаре, первоначально труд был написан «могольским», т.е. уйгурским письмом, а впоследствии переписан арабским письмом.

Стамбульская рукопись была издана в 1915–1916 гг. Критический текст был издан в 1951 г. и переиздан в 1992 г. в Стамбуле, несколько раз в Ташкенте, и др.

Об авторе «Хибат-ал-хака-ик» известно, что он называл себя Адиб Ахмад, а отца его звали Махмуд Йугнаки, т.е. он был родом из селения Йугнак. В исторической географии Средней Азии известно несколько пунктов с названием Йугнак (Угнак). Один из них находился в области Самарканда, другой – в нижнем течении Сырдарьи, третий – в Ферганской долине. По мнению большинства исследователей, селение Йугнак, в котором родился и вырос Адиб Ахмад, находилось в области Самарканда.

Некоторые сведения об Ахмаде Йугнаки приводит Алишер Навои (XV в.), по данным которого, Адиб Ахмад был родом из страны тюрков и с рождения был слепым. Он жил в селении, расположенном на расстоянии 4 *йизгачей* от Багдада, и каждый день пешком приходил в Багдад, чтобы слушать лекции Имама Аъзама. Вместе с ним эти лекции слушали имам Мухаммад и имам Абу Йусуф. Из этих данных следует, что Ахмад Йугнаки жил в Багдаде и был учеником основателя ханафитской школы мусульманского законоведения Абу Ханифы ан-Нуъмана ибн Сабита (699–767 гг.), известного также как ал-Имам ал-Аъзам. В свое время А.Фитрат считал это маловероятным и оценил сообщение Навои как «легендарное». Исходя из языковых особенностей «Хибат-ал-хака-ик», он полагал, что сочинение было написано в XII или XIII вв., что и было впоследствии принято большинством исследователей. Однако, не так давно на основании данных Навои было вновь высказано предположение, что Ахмад Йугнаки жил в VIII в. и был учеником имама Абу Ханифы. По мнению М. Имомназарова, вместе с Адибом Ахмадом лекции имама Абу Ханифы слушали известные впоследствии законоведы – имам Абу Йусуф ал-Ансари (731–804 гг.) и имам Мухаммад аш-Шайбани (749–805 гг.). Эта мысль, положившая начало новой дискуссии о времени жизни Адиба Ахмада ал-Йугнаки, а следовательно, и времени написания «Хибат-ал-хака-ик», получила поддержку среди некоторых исследователей, но другими была подвергнута критике. В связи с этим была

высказана надежда на обнаружение новых данных, способных внести ясность в решение данной проблемы.

Исследуя средневековую арабоязычную библиографическую литературу, нам удалось найти некоторые новые данные об этом тюркском ученом и поэте. По данным Абу Саъда ас-Самани (XII в.), в области Самарканда находилось селение Йуганак (Йугнак), из которого происходил передатчик хадисов Абу Хамид Ахмад ибн Абу Ахмад ал-Йугнаки. Он жил в Самарканде и изучал хадисы у Сахиба ибн Муслима ал-Балхи, Абд ар-Рахмана ибн Хабиба ал-Багдади, Ибрахима ибн Исхака ас-Самарканди и др. У него изучал хадисы Абд Аллаха ибн Маъсуд ибн Камил ас-Самарканди. Эти же данные приводит и арабский филолог, и географ Якут ал-Хамави.

Время жизни перечисленных ученых в источнике не указаны. Однако, если проследить цепочки передатчиков хадисов и каждого из упомянутых в этом сообщении лиц обозначить тремя звеньями, (а именно: 1-е звено – старшие современники Ахмада ал-Йугнаки, 2-е звено – сверстники Ахмада Йугнаки, и 3-ое звено – младшие современники Ахмада Йугнаки), то кажется, что Ахмад Йугнаки был младшим современником (1-е звено) таких лиц, как Садака ибн ал-Фадл ал-Марвази (ум. после 200/835 г.), Абд Аллаха ибн Абд ар-Рахман ад-Дарими ас-Самарканди (ум. в 255/869 г.), Абд ал-Хамид ибн Хумайд ал-Кашши (ум. в 249/863 г.), сверстником (2-е звено) таких лиц, как Абу-л-Ваъила Мухаммад ибн Наср ал-Музни ал-Марвази ал-Лайси (ум. в 233/847-48 г.), Исмаил ибн Абд ар-Рахман ас-Санджужфини (IX в.), Наср ибн Сайяр аз-Завари ас-Самарканди (ум. в 294/906-07 г.) и старшим современником (3-е звено) таких лиц, как амир Наср II ибн Ахмад ас-Самани (ум. в 301/914 г.), Мухаммад ибн Асам ал-Факих ал-Катавани (ум. в 352/963 г.), Садик ибн Саъид ас-Сунахи ал-Фараби (ум. около 350-961 г.).

Исходя из этих данных, можно с достаточным основанием предполагать, что упомянутый в сочинении ас-Самани, передатчик хадисов Абу Хамид Ахмад ибн Абу Ахмад ал-Йугнаки, жил в IX в. в Самарканде и, по всей вероятности, был сыном Адиба Ахмада Йугнаки – автора сочинения «Хибат ал-хака-ик». Имена Ахмад, Мухаммад, Махмуд, Хамид, Хумайд,

образованные от одного корня (х.м.д.), были весьма популярны в исламской традиции, но в то же время не устойчивы в написании и легко могли варьироваться. Кроме того, при переписке рукописей слово «Абу» очень часто могло быть опущено или наоборот добавлено. Поэтому можно с большой долей вероятности допускать, что сын Адиба Ахмада носил имя Ахмад или Мухаммад.

Конечно, чтобы окончательно убедиться в том, что упомянутый в сочинении ас-Самани, передатчик хадисов из Йугнака, был именно сыном автора «Хибат-ал-хака-ик» Ахмада Йугнаки, надо провести дополнительные исследования. Пока же для такого заключения в нашем распоряжении имеются лишь некоторые косвенные данные. Во-первых, время жизни самаркандского Ахмада ал-Йугнаки (IX в.), во-вторых, упоминание дважды имени Ахмад в его генеалогии, в-третьих, упоминание багдадского *шейха* среди его учителей. Поэтому пока лишь предварительно можно предполагать, что он был сыном Адиба Ахмада. Если это так, то тем самым подтверждаются данные Алишера Навои о времени жизни Адиба Ахмада, который по предположению М. Имомназарова, родился примерно в середине VIII в. и умер в первой половине IX в.

Отец Адиба Ахмада – Махмуд Йугнаки был родом из селения Йугнак, расположенного в области Самарканда. В начале второй половины VIII в. он по каким-то причинам переехал в Ирак и обосновался в населенном пункте, расположенном недалеко от Багдада. Можно полагать, что отец Адиба Ахмада был военным и служил в тюркской гвардии аббасидского халифа ал-Мансура (правил в 136–158/754–775 гг.). В таком случае, местом его жительства вполне могла быть резиденция аббасидских халифов – Самарра, где была расквартирована и тюркская гвардия. Его сын, известный впоследствии как Адиб Ахмад, был с рождения слепым, и следовательно, не имел перспективы в военной карьере. Поэтому отец решил посвятить его изучению наук и отдал в ученики одному из лучших законоведов Багдада имаму Абу Ханифе, известному как ал-Имам ал-Аъзам, у которого он изучал фикх вместе с Абу Йусуфом ал-Ансари и Мухаммадом

аш-Шайбани. Это могло иметь место до 150/767 г., т.е. до года смерти «великого имама». Впоследствии, после смерти или окончания военной службы отца, Адиб Ахмад, вероятно, возвратился на родину и обосновался в Самарканде. Здесь же передавал хадисы и его сын Абу Хамид Ахмад ибн Абу Ахмад ибн Махмуд ал-Йугнаки. Судя по именам его учителей, он изучал у них хадисы в Багдаде. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что его отец, Адиб Ахмад, жил в Багдаде достаточно долгое время и возвратился на родину, вероятно, в конце своей жизни.

В этой связи хотелось бы вспомнить о движении *шузубиййа*, широко распространенном в IX – X вв. среди интеллигенции неарабских народов халифата. Представители этого культурного и политического движения (от арабского *шузуб* – народы, т.е. иные народы), зародившегося еще в середине VIII в. в среде принявшей ислам иранской интеллигенции, отрицали претензии арабов на руководящую роль в культурной, а иногда и политической жизни стран ислама. Это движение, особенно четко проявившееся в литературе, было связано с оппозицией политическому господству арабов и стремлением к возрождению местных литературных языков и традиций, что приводило к возникновению различных еретических течений в исламе.

По своему характеру историю движения *шузубийитов* можно разделить на два этапа. Если первым *шузубийитам* (VIII – IX вв.) было в некоторой степени свойственно высокомерное отношение к арабам и осознание превосходства иранской культуры, то *шузубийитам* X в. были характерны антихалифатские и антиисламские настроения. Кроме иранского *шузубийизма*, наиболее активными деятелями которого были писатель ибн ал-Мукаффа, историк Хамза ал-Исфахани, поэты Башшар ибн Бурд и Абу Нувас, это движение было распространено и в Средней Азии, где его наиболее яркими представителями были Абу Мансур ас-Саалиби и ученый-энциклопедист Абу Райхан Беруни.

Зарождение иранского *шузубийизма*, несомненно, было связано с приходом в середине VIII в. к политической власти в халифате партии Аббасидов, которая как известно, в значительной мере опиралась

на поддержку жителей Хорасана. Известно, что во всех завоеванных странах арабы встречали ожесточенное сопротивление местного населения, которое, как правило, не оказывало им никакой поддержки. К началу второй четверти VIII в. недовольство народов покоренных стран дискриминационной политикой Умайядов достигло предела, чем и воспользовались их соперники – Аббасиды, потомки Аббаса – дяди пророка Мухаммада. Аббасидская пропаганда была начата ими в 30-х годах VIII в. именно в Хорасане и Мавераннахре, где покоренные народы были особенно недовольны политикой Умайядов и в 115/733-34 г. подняли против них восстание под руководством мятежного арабского военачальника ал-Хариса ибн Сурайджа (уб. в 128/746 г.), в ходе которого восставшие захватили власть почти во всех городах и областях Мавераннахра и Тохаристана. Одним из их руководителей был сам верховный тюркский хакан. Хотя это восстание потерпело поражение, оно предопределило конец правления династии Умайядов, вместо которых при помощи жителей Хорасана и Мавераннахра к власти пришла династия Аббасидов.

Начальный этап формирования среднеазиатского, а вернее к тюркского *шуьубийизма*, также был связан именно с началом аббасидской пропаганды, среди активных сторонников которой, наряду с персами и курдами были и хорасанские тюрки. По некоторым данным, сам глава аббасидского движения в Хорасане, Абу Муслим, находившийся на службе у арабского племени *бану иджл*, был тюркского происхождения. Имеются данные о том, что армия Абу Муслима, с которой он выступил против Умайядов, в большинстве состояла из тюрков Хорасана. Туркмены считали Абу Муслима одним из своих предков и представляли его героем подобно Рустаму, который большую часть своей жизни воевал с неверными персами. Баллада о подвигах Абу Муслима, возглавившего национально-освободительную борьбу тюркских народов против арабских завоевателей, сохранилась и в народном эпосе узбеков.

Поэтому вскоре после прихода к власти партии Аббасидов хорасанские тюрки наряду с персами стали занимать ключевые и стратегически важные должности,

прежде всего, в столичном Багдаде, а также в других городах и областях центральной части халифата. Кроме того, многие из аббасидских халифов имели тюркских жен и, следовательно, их престолонаследники генетически наполовину были тюрками. По данным Абу Бакра ас-Сули, служившего придворным *надимом* нескольких аббасидских халифов и написавшего историю их правления, многие из багдадских халифов носили тюркскую одежду, хорошо говорили по-тюркски и проявляли склонность ко всему тюркскому.

Следующий этап в развитии тюркского шуьубийизма был связан с правлением халифа ал-Маъмуна (правил в 198–218/813–833 гг.), который в 182/798–99 г. был назначен наместником Хорасана и Мавераннахра. Через некоторое время его резиденция в Мерве превратилась в центр политической жизни Арабского халифата. Сам ал-Маъмун был иранского происхождения и потому с пониманием относился к судьбам местных народов, в том числе тюрков. В его правление, т.е. в начале IX в., происходит окончательное формирование тюркского шуьубийизма, который, в отличие от иранского, безусловно, имел некоторые свои особенности. Если иранский шуьубийизм был направлен против господства арабов и арабской культуры в исламском мире, то тюркский шуьубийизм был связан с массовым принятием ислама тюрками Средней Азии и со стремлением высшей тюркской военной аристократии и интеллигенции занять достойное место в общественно-политической и культурной жизни халифата. При этом они делали ставку не на противостояние арабам, а на тесный военно-политический союз с ними, который вскоре перерос в еще более тесный тюрко-арабский этнокультурный симбиоз.

В сирийских источниках приводится интересное толкование причин, согласно которым, «тюрки легко объединились с арабами и приняли их веру»: во-первых, тюрки изначально всегда провозглашали единого бога Qan Thangri, которым они считали небесный свод; и когда они узнали, что арабы провозглашают единого бога, то приняли их веру. Во-вторых, впервые тюрки вторглись в землю Маргианы и там обосновались во времена персов.

После выступления (пророка) Мухаммада, тюрки, которые жили на земле Маргианы, присоединились к нему, так же, как персы и курды. Новые тюрки, которые двинулись сюда после утверждения ислама, встретили здесь своих соплеменников, с которыми была сходна их речь. И они нашли тех, которые приняли ислам и последовали им. В-третьих, когда арабы взяли тюрков как наемников на войну против греков, и проникли в цветущие страны, тюрки узнав от арабов приняли слово (пророка) Мухаммада, который сказал: «Когда они (т.е. тюрки) отрекутся от почитания идолов, и его веру будут исповедовать, будет им дана земля, хорошая и красивая, и они воцарятся в ней». И поэтому они приняли ислам.

В 190/805–06 г. в Средней Азии вспыхнуло крупное антиарабское восстание под руководством мятежного арабского военачальника Рафи ибн ал-Лайса, охватившее весь Мавераннахр, Тохаристан и сопредельные области. После подавления этого восстания в 194/809–10 г., одной из главных движущих сил которого были среднеазиатские тюрки, карлуки и токуз-огузы, наступил переломный момент в судьбах народов Средней Азии, связанный с принятием ислама большим количеством тюрков и последующим массовым движением их в политический центр халифата. В арабских источниках нет каких-либо сведений о таком движении. Однако, это событие, несомненно, имевшее место в начале 20-х годов IX в. и прослеживающееся в арабоязычной историко-биографической литературе того времени, оказалось зафиксированным в средневековых армянских источниках, согласно которым «скифы Азии, т.е. тюрки, совершили поход на запад во времена Арабского халифата, в 260 г. по летосчислению армян», т.е. в 811 г. н.э. Конечно, слово «поход», употребленное в армянском источнике, не следует понимать дословно. Здесь, безусловно, речь идет не о военном походе тюрков, а скорее о передвижении на запад большой их группы, имевшем место в 811 г.

Можно полагать, что это движение тюрков в Багдад было вызвано несколькими причинами: во-первых, оно было связано с желанием предводителей тюрков, попавших в плен к арабам после подавления восстания под руководством

Рафи ибн ал-Лайса принять ислам. Многие из них были знатного происхождения и предпочитали принять ислам при содействии самого халифа. Во-вторых, военнопленные тюрки, многие из которых были выходцами из семей земледельческой аристократии, предпочли покинуть родину, поскольку они были лишены своих земель, которые через некоторое время были переданы во владение представителей династии Саманидов. В-третьих, это было связано с приездом ал-Маъмуна из Мерва в Багдад и последующим перемещением туда центра политической жизни халифата.

Эти первые колонии тюрков, основанные в городах центральной части халифата в начале IX в., в последующие десятилетия беспрерывно разрастались за счет новых тюркских переселенцев из Средней Азии. Известно, что халиф ал-Муътасим (правил в 218–227/833–842 гг.) проводил политику широкого привлечения в армию тюркских наемников и рабов, из которых было образовано многотысячное, так называемое «хорасанское», войско. Уже к середине IX в. придворная тюркская аристократия стала оказывать сильное влияние на политическую жизнь всей страны, а в результате багдадские халифы постепенно стали управляемыми в руках тюркских военачальников, которые смещали негодных им правителей и сами назначали новых. Высокое положение тюркской военной аристократии сохранялось и в последующие века вплоть до самого сельджукского завоевания. Многие из них были крупными собственниками и имели огромные земельные владения, пожалованные им в качестве *икта* самим халифом, причем не только в Ираке, но также в Сирии, Египте, Малой Азии и на Кавказе. Так, в IX–X вв. почти во всех городах Египта, Сирии и Палестины правили тюркские правители из династий Тулунидов и Ихшидидов, которые были фактически независимыми от багдадских халифов.

В связи с возрастанием роли тюрков в политическом центре халифата, Багдад становится центром притяжения и для среднеазиатской интеллигенции, которая стремилась туда, надеясь встретить поддержку своих влиятельных земляков и сородичей. Уже в конце VIII – начале IX в. в Багдаде и других городах Ближнего Востока проживали целые группы ученых-хадисоведов

и законовевдов из числа принявших ислам тюрков, о чем свидетельствуют их родовые и нисбы «*ат-Турки*».

В IX в. круг тюркских ученых, выходцев из Средней Азии, получивших известность сначала в арабском, а затем и во всем мусульманском мире, значительно увеличивается благодаря деятельности так называемой мусульманской Академии (*байт ал-хикма*) в правление халифа ал-Мамуна. Значительную часть ученых этого крупнейшего в исламском мире научного учреждения, как известно, составляли выходцы из Средней Азии, в том числе среднеазиатские тюрки, получившие известность не только в области гуманитарных наук, таких, как арабское языкознание, литература, история, хадисоведение, законоведение и др., но и в области точных наук – математики, астрономии, химии и геометрии.

Одним из наиболее ранних представителей тюркского шуьубийизма, на наш взгляд, был и отец Адиба Ахмада, Махмуд ал-Йугнаки, который, вероятно, принимал участие в движении Абу Муслима в Хорасане в середине VIII в., а после прихода к власти Аббасидов служил в тюркской гвардии халифа ал-Мансура. Его сын, Ахмад, стал заниматься изучением *фикха* и *хадисов*, а также был превосходным поэтом, от творчества которого до нас дошло его поэтическое произведение «Хибат ал-хака-ик». Можно полагать, что поскольку сам поэт был слепым, первоначальный вариант этого сочинения был записан уйгурским письмом его отцом, Махмудом Йугнаки, а впоследствии переписан арабским письмом его сыном, Ахмадом (Мухаммадом) ал-Йугнаки в Самарканде.

Против правдивости данных Навои выдвигаются, в основном, два аргумента: во-первых, сочинение Адиба Ахмада было посвящено какому-то эмиру по имени Мухаммад Дад Сипахсалар-бек, а во времена Абу Ханифы (середина VIII в.) титул *сипахсалар* еще не был в употреблении; во-вторых, язык и стиль сочинения свидетельствуют о том, что оно было написано несколько позднее сочинения «Кутадгу билиг» Йусуфа Хас Хаджиба (XII в.), т.е. в XII или XIII в.

Однако, эти противоречия могут быть легко объяснены, исходя из данных самого сочинения «Хибат ал-хака-ик». Во-первых, Адиб Ахмад мог написать его не во время Абу Ханифы, а значительно позже, возможно в конце своей жизни, после возвращения на родину, т.е. в начале или первой половине IX в., когда титул *сипахсалар* уже был в употреблении. Во-вторых, в тексте приложенных в конце к сочинению Абу Ахмада стихов, автором которых является некий Арслан Ходжа Тархан (XV в.), говорится, что «изречения Адиба Ахмада приходится слышать на языках разных народов, которые трактуют их каждый по-своему. Некоторые ошибочно трактуют мысли, высказанные в сочинении, за что заслуживают осуждения среди народа. Поэтому мы написали эту книгу, чтобы каждый прочитавший ее мог постичь истинный смысл изречений Адиба».

Из этих данных следует, что изречения Адиба Ахмада были весьма популярны среди различных тюркских народов, каждый из которых излагал их на своем наречии и трактовал по-своему. При этом стихи Адиба претерпевали изменения и искажения смысла. Поэтому мы не можем говорить с уверенностью, что дошедший до нас текст сочинения Адиба Ахмада отражает язык времени его написания, а не является, скорее всего, отражением языка одного из его более поздних передатчиков, излагавшего смысл изречений Адиба Ахмада на своем наречии.

Таким образом, исходя из вышеизложенных данных, мы считаем, что благодаря сведениям Абу Сада ас-Самани и Алишера Навои, достоверность которых подкрепляется комплексом исторических данных, характеризующих общественно-политическую ситуацию Арабского халифата эпохи ранних Аббасидов (вторая половина VIII – начало IX вв.), мы, очевидно, имеем возможность с достаточным основанием предполагать, что история средневековой тюркоязычной литературы и письменной традиции исламского времени начинается не с XI в., как считалось ранее, а с начала IX века.

литературная критика

Гульчира ГАРИПОВА,
доцент кафедры русской и
зарубежной литературы Узбекского
государственного университета мировых языков

Мифомодель «книги бытия» в мировой литературе XX века

(трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист»
и роман Д. Джойса «Улисс»)

В мировой литературе XX века архетип «мировой книги», как правило, соотносится в своем первичном значении со словом Бога, символически сопряженным со знаменем Начала Мира, и если учесть, что мир сотворен Словом божьим – «И сказал Бог: да будет свет и стал свет» (Библия. Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 1), а человек – духом Божьим (И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою – гл. 2), то вполне объяснимо, что архетипичные модели книги напрямую связаны с аспектом Творения мира-текста и человека. Эта идея приобретает статус концептуальной для литературного процесса всего XX века. В первой половине столетия наиболее активно модель «книги бытия» разрабатывается в прозе Д. Мережковского (в русской литературе) и Д. Джойса (в английской литературе), определяющих в качестве ключевой в гносеологическую доминанту бытия.

Философия Д. Мережковского носила катарсически апокалипсический характер; установка ее была духовно революционная, хотя сам он этого не признавал; стремление – преодолеть все пределы, а идея – глобальное духовное перерождение сознания Мира: «Христос есть вечное да всякому бытию, вечное движение вперед и вперед от космоса к Логосу, от Логоса, Богочеловечества к Богоселенной – *да будет Бог во всем.* – Антихрист есть вечное *нет* всякому бытию, вечное движение назад и назад от космоса к хаосу, от хаоса к последнему ничтожеству – *да будет все ничто* в Дьяволе, в духе небытия. В этом смысле Христос – религиозный предел всякой революции; Антихрист – религиозный предел всякой реакции»¹.

Логос как основа бытия и веры одновременно рассматривается в трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» в призме двух ключевых нравственно-этических категорий христианства – страдание и любовь. И скорбь познания заключена в понимании того, что спасение человека во имя любви к нему возможно только исходя из веры, которой не владеет человек, но имеет истинный Христос, познавший в человеке божественный замысел, ибо: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все

¹ Д. С. Мережковский. В обезьяньих лапах (о Леониде Андрееве) // Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. – М.: Книжная палата, 1991. – С. 206.

через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. И Слово стало плотию». Слышишь, – разум Бога – Слово стало плотию. Слышишь: любовь – от познания. «Великая любовь есть дочь великого познания». Леонардо, один из людей, понял это слово Господа и воплотил его во Христе своем, который «любит все, потому что знает все»².

Интересно, но именно развернутая в системе архетипических образов «лестницы», «библиотеки» и «книги» встреча летописца Джорджо Мерулы и будущего ученика Леонардо Джованни в самом начале второго романа «Леонардо да Винчи» («Воскресшие боги») определяет одну из доминантных концепций «нового религиозного сознания» Мережковского. Точкой отсчета в разворачивании данной концепции становится момент, когда Джованни «тихо вздохнул, вошел в дом консула Калималы и, по крутой лестнице с гнилыми, шаткими перилами, изъеденными червоточиной, поднялся в большую комнату, служившую библиотекой, где сидел, согнувшись за письменным поставцом, Джорджо Мерула, придворный летописец миланского герцога» (I, 316).

Очень важной составляющей «пути познания» становится «библиотека» как некий прообраз Вселенского знания, средоточия той истины, которая способна разрешить противоречие «двоящихся мыслей». Однако книга откровений, которую, как модель высшей истины, знаменая открытия тайны, представляет Мерула Джованни только подчеркивает знаковую «двойную модальность» в системе романских концептов, да и всей гносеологии Мережковского: «Когда Джованни входил в комнату, Мерула тщательно рассматривал истрепанную книгу, похожую на церковный требник или псалтырь.

И указал на страницу, покрытую тесными, остроугольными буквами церковного письма. Это были акафисты, молитвы, псалмы с громадными, неуклюжими нотами для пения.

Потом взял у него книгу, открыл на другом месте, поднял к свету, почти в уровень с его глазами, – и Джованни заметил, как там, где Мерула соскоблил церковные буквы, появились иные, почти неуловимые строки, бесцветные отпечатки древнего письма, углубления в пергаменте – не буквы, а только призраки давно исчезнувших букв, бледные и нежные.

Ты теперь, Джованни, вот как эта книга. Видишь – сверху псалмы покаянные, а под ними гимн Афродите!» (I, 317 – 319).

Концептуальной составляющей архетипа «мировая книга» являются значения «мудрость мира» и «сокровенное знание». И оно, несомненно, задействовано в семантических структурах образа книги у Мережковского. Однако общее семантическое поле гораздо более символически развернуто в сторону позиционирования ключевой гносеологической концепции (несколько отличающейся от онтологической модели «мировой книги», актуализированной во второй половине XX века) Мережковского о приходе «нового религиозного сознания» посредством архетипических составляющих образа книги. Однако Мережковский вносит свои концептуальные коррективы в метафорическую семантику «книги». Подчеркивая структурно и идейно ее «двойную модальность» (В. Курицын) он тем самым обозначает «двойственность» мудрости мира. А поскольку понятие «высшая истина мира» является центральной архетипической идеей образа книги, то тем самым Мережковский выведенную систему антропологической (Хри-

² Д. С. Мережковский. Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 583. – (Библиотека Огонек») (В дальнейшем цитируется данное издание, в тексте в скобках латинской цифрой указан том, римской – страница).

стос – Антихрист), гносеологической (вера – безверие, в значении знание), религиозной (язычество – христианство) и онтологической (рациональное знание – метафизическое познание) оппозиций постулирует как концепт (смысл) бытия. Более того, в поисках основ мироустройства Мережковский по принципу традиционного мифосинкретического мировоззрения древних идет по пути символического сближения Мирового древа, Древа жизни и Мировой книги, Книги жизни. В этом случае метафорические составляющие («листья дерева» и «книжные письмена») данных моделей «онтологических универсалий» совпадают в значении божественных символов Жизни, или, по мнению современного мыслителя и метафизика Рене Генона, могут рассматриваться как «трансцендентные письмена», которые есть «суть вечные сущности или божественные идеи... они же – и все творения, будучи вначале сгущены в божественном всеведении, затем божественным дыханием перенесены на нижние уровни, составили и сформировали, образовали проявленную вселенную»³.

Леонардо «познает» в системе «мирового древа» смысл бытия, постигая в «трансцендентных письменах» природной Книги жизни сущность человека и мира. Древо для него в равной степени представляет модель человека и бытия одновременно. Соотнесенность их определяется смыслом божественной проявленности, образующей и «проявленную вселенную». И если в романе символическая система Мировой книги предопределяет специфику ВЕРЫ (точнее «нового религиозного сознания»), разворачивающей «духовность» бытия, то метафорика Мирового древа символически связана с прообразами человека и мира, соотносимых с «телесностью» бытия. Смысловая структура образов «книги» и «древа» в романе структурируется и в системе пространственных архетипических составляющих пространств «библиотеки» (в которой была найдена книга) как прообраза духовного бытия и роши или леса (по которому гулял Леонардо), соотносимых со сферой сокровенного знания и со-знания соответственно. Как писал К.Г. Юнг, «лесная чаша, место темное и непроницаемое, – вместилище всего неведомого и таинственного... Лес – удачный синоним бессознательного»⁴. Лес представлен в теории Юнга именно как сфера личностного бессознательного, отражающего картину мира, в которой синтезированы константы всеобщих и частных представлений о мироустройстве. Как правило, модель «лес-мир» отражает хаотические представления о мире, о доминанте темных высших сил. Часто их олицетворением становится греческий бог лесов Пан (неслучайно слово «паника» произошло от имени этого бога). Следуя данной логике Мережковский напрямую связывает Леонардо с образом Пана: «...солнце сквозь полупрозрачные ветви озаряло белокурые волосы, длинную бороду и густые нависшие брови Леонардо, окружая голову его сиянием; лицо было спокойно и прекрасно; – в эти минуты походил он на древнего Пана, который прислушивается, как трава растет, как подземные родники лепечут, и таинственные силы жизни пробуждаются» (II, 40).

В системе «леса» Мережковского все работает на создание вертикальной «всеединой» модели бытия. Солнце знаменует начало небесного «верха», трава – жизненный «срединный» мир, подземные родники – «нижний» мир: «По представлениям древних, лес в самом деле открывал дорогу в нижние миры, но в нем же были врата в миры небесные. Подчас лес рассматривался как срединный мир, связующий все остальные, как своего рода портал во все остальные миры.

Г. Гачев замечает, что для русского человека лес, бор – это еще не «тот свет», «но его частокол, чистилище, геркулесовы столбы, русские пропилены». Русский

³ Цитируется по: Drunemeton. Священные роши. - <http://drunemeton.itersuum.ru/index.htm>

⁴ Там же.

лес, как отмечает автор, рождает идею вертикали и глубины, из которой он сам, будучи «шерстью земли», и происходит».

Неслучайно соотнесение Леонардо с Паном и по причине того, что в древности лес считался местом обитания богов, владеющих тайной мира.

На наш взгляд, особую роль здесь сыграла и система философских теорий розенкрейцерства, которыми увлекались практически все русские символисты начала XX века. Природа в целом и «мировое древо» в частности воспринимались последователями этого учения как священная Книга жизни, символически являющаяся моделью единой божественной «мировой книги», своего рода *Liber Mundi*: «Согласно классической формуле розенкрейцеров, выражающей сущность розенкрейцеровского посвящения, «человек, этот *Minitus Mundus* (Малый Мир), читая *Liber Mundi* (Книгу Живой Природы), познает самого Творца, Бога Всеединого, из его творения, тайны которого запечатлены в великой небесной *Liber Theos* (Книга Господа), земным отображением которой являются в свою очередь Библия и другие священные книги человечества». Одним из оснований для такой позиции является текст самой Библии, где сказано буквально следующее: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» Рим. I. 20.

Возможно, именно в системе поэтики романов Мережковского лежит первоначало формирования концептуально значимого специфического типа героя *homo Faber* (человек Творец) и соответственно «книжной модели мира», актуализированных в русской модернистской и постмодернистской литературе XX века. В этой призме представляется важным рассмотрение в этой системе понятий образа царевича Алексея, сына Петра в третьем романе Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)». Он никак не соотносится с типом *homo Faber* и подчеркивается это в нем в романе на уровне очень насыщенного «энтропийного» синтетического образа «хаотического» быта и «космического» бытия, развернутого в призме все той же модели «книжного мира»: «На рабочем столе, за которым он сидел, валялись в беспорядке заржавевшие и запыленные математические инструменты...; вороха бумаг и груды книг в таком же беспорядке: рукописные заметки к всемирной Летописи Барония покрывала куча картузного табаку; на странице раскрытой, растерзанной, с оборванным корешком, Книги, именуемой *Геометрия или Землемерие радикасом и циркулем к научению мудроразлюбивых тшателей*, лежал недоеденный соленый огурец; на оловянной тарелке – обглоданная кость и липкая от померанцевой настойки рюмка, в которой билась и жужжала муха» (II, 325).

Метафорическая модель мира представлена в данной картине в системе трех уровней – космологический, то есть онтологический уровень развернут в призме образа «книги» как символа высшего бытия или гармонии истории; хаотический, иначе – бытийный, образом «еды», точнее остатков, выражающих некую беспорядочность, незавершенность жизни царевича; персонологический, личностный – метафорой «муха в рюмке», соотносимой в первую очередь с образом «пленника» своего отца царевича Алексея. Онтология книги (понимаемая в мифологизме как мифологический космогенез, то есть мир, рожденный из хаоса небытия), резонирующая с хаосом быта героя (метафорически обозначенного в романе состоянием похмелья), тем не менее, подчеркивает возможность, вероятность космопространственной гармонии. Мережковский подчеркивает две составляющие такой модели мира, в которой хаос и гармония взаимообусловлены – история (Летописи Барония) и геометрия (*Книги, именуемой Геометрия или Землемерие*).

Очень своеобразная, исторически заданная, но исторически не «правдивая» – авторская концепция мира разворачивается в романе еще и в контексте синтетической модели «всемирной библиотеки», в которой в полной мере происходит слияние концептуального и перцептуального хронотопов, но теперь уже в призме «ощущений и восприятия, но также и представления, фантазии, настроения, включая образы сновидений» другого героя – Тихона.

Именно в библиотеке, в которой, в космически заданном сутию хаотического мира беспорядке (как символической антитезы геометрически «гармоничному» Петербургу), собраны были самые разные книги Тихон начал постигать смысл религии, истории и бытия: «В Сухаревой башне у генерала Якова Вилимовича Брюса была обширная библиотека и «кабинет математических, механических и других инструментов, также натуралий – зверей, инсект, кореньев, всяких руд и минералов, антиквитетов, древних монет, медалей, резных камней, личин и вообще как иностранных, так и внутренних курьезностей». Брюс поручил пастору Глюку составить ведомость, или опись, всем предметам и книгам. Тихон помогал ему, и целые дни проводил в библиотеке» (II, 375).

Погружение Тихона в пространство библиотеки, символически знаменующее хронотоп всебытия, приближает его к постижению некоего психоделического опыта, приводящего к потере ощущения геометрического отсчета пространства и времени, когда все сливается в целостное сознание, преодолевающее «коллизии сознаний» в принципе, вне всяких уровней. Случившийся с Тихоном припадок падучей означил его погружение в такое измененное состояние сознания, когда пророческое видение «соединялось для него с точнейшими выводами знания» (II, 378). Тихон, составляющий опись книг символически представляет образ миротворца, пытающегося систематизировать «ячейки» мира и тем самым обуздать хаос бытия и привести его к гармонии – основная задача художника-символиста. Так Тихон в своем «миротворчестве» конструирует особый мир, параллельный исторической реальности. Структура этого мира основана на *целостности сознаний* – личностной, бытийной и культурной, достигаемых в призме персонологического ИСС (Тихон не случайно страдал эпилепсией) и символизирующей гармонию, в то время как реальный мир структурируется по принципу «*коллизии сознаний*», символизирующей хаос.

Феномен поведения человека в замкнутом пространстве библиотеки как прамодели мироздания – сюжет очень важный для литературного сознания XX века. С ним связана попытка расширить гносеологические функции сознания человека и вывести его в одну онтологическую плоскость с сознанием мира, символически воплощенном в пространстве «памяти культуре» библиотеки. Мережковский тем самым подчеркивает историческую закономерность присутствия прошлого в настоящем как условия бытийной гармонизации бытового и личностного хаоса настоящего. Интересно, но в романе Джойса «Улисс» (1922), написанном через практически два десятка лет после романа Мережковского (первое издание – 1904 г.), модель библиотеки в принципах структуризации во многом напоминает библиотеку Брюса (II, 375), но с акцентированием концепции «зеркальной памяти», концептуализирующей идею пространственно-временной взаимобратимости прошлого и настоящего: «Какое последнее зрительное впечатление сообщилось ему посредством зеркала?»

Оптическое отражение некоторого числа беспорядочно расположенных книг, перевернутых, идущих не по алфавиту, поблескивающих буквами заглавий на двух полках напротив зеркала.

Каталог этих книг: «Дублинский Адрес-календарь Тома»; 1886. «Тайная история двора Карла II» (красный переплет с тиснением); «Справочник для детей»

(синий переплет); «Философия Талмуда» (брошюра); Хозьер «История русско-турецкой войны» (коричневый переплет, 2 тома, с ярлычком Гарнизонной библиотеки, Губернаторская площадь, Гибралтар, на обороте обложки); «Неизвестная жизнь Христа» (черный картон); «Краткое, но ясное изложение основ геометрии»...»⁵

Библиотека Джойса представляет собой проекцию модели, структурообразующими элементами которой становятся зафиксированные названиями книг бытийные универсалии: культуры с ее иерархическими составляющими – литература, история, философия; истории с ее предметными локусами – мира, стран, личностей; религия в ее развитии и т. д. Особое конечное место в этом хаотическом порядке занимает, на наш взгляд, как и в «описи» мира Мережковского, геометрия, причем символически многоплановая – «Краткое, но ясное изложение основ геометрии», сочиненное по-французски Ф. Игнат. Пардисом и на английский переложенное Джоном Харрисом, доктором богословия. Лондон, отпечатано в словолитне Бишопсхед, попечением Р. Нэплова, MDCCXI, с посвящением его досточтимому другу Чарльзу Коксу, эксвайру, члену парламента от града Саутворк, и с надписью от руки на титульном листе, свидетельствующей, что книга сия есть имя Майкла Галлахера, датированной мая 10 дня 1822 года и выражающей надежду, что в случае утери или пропажи книги всякий, нашедший оную, не замедлит ее доставить Галлахеру Майклу, плотнику, Дьюфери Гейт, Эннискорт, графство Уиклоу, прекраснейшее место на свете» (С. 665).

Конструируя символическую систему мироздания, Джойс в основу ее кладет принцип оптического отражения, подчеркивая ее бытийную гармоничность, противопоставленную бытовому хаосу, концептуальным подчеркиванием геометрической упорядоченности в процессе дискурсивного описания библиотеки как пространства реализации универсального идеала: «Какие размышления занимали его в процессе обратного переворачивания перевернутых книг? Необходимость порядка, все на месте и для всего свое место; недостаточно бережное отношение женщин к литературе; неуместность яблока, втиснутого в бокал, и зонтика, сунутого в стульчак; ненадежность сокрытия какого-либо тайного документа за или под книгой или между ее страницами» (С. 665).

Джойс выстраивает геометрически заданную оптическим отражением эквивалентность гармонии зеркального отраженного порядка и реального хаоса, который под действием «обратного переворачивания перевернутых книг» имеет шанс обрести не только геометрический порядок, но и духовную, субстанциональную, гармонию. Это один из вариантов, предложенный Джойсом, одержания победы над Хаосом посредством создания особой дискурсивной геометрии «памяти культуры». Подобное «диалогизированное» преобразование хаоса в гармонию происходит в системе Джойса за счет художественного создания особого гомотетического⁶ пространства, о котором он как бы вскользь упоминает: «Какие гомотетические предметы, помимо подсвечника, имелись на каминной полке?» (С. 663).

⁵ Джойс Д. Улисс: Роман. / Джеймс Джойс; [пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего; коммент. С. Хоружего]. – М.: Эксмо, 2008. – С. 664 – 665. – (Большая книга). – В дальнейшем цитируется данное издание с указанием в тексте страниц.

⁶ Гомотетия (от греч. *homo's* – равный, одинаковый, взаимный, общий... и *theto's* – расположенный) – иначе преобразование подобия, т. е. преобразование плоскости или пространства. В математике расположение подобных между собой фигур, при котором прямые, соединяющие соответствующие друг другу точки фигур, пересекаются в одной и той же точке. (См. подробнее: Словарь иностранных слов. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1998. – 141.).

Кроме того, комментаторы романа соотносят и книги в «библиотеке» Джойса и «символически» героя романа именно с этой системой отражения: «Гомотетические предметы – каждый из ниже называемых предметов гомотетичен своему отражению в трюмо»⁷.

Джойс как бы трансформирует сам принцип зеркального отражения, в котором предметы или сам герой или книги как символ мироздания, отражаются не в тождественное, то есть совпадающее, а в преобразованное, сохраняющее в себе одни свойства оригинала и меняющие другие, как сын в отце, о связи которых Джойс вполне целенаправленно говорит: «Какое сложное и асимметричное отражение в зеркале привлекло затем его внимание?»

Отражение одинокого (самосоотносительно) изменчивого (иносоотносительно) мужчины.

Почему одинокого (самосоотносительно)?

*Никаких сестер и братьев, он совсем один,
Но отец того мужчины – его деда сын.*

Почему изменчивого (иносоотносительно)?

От младенчества до зрелости он был похож на свою родительницу. От зрелости до старости все более становился похож на своего родителя» (С. 663 – 664).

Таким образом, Джойс соотносит (в системе самосоотносительных и иносоотносительных взаимоотношений) в гомотетическом пространстве не только предметный мир, мир культуры, но и персонологическую систему рода человеческого – сын есть преобразованное подобие отца, то есть своеобразное символическое «обратное переворачивание перевернутых книг» на уровне субъектных структур бытия. Это «преобразованное подобие» значимо своей возможностью преобразования Хаоса в Гармонию. Писатель настаивает на необходимости не преобразования, а нового сотворения новой Гармонии мира.

Так, рассмотрев лишь два инварианта мифомодели «библиотека – прообраз бытия), отражающих эстетическую и мировоззренческую содержательность архетипа «мировая книга», можно говорить о том, что в мировой литературе XX века книга или текст знаково становятся воплощением онтологической и эстетической сути бытия одновременно. «Мироподобная структура» (В. Хализев) данных произведений строится по принципу художественно-символического моделирования некой определенной культурологически мировоззренческой концепции мира, соотносимой с синкретической идеей рождения мира посредством Слова Бога, – концепт архетипа «мировая книга»⁸.

⁷ С. Хоружий Комментарий. // Джойс Д. Улисс: Роман/Джеймс Джойс; [пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего; коммент. С. Хоружего]. – М.: Эксмо, 2008. – С. 914.

⁸ В литературе второй половины XX века (В. Набоков, А. Ким, А. Битов, У. Эко, Х.-Л. Борхес, Кортасар и т. д.) художественная интерпретация мифомодели «мир – книга – библиотека» расширяется до уровней соотношения «сознание мира – сознание книги».

литературная критика

Анатолий ЛИХОДЗИЕВСКИЙ,
доцент кафедры русской и зарубежной
литературы Узбекского государственного
университета мировых языков

Эстетика комического Х.Г. Брекенриджа

(роман «Современное рыцарство»)

Создав галерею специфических характеров, Х. Г. Брекенридж внес определенный вклад в становление традиционных американских комических типов. Слишком резкой кажется оценка персонажей «Современного рыцарства» М. Кореновой, считающей их «условными фигурами, лишенными объемности и подлинной жизни» (3, т.5, 440). Было бы неправильным сводить значение «Современного рыцарства» только к его идейному содержанию. Многие исследователи игнорируют своеобразную поэтику романа. Книга Брекенриджа – не только критика и пропаганда. Автор проявляет незаурядное мастерство комического писателя, и это позволяет утверждать, что «Современное рыцарство» находится у истоков национальной комической традиции, имеющей огромное значение в истории американской литературы.

Эстетика Брекенриджа достаточно ясно выражена в многочисленных «главах-рассуждениях». Если вернуться к авторскому предисловию, в котором он декларирует смысл своей книги в демонстрации образца литературного стиля, то можно сказать, что такое стремление действительно имело место, и автор добился определенных успехов. Перед американской литературой стояла задача выработки стиля, доступного рядовому американцу, задача, решению которой и способствует «Современное рыцарство» Х. Г. Брекенриджа. Автор предназначает свою книгу «народу» (people) и, прежде всего, жителям новых поселений. «Я бы хотел, чтобы мою книгу читали в лесах Том, Дик и Гарри» (6, 471). И в дальнейшем автор неоднократно формулирует принцип простоты стиля, его доступности. «Простота ... это величайшая прелесть» (6, 94). Характерно, что теория стиля проявляется и в сюжетных главах. Капитан Фарраго дает совет слуге Тигу, вдавшемуся в сочинение мемуаров: «Только пиши так, как бы ты говорил, и излагай просто, без аффектации, хорошо понимая свой предмет и используя слов не больше, чем необходимо для твоего смысла» (6, 353).

У Брекенриджа получился необычайный сплав интеллектуальности и грубоватой простоты, что также было его целью. «Эта книга написана для индивидуальности любого уровня образованности и всех уровней интеллекта» (6, 411). Главное же в эстетике Брекенриджа – это проблема комического.

«Ясно, что смех предпочтительней для легких» (6, 411) , шутит писатель. Смеющийся человек обладает большим здоровьем и счастьем. Но с другой стороны беспричинный смех – признак глупости, и смеяться слишком много – крайность, которой мудрец должен избегать. «Позаботьтесь не смеяться, когда смеяться не над чем» (6, 411) , – совет мудрый. Но самому Брекенриджу есть, над чем смеяться. Он прямо признается, что комическая литература (Свифт, Лесажа, Сервантес) была его страстью с самого детства. Признавая, что труд комического писателя неблагоприятен и даже опасен, Брекенридж, тем не менее, делает выбор: «Я нахожу себя более склонным к ироническому, насмешливому способу мышления и письма» (7, 62) . Иронизируя над незавидным ремеслом сатирика (сатира «никогда не платит за службу, а принуждает» (7, 62) , Брекенридж выбирает именно этот путь. Не случайно, что образцы литературного стиля для Брекенриджа представляют, в первую очередь, книги Свифта и Филдинга. Именно их комическим стилем, соответствующим предмету их творчества, он «жаждал овладеть» (6, 643). Своей задачей Брекенридж видит отражение в книге самых различных сторон американской действительности, нарисованных серьезно и комически. Такая книга с точки зрения автора завоевывает больше читателей, и ей обеспечена долгая жизнь. В смехе, в комическом видит автор средство исправления мира. В романе с помощью смеха Капитан Фарраго вылечивает влюбленного, страдающего и угасающего от неразделенной любви. Ну и, конечно, с помощью смеха автор надеется победить «экстремы демократии», то есть ее крайности, фактически извращения. Для этого он не может обойтись без карикатуры. В IV томе II части романа Брекенридж обосновывает ее необходимость. В литературе, особенно сатирической, преувеличение и выдумка просто неизбежны. Карикатура сознательно искажает жизненный образ ради высокой цели. «Там, где в объекте перемешаны достоинства и уродства, вы можете влюбиться в уродства ради достоинств. Использовать карикатуру, следовательно, – представлять уродства как таковые для того, чтобы они перестали быть объектом подражания» (6, 676) .

Разумеется, Брекенридж в области поэтики следует традициям английской просветительской сатиры. «Главы-рассуждения», как правило, написаны в духе классических английских памфлетов XVIII века, имевших развитие и на американском континенте (Б. Франклин и другие). Автор блещет своей эрудицией и остроумием. При этом использует многочисленные приемы книжной сатиры. Неоднократно комически обыгрываются однотипные фамилии персонажей (отличающиеся лишь одной буквой). Комические умозаключения Брекенриджа и его персонажей заставляют вспоминать парадоксы Д. Свифта. К примеру, в сцене спора героев об ученой свинье, знающей целых два языка (визг и хрюканье) и к рассуждениям в этой связи о недооценке настоящей учености среди людей. Также не являются изобретением Брекенриджа пародирование стилей модных памфлетистов, лукавые рассуждения о мотивировке своего творчества, советы не воспринимать его книгу всерьез, построение комических силлогизмов, упражнения в сочинении гудибрастических стихов в стиле С. Батлера, А. Поупа и других. Заимствованной у английских сатириков является сама структура романа. Можно привести еще много примеров зависимости книги Брекенриджа от поэтики английской просветительской сатиры, да и сатиры вообще как таковой. Но важнее обратиться к проявившемуся в творчестве американского сатирика специфическому национальному комизму, особой поэтике, которой не было и не могло быть в английской комической литературе XVIII века.

В своем стремлении показать в книге чисто американский материал, Брекенридж вольно или невольно обращается к специфической национальной комической образности. Можно утверждать, что он был одним из первых авторов, литературно оформивших черты национальной комической поэтики, положив начало жизненной литературной традиции. Источником этой комической образности был для Брекенриджа особый фольклор поселенцев на новых землях.

Жизнь на фронтире была для него образцом того нового, что идет на смену всему косному, устаревшему. Он искренне верил в возможности, которые предоставляет для молодой нации эта особая жизнь, требующая проявления таких человеческих качеств, как деловитость, смелость и самоуверенность. Потому фрагменты «Современного рыцарства», описывающие фронтир как таковой, наименее комичны в книге, которая в целом выдержана в довольно ясной смеховой атмосфере. Во второй части романа (т. II, кн. 4) Брекенридж поэтизирует вольную жизнь на границе цивилизации. И хотя доля иронии присутствует и здесь, фрагмент этот фактически не является сатирическим. Автор с любовью относится к этим несколько странным поселенцам, у которых всегда «остроумия больше, чем денег» (6, 540). Герои романа, поселившись на новых землях, гордо поют комическую песенку, в которой прославляют «лучшую из всех стран, которые когда-либо рождались» (6, 570). Воспевая жизнь на фронтире, Брекенридж соединяет иронию, мягкую незлобную насмешку с явным лиризмом. Сам автор часто смотрит на мир глазами делового поселенца на новых землях и, конечно, смеется тем же смехом, специфичным и по форме, и по содержанию. Лишь немногие исследователи обратили на это внимание.

Брекенридж, разумеется, хорошо знал фронтирный комический фольклор. Он видел в нем не только отражение специфических особенностей формирующейся нации. Он нашел в американском комическом фольклоре новые средства и способы создания литературного комизма (сатиры и юмора) и едва ли не первый в американской литературе применил их в своем творчестве.

Автор предисловия к изданию романа 1965 года Льюис Лири считает одним из американских признаков «Современного рыцарства» «грубый фарс» (slapstick), «резкий (broad) юмор» (7, 15). Правда, критик считает: «Не все в «Современном рыцарстве» угодит всем вкусам. Часть его буйно (riotous) вульгарна, его юмор слишком преувеличен» (7, 18). По мнению Лири, многие истории из романа ждет судьба забытых старых анекдотов.

Но ясно, что слишком открытый, «грубый» (rough) комизм в «Современном рыцарстве» как раз является отражением «грубой» жизни на фронтире и соответственно – ее культуры. Традиция оказалась продуктивной для всей последующей американской литературы, а у истоков ее стоял Брекенридж. Совершенно прав исследователь Рассел Най, рассматривающий в книге «Американская литературная история» (1970) роман Брекенриджа как «вид местной (aboriginal) классики», предвосхищающей комические книги М. Твена (12, 241).

Подобная «грубость», свойственная американскому комическому фольклору действительно впервые в полной мере отражена в книге Брекенриджа. Она насыщена сценами драк, избиений, издевательств над человеком, нарисованных комически. На постоялом дворе слуга Тиг вступает в драку с конюхом после спора о способах мытья лошадей (одной рукой или двумя). Подробное описание

драки, поз дерущихся, пинков и ударов, нанесенных ран является одной из первых сцен такого рода, неоднократно обрисованных в последующей американской литературе (например, классический рассказ О. Лонгстрита «Драка», сцены драк у М. Твена и так далее). Подобные эпизоды встречаются в «Современном рыцарстве» неоднократно: дерутся Тиг и Дункан, дерутся поселяне и так далее. Много внимания уделяется позам дерущихся, шуму, который они создают. И везде драка, побои описаны комически, без малейшего сочувствия человеку. Подобным же образом описаны многочисленные злоключения Тига, когда его вываливают в дегте и перьях, неоднократно держат в клетках, заставляют испытывать физические страдания и так далее. Не стоит в таких случаях упрекать автора в отсутствии гуманизма. Это особенность национальной комической традиции, условность, берущая свое начало в фронтирном юморе, который помогал переселенцам преодолевать свои невзгоды.

Налицо в романе Брекенриджа и традиционный для фронтирного юмора гиперболизм в деталях, обрисовках персонажей, их характеристике. Портрет старухи-хозяйки гостиницы, решившей женить на себе слугу Тига, обрисован с явным преувеличением безобразных черт. «Нельзя было сказать, что зубы у нее были плохие, поскольку их у нее не было совсем» (7, 108). Подобное, характерное для американского комического фольклора преувеличение внешних черт человека, его способностей (как физических, так и мыслительных – «Философ с Воображением» из II части романа), встречающееся в романе достаточно часто, является одним из основных способов создания комического эффекта и сатирической оценки у Брекенриджа. Даже цитаты в «главах-рассуждениях» он подбирает с упором на гиперболизм. Рассуждая о демократии и свободе, он, к примеру, приводит со ссылкой на Плутарха историю о получивших свободу людях, кричавших так громко, что на головы им падали вороны, стаями пролетавшие над ними (фантазия вполне в духе американского фольклора).

Много исследований посвящено традиции использования в американской сатирической и юмористической литературе национальных комических фигур (классическое исследование в этой области – книга К. Рорк «Американский юмор. Исследование национального характера», 1931). Присмотревшись к героям Брекенриджа, читатель может обнаружить первые варианты разработки национальных комических характеров. На страницах романа постоянно встречаются драчуны, болтуны-вральи, спорщики. Брекенридж наметил эти типы характеров, которые впоследствии неоднократно в различных вариантах будут появляться в американской литературе вплоть до литературы второй половины XX века. Одна из самых первых сцен в романе, рассказывающая о состязании на скачках, заставляет вспомнить знаменитую «Скачущую лягушку из Калавераса» М. Твена – шедевра в разработке национального комического типа азартного спорщика и хитреца. Уже разъезжают на страницах «Современного рыцарства» янки-коробейники, торгующие с индейцами и жителями фронта. Проявляет себя в этом образе и Тиг, торгующий фиктивными лекарствами и проявляющий определенную предпринимательскую находчивость. У Брекенриджа коробейники торгуют поддельными скальпами и т.д. Автор, как типичный американец, осуждает крайности, осмеивает их, но и поэтизирует предпринимательство, что вообще характерно для национальной традиции. Иначе говоря, американский комический писатель всегда смеется над пройдохой, хитрецом, но и в определенной мере симпатизирует ему. Это стало традицией и проявилось (может быть, впервые) у

Брекенриджа. Можно также говорить и о комическом собирательном портрете жителя фронта (backwoodsman), с его причудами, привычками, резкостью, воинственностью, уверенностью в преимуществах его способа жизни. Чертами традиционного американского «трикстера» (то есть трюкача, хитреца) обладают многие персонажи романа, в том числе Фарраго и Тиг. Последний, например, манипулируя пальцами во рту у кота, заставляет того произносить звуки, напоминающие ирландскую и английскую речь, что в очередной раз способствует карьере Тига. Мошенники такого рода в книге Брекенриджа выдают себя за говорящих животных, наживаются состоянием, демонстрируя Тига, облаченного в шкуру в качестве говорящей пантеры и так далее. Автор очень изобретателен в своих выдумках, демонстрирует оригинальные находки – приемы сатирической критики. Роль Брекенриджа в разработке национальных комических типов справедливо отмечена К. Рорк в книге «Американский юмор. Становление национального характера» (1931). Комические характеры, созданные им в дальнейшем, привлекли внимание многих выдающихся сатириков и юмористов.

